

2014 №3

MSUPE

PSYCHOLOGY AND LAW

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Ювенальная юридическая психология

Астанина Н.Б.

Особенности доверия другим людям у несовершеннолетних правонарушителей

Достовалов С.Г.

Доверие к социальному миру как фактор формирования правосознания у подростков

Луковцева З.В.

К вопросу о структуре психологических последствий жестокого обращения с несовершеннолетними

Бузыкина Ю.С., Константинов В.В.

Изучение смысложизненных ориентаций и уровня переживания террористической угрозы у представителей трех поколений

Семено А.А.

Профилактика насилия над детьми в семье

Тащёва А.И., Гриднева С.В.

Восприятие детьми семейного насилия

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Мардер Л.Д.

Опыт судебно-психологической экспертизы по вопросам о воспитании и месте жительства детей: измерение рисков

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Михайлов А.Н.

Современное состояние института бесконвойного передвижения осужденных и перспективы его развития в условиях реформирования УИС (психологический аспект)

Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности

Осёдло В.И., Ковальчук А.П.

Субъектно-деятельностный подход в изучении мотивационных факторов личности военнослужащего

Пасько О.Н.

Теоретические аспекты готовности как основа компетентностного подхода в профессиональной подготовке сотрудников милиции

Журнал «Психология и право»

www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196 / E-mail: info@psyandlaw.ru 2013, Том 3. № 1.

E-journal «Psychology and law»

www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196 / E-mail: info@psyandlaw.ru 2013, Vol. 3. no. 1.

Психология девиантного и криминального поведения

Романова Н.М.

Криминальные группы и криминальная субкультура

2014 №3

MSUPE

PSYCHOLOGY AND LAW

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Бовина И.Б.

Возможности социально-психологических моделей для разработки профилактических программ (Часть 1) **1**

Карнозова Л.М., Чиркина Р.В., Аникина В.Г., Аруин С.Ю.

Анализ ситуации в системе управления конфликтами и социальными рисками в образовательных комплексах Москвы, находящихся на разных этапах реорганизации **10**

Кабанова Т.Н., Казаковцев Б.А.

Связь субъективных оценок пациентов, находящихся на принудительном лечении с выраженностью негативной симптоматики и уровнем когнитивного функционирования **32**

Калягин С.Ю., Авдеев Е.С., Шестакова Д.И.

Социально-психологические факторы формирования некоторых элементов правосознания у студенческой молодежи **41**

Кирякова К.А., Богданович Н.В.

Самопринятие и осознание социального аспекта Я – образа у подростков **56**

Кудряшова Е.Л., Луковцева З.В. Исследование субъективного ощущения одиночества пожилых женщин в аспекте суицидального риска **71**

Лютых В.А., Коноплева И.Н. Психологические и криминологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел **86**

Макурина А.П., Белякова М.Ю., Булыгина В.Г. Программы превенции жестокого обращения в интимных отношениях для подростков и юношества за рубежом **102**

Дебольский М.Г., Огор А.Ю. Научный взгляд на проблему ранних воспоминаний и самооценки преступников **114**

Сафуанов Ф. С. История развития судебно-психологической экспертизы. **125**

Возможности социально-психологических моделей для разработки профилактических программ (Часть 1)

Бовина И.Б., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии факультета Московского городского психолого-педагогического университета (innabovina@yandex.ru)

В работе рассматривается проблема разработки профилактических программ в области здоровья и болезни. Отмечается, что прекращение курения в масштабах планеты снизило бы на 25% смертность от различных видов онкологических заболеваний, а также сохранило бы жизнь сотням тысяч людей, умирающих ежегодно от сердечных приступов. Снижение веса лишь на 10% за счет правильного питания и физических упражнений понизило бы заболеваемость сердечно-сосудистыми заболеваниями, а также некоторыми видами онкологических заболеваний.

На основе анализа литературы выделяются различные типы профилактики, отмечается важность профилактических мер, ориентированных на ближайшее окружение больного. Среди основных трудностей, связанных с разработкой эффективных профилактических программ, обсуждаются следующие: 1) игнорирование психологических механизмов изменения поведения; 2) нерелевантность приемов транслирования информации в профилактических кампаниях; 3) временной промежуток между проблемным поведением и его негативными последствиями для здоровья. Обсуждается потенциал моделей социального влияния для разработки профилактических программ в области здоровья и болезни.

Ключевые слова: профилактика, модели социального поведения, изменение поведения, здоровье.

Если бы население планеты перестало курить, то это снизило бы на 25% смертность от различных видов рака, спасло бы жизнь сотням тысяч людей, умирающих от сердечных приступов каждый год¹. Снижение веса всего на 10% с помощью правильного питания и физических упражнений снизило бы заболеваемость сердечно-сосудистыми заболеваниями, а также некоторыми видами онкологических заболеваний [13]. Всего лишь ведение активного образа жизни спасло бы жизнь людям, умирающим от некоторых видов рака, диабета и сердечно-

¹ 375 000 спасенных жизней приходилось бы на долю россиян, умирающих от различных форм рака, сердечно-сосудистых заболеваний, а также хронического бронхита.

© 2014 Московский городской психолого-педагогический университет

© 2014 Портал психологических изданий PsyJournals.ru

сосудистых заболеваний в 15% случаев. Даже эти примеры указывают на крайнюю важность и необходимость различных профилактических программ, которые помогли бы людям изменить поведение, а как следствие – сохранить здоровье и жизнь.

В психологии здоровья принято различать несколько типов профилактики [9]: **первый тип профилактики** (*первичная профилактика*) предназначен для здоровых людей. Основная цель профилактических мер заключается в том, чтобы помочь людям избежать болезни (регулярные обследования здоровья в рамках диспансеризации), не развивать *проблемного поведения* (не иметь вредных привычек), научиться справляться со стрессом.

Второй тип профилактики (*вторичная профилактика*) адресован тем, кто уже заболел какой-либо болезнью или имеет так называемое *проблемное поведение*. Здесь основное предназначение профилактических мер заключается в том, чтобы защитить этих людей от тяжелых последствий (будь то более тяжелые формы заболевания, в случае уже заболевших; или приобретение заболевания, в случае людей с вредными привычками).

Наконец, **третий тип профилактики** (*третичная профилактика*) ориентирован на тех, кто преодолел болезнь или улучшил свое состояние, и кто теперь нуждается в изменении стиля жизни, поведения, привычек в новой ситуации (например, требуется соблюдать диету и определенный режим дня, контролировать физические нагрузки и пр.).

Профилактические меры также могут касаться и семьи больного человека, его ближайшего окружения. В этом случае основной целью является построение отношений с больным человеком.

Очевидно, что все типы профилактики предполагают изменение поведения, а для этого требуется, чтобы профилактическая программа опиралась на те или иные социально-психологические модели.

Трудности, связанные с разработкой эффективных профилактических программ, определяются рядом причин. С одной стороны, не всегда в основе профилактической программы лежит какая-либо социально-психологическая модель, которая позволила бы предсказывать направление изменения поведения [8]. Кроме того, успех реализации профилактических программ в области здоровья определяется, в первую очередь, тем, насколько люди, которым адресована эта информация, понимают ее как релевантную, затрагивающую их лично, знают, как нужно действовать и готовы к этому поведению. Недифференцированное обращение «ко всем» может быть легко отвергнуто, оно не обладает высокой личностной релевантностью. Здесь можно размышлять примерно так: «Если это касается всех и каждого, значит, не меня, так как я – не все и не каждый». Наряду с этим, задача социальных психологов заключается в том, чтобы не драматизировать и не морализировать ситуацию вокруг болезни, как, например, в случае СПИДа, помочь преодолеть страх, указать на превентивные меры и убедить людей в их использовании. Сталкиваясь с пугающей информацией и отсутствием конкретных мер по реальному устранению источника опасности, индивид предпринимает наименее сложную стратегию действий – отрицание риска, защиту на

© 2014 Московский городской психолого-педагогический университет
© 2014 Портал психологических изданий PsyJournals.ru

символическом уровне. Есть основания говорить о том, что только информирование о болезни и способах ее распространения необходимо, но недостаточно, ибо только не остановит темпов распространения заболевания. Люди могут знать о способах распространения ВИЧ-инфекции, быть убежденными в необходимости использования презервативов, но при этом не использовать их. Понимание этого факта является ключевым для разработки превентивных и профилактических программ, ибо требуется, чтобы те, кому они адресованы, не были сторонними наблюдателями, но *участниками*. Как сделать так, чтобы индивид изменил свое поведение?

С другой стороны, даже если профилактическая программа опирается на ту или иную социально-психологическую модель, то существует целый ряд факторов, которые препятствуют эффективному действию профилактических программ. Так, к примеру, индивид получает удовольствие от проблемного поведения (будь то курение, чрезмерное потребление алкоголя, невыполнение физических упражнений, чрезмерное потребление жиров и углеводов), он скептически относится к превентивным сообщениям, более того – в информационном поле существуют и конкурирующие сообщения, которые выглядят более привлекательными, чем превентивные [4]. Самое серьезное препятствие на пути реализации профилактической программы заключается в том, что проблемное поведение – будь то употребление алкоголя, табакокурение, опасные сексуальные практики и др. – и его негативные последствия разделены определенным промежутком времени, что серьезно затрудняет выстраивание причинно-следственных связей для индивида, зато дает ему возможность воспользоваться солидным арсеналом психологических средств, будь то нереалистичский оптимизм, способы снижения когнитивного диссонанса, и другие способы оправдания прежней линии поведения.

В настоящей работе предлагается анализ ряда исследований по проблемам здоровья и болезни, выполненных в рамках моделей социального влияния и теории социальной идентичности, в наших прежних работах эти модели не получили достаточного внимания [1, 2]. В первой части работы речь пойдет о социальном влиянии.

Модели социального влияния. Ф. Зимбардо и М. Ляйппе [4] рассматривают процесс социального влияния как такое поведение одного человека, которое направлено на то, чтобы изменить мысли, чувства и действия другого человека по отношению к некоторому стимулу. В качестве стимула они предлагают рассматривать любую социально значимую проблему. В нашем случае, соответственно, изменение касается того, что человек думает, чувствует или как он реагирует в связи с проблемами здоровья и болезни. По сути, в фокусе внимания оказываются процессы, посредством которых можно воздействовать на восприятия, мнения, представления, убеждения, аттитюды индивидов, чтобы заставить их действовать иначе.

Анализ литературы позволяет говорить о существовании ряда традиций изучения процессов социального влияния. С одной стороны, под социальным влиянием предлагают рассматривать как групповые процессы (влияние большинства и влияние меньшинства), также и убеждающая коммуникация. Именно такой взгляд излагается в работе Ф. Зимбардо и М. Ляйппе «Социальное влияние»

[4], где обсуждаются процессы группового влияния, а также процессы убеждения, ибо ключевая цель заключается в изменении мыслей, чувств и действий индивида.

С другой стороны – процессы социального влияния и убеждения рассматриваются как различающиеся [7]. И дело не только в разнице семантической, которая зачастую игнорируется, как отмечает Ж. Жезуино, даже представителями социальных наук, но в социально-психологических подходах к анализу явлений. Итак, исследования процессов убеждения направлены на анализ изменений аттитюдов, убеждений или поведения индивида в результате воздействия убеждающей коммуникации. Основные вопросы касаются процессов переработки информации, а также результатов воздействия (источник, сообщение и канал передачи информации изучаются отдельно). Социальный контекст остается здесь вне фокуса внимания исследователей. Этот подход основывается на работах К. Ховленда в рамках созданной им *школы убеждающей коммуникации* [3,4]. Современное продолжение этой традиции можно обнаружить в работах Р. Петти и Дж. Качиоппо [10], Ш. Чайкен [5,15]. Эта традиция получила свое преимущественное развитие в работах североамериканских исследователей.

В модели Р. Петти и Дж. Качиоппо предлагается различать два процесса убеждения – *центральный и периферийный* [3, 10]. В первом случае – индивид последовательно перерабатывает информацию, взвешивает «за» и «против» и приходит к выводу о том, что стоит (или – наоборот - не стоит) изменить свою позицию в предлагаемом направлении. Во втором – индивид не выполняет такой работы по переработке информации, изменение позиции связано с тем, что индивид принимает во внимание некоторые стимулы, находящиеся на периферии сообщения – к примеру – экспертность или привлекательность самого источника, привлекательность обстановки, в которой излагается информация. Полагаясь на эту информацию, индивид меняет свое решение в предлагаемом направлении, если валентность ключевых стимулов – позитивная; если же валентность этих стимулов – негативная, то индивид, соответственно – оставляет свое мнение без изменений.

Сходным образом в модели Ш. Чайкен [5, 15] различаются стратегии переработки информации (или – правила принятия решения): *систематический и эвристический*. Если систематический путь – взаимозаменяемое понятие с центральным способом переработки информации – в терминах Р. Петти и Дж. Качиоппо, то эвристический способ переработки информации отличается от того, что Р. Петти и Дж. Качиоппо обозначают как периферийный (хотя некоторые исследователи и отождествляют эти понятия). Сама же Ш. Чайкен говорит о том, что индивид прибегает к эвристическому способу переработки информации тогда, когда систематический способ обработки информации – не возможен (например, в силу отсутствия необходимых способностей, мотивации, времени). Тогда индивид использует имеющиеся у него эвристики для переработки информации – по аналогии с эвристиками *наличия и доступности* [15]. Эвристический способ переработки информации медируется простыми правилами – например – «длина сообщения отражает его силу».

В фокусе внимания исследований социального влияния также стоит вопрос о том, как изменить позицию и поведение индивида, однако, в противоположность исследованиям по убеждающей коммуникации, здесь субъект, на которого

оказывается воздействие, не отделен от социального контекста, он присутствует в нем в духе идей К. Левина [7]. Это направление представлено европейскими социальными психологами, эмигрировавшими в Штаты (среди которых – М. Шериф, С. Аш, К. Левин).

Не имея возможности предпринять детальный анализ различий теоретических конструктов, а также той социально-психологической реальности, которая стоит за ними, обратимся к некоторым исследованиям, которые, опираясь на теоретические положения моделей о социальном влиянии, предлагают изменять поведение, связанное со здоровьем и болезнью.

Важность использования идей социального влияния для решения проблем здоровья и болезни очевидна, ибо любая превентивная или профилактическая кампания направлена на изменение поведения индивидов в связи со здоровьем или болезнью. Предполагается, что любая программа такой направленности базируется на том или ином способе воздействия на индивида, с целью изменения того, что он думает, чувствует и как поступает. В дальнейшем было бы важно проанализировать, какие именно психологические конструкты подлежат влиянию – когнитивные, аффективные или поведенческие; каково то изменение, которое мы должны зафиксировать и в какие сроки. Очевидно, что в рамках различных социально-психологических моделей этот вопрос получает свое разрешение [1, 2], однако, некоторый сравнительный анализ профилактических программ, базирующихся на этих моделях еще только ожидает своего часа.

Любопытный пример действия процессов влияния находим в исследованиях Х. Фаломира с коллегами [6]. Курильщик знает о вреде курения и может даже назвать больше аргументов «против» курения, чем «за». Однако он продолжает курить. Это очень важный факт, ибо зачастую разработчики профилактических программ исходят из убеждения о том, что индивид, демонстрирующий проблемное поведение, ничего не знает об опасности своих действий или бездействии, информацию, которую он получит, поможет ему осознать проблему и изменить поведение.

С точки зрения Х. Фаломира, отсутствие «хороших» причин курить – это уже первый шаг в сторону изменения своего поведения и идентичности. Х. Фаломир предлагает различать внутреннее и внешнее принуждение к изменению, соответственно: отсутствие достаточных причин, чтобы курить, и статус источника влияния. Как показали экспериментальные исследования, внутреннее принуждение повышает интенцию курильщика к прекращению курения только в том случае, если источник внешнего принуждения - убеждающей коммуникации против курения - не является экспертом. В этом случае не-эксперт воспринимается как источник информации, а не влияния. Этот результат, с точки зрения Х. Фаломира, отчасти объясняет неудачи кампаний против табакокурения, ибо определенная часть курильщиков уже чувствует внутреннее принуждение к изменениям поведения, но, сталкиваясь с экспертным источником, воспринимает его как попытку оказать влияние, а не проинформировать о вреде, в результате – продолжает курить.

Другой пример того, как можно воздействовать на индивидов, изменяя определенные параметры процесса убеждающей коммуникации, можно найти в

.....

работах П. Саловея с коллегами. Они обратились к идее «рамочного эффекта», продемонстрированного А. Тверски и Д. Канеманом [14], суть которого заключается в том, что различные способы представления одних и тех же альтернатив ведут к различным решениям. Если одну и ту же информацию сформулировать в терминах выигрышей, то предпочтение отдается безопасным и более надежным решениям, а если - в терминах проигрышей, то предпочтение будет отдано более рискованным.

А. Ротман и П. Саловей [12], развивая эти идеи в области здоровья, предложили некоторое уточнение, а именно - за счет различения двух типов поведения. С одной стороны, имеет место превентивное поведение (например, использование солнцезащитного крема или выполнение физических упражнений), с другой стороны - поведение, связанное с оценкой состояния здоровья (например, маммография или обследование кожи). Если в первом случае - уровень риска невысок, то во втором случае - поведение потенциально связано с риском, ибо в результате исследования у человека может быть обнаружено опасное заболевание. Учет этой дихотомии показал следующие результаты [11, 12]: в первом случае более эффективна информация, сформулированная в терминах выигрыша, призывающая к реализации поведения, связанного со здоровьем, во втором случае - информация, которая сформулирована в терминах потерь, так как выполнение обследования может позволить человеку принять срочные меры для предотвращения болезни. Таким образом, использование различных формулировок одного и того же события заставляют индивида почувствовать свою уязвимость и предпринять действия, направленные на снижение риска привычных действий.

В целом, понимание механизмов социального влияния, а также процесса убеждения крайне важно в связи с попытками оказать воздействие на индивида, изменить его взгляды, установки и привычки в связи со здоровьем и болезнью. Различные модели социального влияния, в рамках которых предпринимаются попытки повлиять на индивида, опираются на ряд механизмов, однако понимание индивида как «решателя задач» вне социального контекста, вызывает сомнения в эффективности их использования для разработки профилактических программ в области здоровья и болезни. Едва ли индивид, который принимает решения в отношении здоровья и болезни, рационален, действует в ситуации, свободной от ценностей, от определенного социокультурного контекста. Ведь опасности и угрозы, с которыми он сталкивается, зачастую оказываются тесно связанными с тем, что привлекательно, приятно, желанно, касается ситуаций, в которых индивид может находиться в состоянии возбуждения (будь то вовлеченность в незащищенные сексуальные отношения с незнакомым партнером, табакокурение, употребление продуктов и веществ, вредных или даже опасных для здоровья и пр.). Таким образом, обращение к моделям социального влияния как способу воздействия на индивида, что, в итоге приведет к изменению поведения, связанного со здоровьем и болезнью, предполагает учет указанных выше факторов.

Литература

1. Бовина И.Б. Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы. - Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. - 473 с.

-
2. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. - М.: Аспект пресс, 2008. - 263 с.
 3. *Богомолова Н.Н.* Социальная психология массовой коммуникации. - М., Аспект пресс, 2008. - 191 с.
 4. *Зимбардо Ф., Ляйпне М.* Социальное влияние. - СПб.: Питер, 2001. - 448 с.
 5. *Chaiken S., Stangor C.* Attitudes and attitude change//Annual Review of Psychology. 1987. Vol.38. P. 575-630.
 6. *Falomir-Pichastor J. M., Butera F., Mugny G.* Persuasive constraint and expert vs. non-expert influence in intention to quit smoking// European Journal of Social Psychology. 2002. Vol.32. P. 209-222.
 7. *Jesuino J.C.* Lost in translation: from influence to persuasion // Diogenes. 2008. Vol.55. P. 107-119.
 8. *Lamboy B., Saïas T.* Réduire la stigmatisation des personnes souffrant de troubles psychiques par une campagne de communication ? Une synthèse de la littérature// Annales Medico-psychologiques. 2013. Vol.171. P. 77-82.
 9. *Matarazzo J.D.* Behavioral health and behavioral medicine: frontiers for a new health psychology// American Psychologist. 1980. Vol.35. P. 807-817.
 10. *Petty R. E., Cacioppo J. T.* The effects of involvement on responses to argument quantity and quality: central and peripheral routes to persuasion// Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol.46. P. 69-81.
 11. *Rivers S., Salovey P., Pizarro D., Pizarro J., Schneider T.* Message framing and Pap test utilisation among women attending a community health clinic // Journal of Health Psychology. 2005. Vol.10. P. 65-77.
 12. *Rothman A.J., Salovey P.* Shaping perceptions to motivate healthy behavior: The role of message framing// Psychological Bulletin. 1997. Vol. 121. P. 3-19.
 13. *Taylor S.E.* Health psychology: the science and the field// American Psychologist. 1990. Vol.45. P. 40-50.
 14. *Tversky A., Kahneman D.* The framing of decisions and the psychology of choice// Science. 1981. Vol.211. P. 453-458.
 15. *Zuckerman A., Chaiken S.* A heuristic-systematic processing analysis of the effectiveness of product warning labels// Psychology and Marketing. 1998. Vol.15. P. 621-642.

The potential of socio-psychological models for the development of prevention programs (Part 1)

Bovina I.B., Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (innabovina@yandex.ru)

This paper considers the problem of designing prevention programs in health and disease. We note that smoking cessation on the planet would reduce mortality from various types of cancer by 25%, and would also save the lives of hundreds of thousands of people who die each year from heart attacks. Losing weight by only 10% through proper nutrition and exercise would reduce the incidence of cardiovascular disease, as well as certain types of cancer.

Based on the literature review, we reveal the different types of prevention, show the importance of preventive measures aimed at the patient's immediate environment. Among the main difficulties associated with the development of effective prevention programs we discuss the following: 1) ignoring the psychological mechanisms of behavior change; 2) irrelevance of media broadcast methods in prevention campaigns; 3) the time between the problem behavior and its negative effects on health. We discuss the potential of social influence models for the development of prevention programs in the field of health and disease.

Keywords: prevention, social patterns of behavior, behavior change, health.

References

1. *Bovina I.B.* Social'nye predstavlenija o zdorov'e i bolezni: struktura, dinamika, mehanizmy. - Dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2009. - 473 p.
2. *Bovina I.B.* Social'naja psihologija zdorov'ja i bolezni. - M.: Aspekt press, 2008. - 263 p.
3. *Bogomolova N.N.* Social'naja psihologija massovoj kommunikacii. - M., Aspekt press, 2008. - 191 p.
4. *Zimbardo F., Ljajppe M.* Social'noe vlijanie. - SPb.: Piter, 2001. - 448 p.
5. *Chaiken S., Stangor C.* Attitudes and attitude change//Annual Review of Psychology. 1987. Vol.38. P. 575-630.

-
6. *Falomir-Pichastor J. M., Butera F., Mugny G.* Persuasive constraint and expert vs. non-expert influence in intention to quit smoking// *European Journal of Social Psychology*. 2002. Vol.32. P. 209-222.
 7. *Jesuino J.C.* Lost in translation: from influence to persuasion // *Diogenes*. 2008. Vol.55. P. 107-119.
 8. *Lamboy B., Saïas T.* Réduire la stigmatisation des personnes souffrant de troubles psychiques par une campagne de communication ? Une synthèse de la littérature// *Annales Medico-psychologiques*. 2013. Vol.171. P. 77-82.
 9. *Matarazzo J.D.* Behavioral health and behavioral medicine: frontiers for a new health psychology// *American Psychologist*. 1980. Vol.35. P. 807-817.
 10. *Petty R. E., Cacioppo J. T.* The effects of involvement on responses to argument quantity and quality: central and peripheral routes to persuasion// *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol.46. P. 69-81.
 11. *Rivers S., Salovey P., Pizarro D., Pizarro J., Schneider T.* Message framing and Pap test utilisation among women attending a community health clinic // *Journal of Health Psychology*. 2005. Vol.10. P. 65-77.
 12. *Rothman A.J., Salovey P.* Shaping perceptions to motivate healthy behavior: The role of message framing// *Psychological Bulletin*. 1997. Vol. 121. P. 3-19.
 13. *Taylor S.E.* Health psychology: the science and the field// *American Psychologist*. 1990. Vol.45. P. 40-50.
 14. *Tversky A., Kahneman D.* The framing of decisions and the psychology of choice// *Science*. 1981. Vol.211. P. 453-458.
 15. *Zuckerman A., Chaiken S.* A heuristic-systematic processing analysis of the effectiveness of product warning labels// *Psychology and Marketing*. 1998. Vol.15. P. 621-642.

Анализ ситуации в системе управления конфликтами и социальными рисками в образовательных комплексах Москвы, находящихся на разных этапах реорганизации

Карнозова Л. М., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий (лаборатории проблем социализации и защиты прав несовершеннолетних) Московского городского-психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН karnozova@yandex.ru)

Чиркина Р. В., кандидат психологических наук, заведующая Научно-исследовательской лабораторией ювенальных технологий (лаборатории проблем социализации и защиты прав несовершеннолетних), доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (rirmach@bk.ru)

Аникина В. Г., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий (лаборатории проблем социализации и защиты прав несовершеннолетних) Московского городского психолого-педагогического университета (vegav577@mail.ru)

Аруин С.Ю., руководитель Союза «Принятие-Доверие-Перспектива» (AVP), Дюссельдорф, Германия, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета (vereinavp@yahoo.de)

В статье проанализированы проблемы управления образовательными комплексами, в том числе, на основе субъективных представлений об этом педагогов, родителей, учащихся из различных субъектов интеграции. Представлены результаты пилотного исследования, проведенного в 2013 году сотрудниками НИЛ ювенальных технологий в 6 образовательных учреждениях Москвы, находящихся на разных этапах реорганизации в образовательные комплексы. Исследование отвечало на вопросы: какие риски для учреждений образования и участников образовательных отношений сопутствуют процессу реорганизации, как выявить и предотвратить конфликты, обеспечить нормальную учебу школьникам и работу учителям (такая *охранительная* функция важна при любых организационных изменениях, поскольку они сами по себе являются дезорганизующим по отношению к прежней организации, стрессогенным и конфликтогенным фактором). На основе результатов исследования был разработан Проект модели «Организация системы предупреждения и преодоления конфликтов и других социальных рисков в образовательных комплексах», включающий методические рекомендации для руководителей образовательных комплексов, методические пособия для специалистов школ, ПМСС-Центров и других учреждений системы профилактики, а также сборники материалов для внедрения в образовательных комплексах модели работы с конфликтами и формирования конфликтологических компетенций участников образовательного процесса, в том числе, на основе восстановительной медиации (по модели Школьной и Территориальной службы примирения).

Ключевые слова: управленческая модель, образовательные комплексы, восстановительная медиация, конфликты, медиация, конфликтологические компетенции, профилактика девиантного поведения, сопровождение несовершеннолетних в конфликте с законом, служба примирения, анализ ситуации, комиссии по урегулированию споров, управляющие советы, модели реорганизации.

Одной из задач государственной программы Москвы на среднесрочный период (2012-2016 гг.) «Развитие образования Москвы («Столичное образование»)», является «комплексное развитие сети образовательных учреждений для обеспечения доступности дошкольного, общего и дополнительного образования независимо от территории проживания и состояния здоровья». Миссия создания устойчивых образовательных систем может быть возложена на крупные образовательные комплексы Москвы.

Первые крупные образовательные комплексы в Москве начали создавать в середине 90-х годов прошлого века. Новым стимулом к созданию крупных образовательных комплексов послужило стремление школ максимально удовлетворить потребности московских семей в доступном качественном образовании, современная система финансирования, активное участие родителей и педагогов в жизни школы, открытость и прозрачность работы образовательного учреждения и многое другое [3].

Крупный образовательный комплекс в контексте столичного образования следует рассматривать как образовательную организацию, способную обеспечить

жителям микрорайона весь спектр услуг, который нужен потребителям. Это самообучающаяся образовательная организация, в которой педагогический и ученический коллективы осознанно обучаются, изучают и совершенствуют образовательный процесс. Крупный образовательный комплекс может включать учреждения дошкольного, начального, основного, среднего (полного) общего образования, дополнительного образования детей, коррекционное структурное подразделение и другие образовательные учреждения. Весьма значимо, что в таком образовательном комплексе происходит интеграция материально-технических, кадровых и других ресурсов всех объединенных образовательных учреждений. Деятельность крупного образовательного комплекса строится в соответствии с основной образовательной программой образовательного учреждения. Основная образовательная программа всех ступеней обучения выстроена таким образом, что с учетом всех ресурсов, которые сосредоточены в школе, можно прогнозировать конкретные результаты обучения. При этом выбор нижнего уровня прохождения основной образовательной программы ориентирован на выполнение стандартов обучения, а верхний уровень не ограничен [3].

Логика нашего исследования опиралась на конструкты, которые обеспечивают понимание в коммуникации, а, следовательно, в любой сложной деятельности, в которой участвуют разные специалисты и иные носители социальных ролей (учащиеся, родители и пр.). И, конечно же, к таким сложным деятельности относятся любые социальные преобразования – в этом случае все на несколько порядков усложняется, поскольку здесь речь идет о «деятельности над деятельностью»: предметом преобразования как деятельности оргуправленческой (деятельность-1) является другая – сложившаяся, укорененная система деятельности (деятельность-2).

В нашем случае речь идет о реорганизации системы московского образования. И предложенная выше фиксация предполагает, что *системно* мы должны разложить обе эти *деятельности*. В ходе этой работы проявляется место конфликтов и работы с ними.

Следуя этой логике, мы выделили в качестве *объекта исследования* проблемы реорганизации образовательных учреждений в образовательные комплексы.

В качестве предмета исследования были выделены:

1. система работы с конфликтами и социальными рисками в образовательных комплексах.
2. психологические феномены, выражающиеся в переживании проблемных и конфликтных ситуаций, которые явились следствием реорганизации образовательных учреждений Москвы.

Задачи:

1. Исследование типов конфликтных и стрессовых ситуаций, факторов возникновения различных социальных рисков.

-
2. Разработка и апробация в образовательных комплексах модели работы с конфликтами и формирования конфликтологических компетенций участников образовательного процесса, в том числе на основе восстановительной медиации (по модели Школьных и территориальных служб примирения).

Методы исследования: Ситуационный анализ (проведение фокус-групп, анкетирования, интервью), метод экспертных оценок, анализ кейсов. Анализ теоретических источников.

Выборка и базы исследования: участники образовательных отношений ГБОУ Москвы, специалисты системы образования; образовательные учреждения Москвы на разных этапах реорганизации, образовательные комплексы, ПМСС-Центры.

На первом этапе анализа существующей ситуации и построения модели исследования мы провели социологический опрос представителей заинтересованных сторон и экспертов в области образования по вопросам:

- 1) какие риски для учреждений образования и участников образовательных отношений сопутствуют процессу реорганизации, как выявить и предотвратить конфликты, обеспечить нормальную учебу школьникам и работу учителям (такая *охранительная* функция важна при любых организационных изменениях, поскольку они сами по себе являются дезорганизующим по отношению к прежней организации, стрессогенным и конфликтогенным фактором);

- 2) какие существуют возможности *развития образования* в этих условиях.

Опрос проводился как индивидуально, так и в формате фокус-групп, экспертных интервью. В опросе участвовали более 40 специалистов системы образования (школ, образовательных комплексов, ПМСС-Центров, системы управления образованием), родителей и учащихся.

На основании результатов соцопроса были сформулированы опросники, проведены индивидуальные и групповые полу-структурированные интервью с участниками образовательных отношений.

Теоретический анализ различных сторон деятельности управления и содержательной деятельности образования.

Содержательное организационное управление.

Когда мы говорим об управлении, то, как правило, в этом термине сливаются разные деятельности - организация, руководство и управление [4].

Руководство – это передача сверху вниз целей, задач, способов и пр. При этом предполагается, что у исполнителя (подчиненного) собственных целей (в рамках данной деятельности) нет. А вот *управление* предполагает *самодвижение управляемого объекта*, а, следовательно, наличие собственных целей у тех, кто включен в управляемую систему.

Это не означает, что управленец не выдвигает целей и ориентиров, но суть его работы как раз и состоит в такой организации, чтобы, не ломая целевых установок подчиненных, сообразуясь с имманентными траекториями управляемых систем, двигаться к намеченной цели. Это, в частности, означает, что система, где есть управление – это многоцелевая система. А *организация* – это создание определенного рода конструктов, которые позволяют это движение обеспечить.

И в основе этих конструктов лежит принцип системного представления, который не сводится к плоскостному представлению об элементах системы и связях между ними, а предполагает выделение «слоев»: процессы, функциональные структуры, структуры связей, организованность материала и материал. Но когда мы начинаем с помощью системных представлений анализировать социальные единицы деятельности, то в «одном и том же объекте» неизбежно выделяются несколько систем, т.е. мы приходим к использованию понятия *полисистемы*.

Например, «в одном объекте» (школе/образовательном комплексе) существуют и взаимодействуют: финансовая система, педагогическая система, система человеческих отношений, менеджеральные технологии, культурная среда, система безопасности и т.д. и т.п. А в процессе реорганизации все эти «слои», «системы», «взаимосвязи» и т.п. становятся потенциальными зонами конфликтов.

Таким образом, на уровне первого и грубого различия следует пока зафиксировать, что когда мы говорим об организационно-управленческой системе, необходимо зафиксировать не одну («чисто управленческую»), а две системы: управляющую и управляемую, поскольку первая без второй *не существует*. И здесь мы обозначаем еще один принцип - принцип «содержательного управления» - обеспечения содержательной идентичности и развития управляемой системы при управленческих реорганизациях. Но надо понимать, что каким бы ни было обоснование реорганизации (особенно, если это обоснование ограничивается только экономическими мотивами), нет никакого *однозначного соответствия* между содержательными задачами управляемой системы и технологическим управленческим обеспечением.

Поэтому в ситуации реорганизации/слияния различных образовательных субъектов для целей образования важно, чтобы при изменении управленческих технологий содержательные задачи не затерялись в суе организации трансформаций. В случае с образовательными комплексами, вопрос, следовательно, состоит в том, а что при этих реорганизациях происходит с образованием? Т.е. не просто с людьми, а с теми процессами и функциями, ради которых система образования в обществе существует? К примеру, возможно ли при таких условиях сохранить разнообразие образовательных траекторий, профессионализма педагогов, способных работать по специальным программам и т.д.?

Ориентированы ли реорганизуемые учреждения преимущественно на улучшение функционирования самой управленческой системы, или реорганизация направлена на реализацию новых целей, поставленных перед управляемой системой? Первое тоже возможно – к примеру, совершенствование бухучета и т.п.

В нашем исследовании предметом анализа стали именно психологические последствия конфликтных отношений в управляемой системе.

Соотношение «системы деятельности» и «ведомства» как социально-институциональной формы организации деятельности.

Преобразование образовательного ведомства коснулось не только педагогических систем, но и, к примеру, психологических центров. Специалистов этой реформируемой среды волнуют вопросы: Какие при этом ставятся цели? Как соотносятся менеджеральные преобразования с сохранением и развитием практической психологии в области детства? Не приведут ли происходящие реорганизации к разрушению профессии, которая стала оформляться у нас лишь в последние четверть века после ликвидации в середине 30-х годов? Какова новая система взаимоотношений Центров со школами (что нужно школам от Центров и ограничивается ли их роль только тем, чтобы обслуживать школы)? Как сохранить изначальную миссию Центров – развивать практическую психологию? Специалистов центров беспокоит, что их функции могут быть сведены только до сервильной функции, хотя Центры действительно должны заниматься практической деятельностью. К примеру, функционал сотрудников центров определяется «поголовьем детей», а не решаемыми проблемами. Так, например, время и профессиональное мастерство отданное работе со взрослыми – родителями, учителями – не засчитывается психологам как рабочее.

Действительности реорганизации

Итак, в самом начале мы сказали о том, что для формирования концепции и модели требуется понятийная проработка, а для этого нужны соответствующие категориальные опоры. И тем самым важно различать *реальность* нашей жизни и *действительность* мышления.

С учетом предыдущих рассуждений, мы выделили по крайней мере четыре действительности анализа и проектирования, которые следует иметь в виду:

- педагогическое
- психолого-практическое
- управленческое
- сервильное.

Для построения модели системы профилактики конфликтов и рисков в процессе реорганизации образовательных учреждений, необходимо двигаться во всех этих направлениях и рассматривать их не как альтернативные, а как взаимодополняющие.

Результаты исследования типов конфликтных и стрессовых ситуаций, факторов возникновения различных социальных рисков в образовательных комплексах на разных этапах реорганизации.

Предмет исследования - проблемные ситуации (конфликты, социальные риски, факторы дезадаптации), вызванные реорганизацией.

Методы и инструменты исследования. Для целей исследования на основании результатов экспертного интервью были разработаны опросники полуструктурированного группового и индивидуального интервью, анкета оценки ситуации реорганизации.

Выборка и база исследования.

В исследовании принимали участие представители всех категорий участников образовательных отношений: 250 учащихся (старших классов), 40 родителей, 78 педагогов и специалистов. Респонденты были представителями 7 школ, 3 образовательных комплексов, 6 ПМСС-Центров, находящихся на разных этапах реорганизации. Все исследовательские процедуры проходили анонимно, поэтому принадлежность к конкретным школам для части респондентов не фиксировалась.

Интервью со всеми участниками образовательных отношений строились на проблемно-сфокусированном подходе и были напрямую связаны с ситуацией реорганизации на этапах:

1. Принятия решения о присоединении к комплексу,
2. В процессе реорганизации.

Для каждой категории респондентов были разработаны интервью и анкеты с учетом этапности реорганизации (вопросы на прогноз и констатирующие), в которых нашли отражение основные проблемы, с которыми могут столкнуться или уже столкнулись учителя, родители, ученики в процессе реорганизации школ в образовательные комплексы. Все вопросы анкет (они же – вопросы интервью) были классифицированы по типам проблем, имеющим конфликтогенный характер.

Таблица 1.

Типы проблем участников образовательных отношений на этапе реорганизации образовательных комплексов.

	Тип проблем учителей	Тип проблем родителей	Тип проблем учеников
	Открытость	Открытость	Открытость
	Информированность	Осведомленность	Осведомленность
	Сложности налаживания отношений с новой	Сложности налаживания	Сложности налаживания

	администрацией.	отношений с новыми учителями и администрацией	отношений с новыми учителями
	Сложности в налаживании отношений с новым учительским коллективом, с новыми учащимися, новым детским коллективом, с новыми родителями.	Сложности в налаживании отношений с новым родительским коллективом	Сложности в налаживании отношений с новым ученическим коллективом.
	Беспокойство, связанное со сменой адреса пребывания.	Смена места учёбы	Смена места учёбы
	Сомнение в соответствии профессиональным эталонам. Появляется ситуация конкуренции между учителями.		Сохранение взаимоотношений с учителями из своей школы.
	Неопределённость в представлении о размере будущей заработной платы.		
	Неравномерное распределение нагрузки, ориентированное на то, какая школа является образующей, и чья администрация будет руководить комплексом		
	Сохранение классного руководства		

Качественный срез ситуации присоединения мы получили в процессе групповых интервью с педагогами и представителями администраций школ, вошедших в состав образовательных комплексов.

Вопросы фокус-группы:

1. После объединения с другой школой могли бы вы отметить какие-либо изменения?
2. Какие проблемы вы бы обозначили за истекший период слияния школ?

Приведем некоторые выводы, полученные в одном из таких обсуждений. Ответы на первый вопрос позволили выделить следующие виды изменений в процессе объединения школ, которые носят как позитивный, так и негативный характер:

1. Усилилась сплочённость коллектива поглощаемой школы. Ощущается большая эмоциональная поддержка друг друга, большая открытость, стремление обсудить проблемные вопросы, разрешить возникающие сомнения. Больше чем когда-либо весь коллектив школы интересуется своей стабильностью – наблюдается общее стремление сохранить коллектив (уговорить тех, кто хочет уйти или думает об этом). При попытке кого-то из коллектива уволиться наблюдается процесс общего смятения, разочарования, переживания. На данный период система – школьный коллектив – испытывает стресс.

2. Усилилась интенсивность коммуникаций между членами коллектива. При отсутствии необходимой информации о событиях в другой школе, любая информация о действиях директора, администрации, находящихся в другом здании школы, собираются «по крупицам». Эта скудная информация подвергается неоднократным интерпретациям и искажениям. Создаётся «мифическая картина» будущей жизни школы, что в целом отрицательно сказывается на работе коллектива.

3. Сократился состав школьного коллектива. Уволился ряд ведущих учителей, социальный педагог, психолог и завхоз. Деятельность этих людей была для школы основополагающей. Поэтому ощущение стабильности в школьном коллективе резко изменилось – среди учителей наблюдается растерянность.

4. Изменился учебный план – он стал соответствовать требованиям головной школы. Изменения коснулись языковой подготовки детей. Вместо двух иностранных языков, который изучали дети со второго класса, по новому плану остаётся один язык, а второй будет вестись факультативно. Эти изменения повлияли на нагрузку учителей английского языка и затронули интересы родителей.

5. Изменился график работы школы – она перешла на пятидневку, что не очень понравилось ученикам и родителям.

6. Ученики стали носить школьную форму, это стало их более дисциплинировать.

7. Многие ученики забрали документы и перешли в другие школы, считая, что уровень образования в школе резко снизится. В большинстве случаев

документы забрали отличники. Состав классов начал сокращаться, что повлияет на заработную плату учителей.

Выделенные изменения повлияли на жизнь школы в самом широком смысле слова и явились основанием возникновения следующих проблем:

1. Проблема эффективного руководства коллективом. Отсутствие четких указаний, объяснения стратегии развития со стороны нового руководства вызывает информационный коллапс, рассогласованность в действиях присоединяемого коллектива, страх неизвестности, что с одной стороны, вызывает у учителей стремление уйти из школы, а с другой стороны, катализирует процесс сплочения коллектива присоединяемой школы вокруг своих неформальных лидеров.

2. Принятие новых учебных планов легло в основу конфликта между руководством школы и родителями. Так как родители не были предупреждены об этом, то часть из них забрала документы детей и перевела их в другие школы. Возникла угроза потери хорошего (отличники, мотивированные на успехи в учёбе учащиеся) контингента учащихся и снижения зарплаты учителям.

3. Проблема взаимоотношения между руководством присоединяемой школы и отдельными учителями. Ряд учителей высказывает негативное отношение к происходящему, в том числе и к родителям, что приводит к конфликту между руководством и родителями, а затем руководством и учителем. Возникают локальные многосубъектные конфликты, которые заканчиваются увольнением учителя и уходом учащихся в другие школы.

4. Проблема руководства родительским коллективом. Резкие изменения в планировании, графике работы школы вызвало бурное недовольство отдельных родителей работой администрации школы. Сложившаяся ситуация требует снижения напряжённости и выработки общего понимания совместных действий.

В исследовании помимо индивидуальных и групповых интервью применялось также анкетирование по опроснику «Основные проблемы педагогов в процессе реорганизации школ». Были выделены 9 показателей проблемности (Табл. 1).

При обработке данных с помощью программы Statistica 6 при сравнении двух групп по критерию Манна-Уитни U получены различия на уровне значимости $p < 0,05$ по семи показателям (табл.2).

Таблица 2.

Сравнение результатов опроса школьных коллективов на разных стадиях объединения (в % от общего числа респондентов).

	1	2	3	4	5	6	7
До объединения	42%	30%	28%	17%	80%	86%	56%
В процессе	89%	85%	43%	92%	49%	49%	100%

Показатели:

- 1- информирование о реорганизации;
- 2- проблемы в создании единого педколлектива;
- 3- проблемы с распределением учебной нагрузки;
- 4- конкуренция между учителями;
- 5- проблема объединения детских школьных коллективов;
- 6- проблема сохранения целостности классов объединяемых школ;
- 7- проблема сохранения рабочего места.

Как видно из таблицы, наиболее велики различия по восприятию учителями сложности в налаживании отношений с новым учительским коллективом. В школе, где процесс объединения в полном разгаре, проблема создания единого учительского коллектива из различных школ является более существенной, чем кажется их коллегам до объединения. В большей степени после объединения проявились проблемы и конфликты, связанные с распределением учебной нагрузки, сохранения рабочего места и конкуренции между учителями. Снизилась тревога по поводу объединения и сохранения классов и детских коллективов.

Анализ интервью родителей.

Половина опрошенных родителей (49%) не знали, что школа, в которой учатся их дети, включена в процесс создания учебного комплекса, соответственно остальные родители (51%) уже владели этой информацией. Такое распределение процентных долей говорит о том, что информированию родителей об изменениях, связанных с жизнью школы, администрация уделяет недостаточно внимания. Это можно объяснить тем, что сама администрация, педагоги и специалисты только начали сами осваивать эту информацию. Можно предположить, что для многих

родителей начало учебного года и кардинальное изменение статуса школы станет неожиданностью – и вызовет напряжение и стресс.

На вопрос о том, возникнут ли проблемы во взаимоотношениях между родителями и новыми учителями при присоединении различных школ большая часть родителей - 66% посчитала, что эти проблемы неизбежно возникнут, и только 33% - не согласилась с этим. Причём, в уже работающих комплексах 50% родителей отмечают, что не испытывают сложности в налаживании отношений с новыми учителями. И только 33% - отвечают, что такая проблема у них есть. Остальные 27% родителей затрудняются с ответом. Следовательно, фактор, связанный со сложностью налаживания отношений с новым учительским коллективом, можно не рассматривать как ведущий в выявленной направленности на появление проблем в будущих отношениях родителей с новыми учителями.

А вот отношения с новой администрацией, с точки зрения родителей, будут выстраиваться более позитивно – на это надеются более 60 процентов участников интервью.

В качестве актуальной проблемы родители выделили налаживание взаимоотношений между родителями учащихся объединяемых классов. Так, 39% родителей считают, что если такой сценарий развития событий возможен, неизбежно возникнут конфликты и недопонимание. Это может привести к расколу класса, невозможности использовать потенциал родителей для участия в управлении школьным процессом. Половина родителей уверена, что смогут найти общий язык с другими родителями. И только, 11% участников исследования не имеют однозначного ответа на поставленный вопрос. Наиболее оптимистично настроены родители, активно участвующие в жизни школы в качестве членов Управляющего совета и родительского комитета.

Можно отметить резко отрицательное отношение родителей (70%) к смене места учёбы детей. Для них это является колоссальным стрессом, связанным с изменением привычного уклада жизни. Место учёбы – это место, где и родители, и ребёнок чувствуют себя достаточно комфортно. Но роль родителей достаточно велика и они способны изменить административные решения, как это было в одном из комплексов, когда рассматривался вопрос о том, чтобы здание присоединяемой школы отдать под начальную школу, а здание головной школы – под среднюю и старшую. Перемены такого масштаба для учащихся обеих школ не были одобрены большинством родителей. В другом комплексе вынужденное перемещение оставшихся после выпуска учащихся из бывшей школы для детей с девиантным поведением в здание детского сада, неприспособленного для обучения подростков, вызвало недовольство и педагогов, и родителей, и учащихся. Не оправдались ожидания родителей, которые планировали продолжать обучение своих детей с девиантным поведением в школе, успешно применяющей специальные методики обучения и обладающей уникальным кадровым составом. Но новая ситуация реорганизации вынудила руководство постепенно свернуть этот специфический формат обучения, что для детей со специальными нуждами (поведенческими девиациями, осложненными нарушениями психического развития) чревато уходом из системы образования до завершения общего образования.

Высокий процент негативных высказываний родителей породила ситуация унификации учебного плана бывшей языковой школы - отмена углубленного изучения немецкого и английского языков, которая вынудила родителей перевести своих детей в другие языковые школы. Причем теперь уже объединенная школа не только потеряла лучших учеников и учителей, но и утратила конкурентные позиции, наработанные в течение многих лет.

Еще один пример родительского участия в решении проблемы обучения ребенка в условиях комплекса. Ученика начальной школы с проявлениями аутистических черт родители требовали перевести на домашнее обучение, но никто из учителей не соглашался работать с ним на дому, т.к. никто из них не обладал нужной компетенцией. Проблема, вынесенная на уровень управления образованием, была решена с точки зрения управленческих задач весьма эффективно: нужного учителя предоставила другая школа, вошедшая в состав комплекса. Но с точки зрения последствий этого решения для социализации проблемного ребенка, такое решение нельзя назвать оптимальным. Можно было все же убедить родителей, что ребенку необходим детский социум, найти альтернативный специальный школьный формат обучения, поработать с семьей психологически.

Итак, можно отметить, что родители, присоединяемых школ в большей степени обеспокоены возможными сложностями:

- во взаимоотношениях с новыми учителями;
- сменой места учёбы их детей и утратой специфики обучения.

В целом, работа с родителями в процессе объединения школ в образовательный комплекс должна быть направлена на их более широкое информирование о происходящих изменениях, а также на формирование позитивных установок, связанных с появлением в классе их детей новых учителей и новых учеников. Особое внимание необходимо уделять сохранению места учебы детей в период адаптации новой школы в рамках комплекса.

В вопросах, касающихся смены учебного плана и специфики обучения, тем более, внедрения программ инклюзивного образования, необходимо загодя включать родителей в обсуждение последствий и предоставлять им возможность выбора из нескольких образовательных траекторий в рамках своей школы.

Анализ интервью учащихся.

В индивидуальных и групповых интервью участвовало 56 учащихся школ с различным опытом вхождения в процесс реорганизации. В последующем анкетировании приняли участие 124 учащихся школ до слияния и 125 – в процессе слияния.

Далее приводятся результаты количественной обработки и качественного анализа.

Таблица 3.

Мнение учащихся о проблемах на разных этапах реорганизации школ (в % от общего числа респондентов).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
До объединения	91	63	33	60	68	72	94	80	91
В процессе	0	62	6	65	56	81	24	59	88
р-уровень* (U)	0,0014			0,0118		0,034	0,018150	0,000277	0,053338

*Показатели значимости различий по U-критерию Манна-Уитни.

Значения показателей:

1-не знают о слиянии;

2-ожидают проблем между учениками и новыми учителями;

3-прогнозируют/испытывают сложности в отношениях с новыми учителями;

4-ожидают/испытывают сложности в отношениях между учащимися присоединяемых школ;

5-не готовы расширять круг своих друзей;

6-негативно относятся к перспективе сменить школу;

7-не хотят переходить в другое здание/помещение;

8-хотят учиться у своих прежних учителей.

Практически все участвующие в исследовании школьники (91%) из школ, готовящихся к объединению, не знали, что они включены в процесс создания нового учебного комплекса, то есть они были практически исключены из подготовительного процесса. Такое положение дел можно объяснить тем, что процесс объединения находится на начальном этапе. Конечно ребята, которые уже учатся в новом комплексе, знают об этом (100%).

На вопрос о том, возникнут ли проблемы во взаимоотношениях между учащимися и новыми учителями, 63% школьников посчитали, что такой вариант возможен и только 37% ответили отрицательно. Такая же картина наблюдается и у

ребят в образовательном комплексе – 62% и 38%. Следовательно, ожидания оправдались.

У четверти опрошенных школьников отмечается страх встречи с новыми требованиями, предъявляемыми новыми учителями, что может стать источником новых проблем. Остальные считают, что им совсем не сложно налаживать отношения с учителями. Следовательно, основной причиной, по которой учащиеся считают весьма возможными проблемы, связанные со сменой учителей, является не отсутствие навыков взаимодействия между учителем и учеником, а сам факт появления нового учителя (с новыми требованиями и т.д.).

Взаимоотношения с новым школьным коллективом также является проблемной областью для опрашиваемых – 60% считают, что проблемы обязательно возникнут. Эти результаты подтверждаются данными, полученными у школьников, которые уже учатся в новом комплексе. Этот факт говорит о том, что у ребят есть тревожность в отношении построения новых отношений, проявления конфликтов с учениками из других школ и эти опасения могут подтвердиться. Только 40% учащихся считают, что сложностей во взаимоотношениях со сверстниками у них не будет.

Основными проблемами и причинами конфликтов, с точки зрения школьников, могут быть:

- Различия в традициях, требованиях, нормах и правилах в различных школах.
- Особенности групповых процессов при включении новых учащихся в класс – проблема лидерства, формирования нового статуса в классе, сплочённость первоначального класса и т.д.
- Индивидуальные различия учащихся и низкая толерантность к различиям.
- «Социальный статус» школ и социальное неравенство учащихся.

Несмотря на отмеченные учащимися возможные проблемы, в новом образовательном пространстве большинство (67%) стремятся найти новых друзей, что является позитивным моментом в процессе объединения. 33 % учащихся предпочитают сохранять прежний круг общения.

Возможная смена учебного помещения является для учащихся источником негативных чувств - это отмечают 73%. Перейти в другую школу не хотят 92% учащихся. Один из респондентов (ученик школы для детей с девиантным поведением) сказал, что не сможет больше нигде учиться, и если его отправят в школу по месту жительства, то он туда даже не покажется. Причем, он отметил, что после присоединения других школ им стало гораздо интереснее участвовать во внеклассных мероприятиях. Это же отмечают и другие учащиеся из этого комплекса, которым общешкольные мероприятия (праздники, концерты) после объединения

стали гораздо интереснее, т.к. на них они увидели других детей (в том числе, с особенностями развития и другими типами поведения).

При этом, в сложившейся ситуации слияния школ, 80% учащихся хотят, чтобы отношения между учащимися и учителями из своих школ сохранились. Практически все школьники (как из присоединяемых школ, так и уже работающего комплекса) – 91% и 88%, выразили желание продолжать учиться у своих учителей.

Анализ интервью учащихся показывает, что различия в полученных результатах между учащимися, которым только предстоит включиться в новое образовательное учреждение, и теми, кто уже учится в комплексе, не столь существенны.

К наиболее сложным проблемам для учащихся можно отнести:

- налаживание отношений с новыми учителями;
- формирование взаимоотношений с новыми одноклассниками и другими учениками новых школ;
- смена учителей.

Снижение уровня напряженности в новых для ребят условиях может быть осуществлено за счёт сохранения педагогического коллектива, который их учил до интеграции школ.

Выводы по результатам опроса.

1. Для учителей, готовящихся к реорганизации школ, максимально проблемными являются вопросы, связанные с появлением конкуренции между учителями различных школ. Сложности они видят и в налаживании отношений с администрацией, а также создании нового учительского коллектива.

2. Создание новых классов из учеников различных школ может представлять собой особую проблему, которая коснётся, прежде всего, детей. Поэтому учителя считают, что классы необходимо сохранить и продолжать курировать теми классными руководителями, которые были до объединения школ.

3. Учителя, работающие в уже созданном комплексе, отмечают, что формирование новых отношений с родителями не является проблемой и не вызывает сильного напряжения. Поэтому опасение учителей из школ, которые только интегрируются, не оправдываются.

4. Родители (присоединяемой школы), в большей степени обеспокоены решением вопроса формирования взаимоотношений с новыми учителями и сменой места и специфики учёбы их детей.

5. Учащиеся выделяют для себя как наиболее актуальные проблемы, связанные с налаживанием отношений с новыми учителями, формированием взаимоотношений с новыми учащимися.

6. Одной из наиболее конфликтогенных для участников образовательных отношений и для образования в целом ситуаций при реорганизации школ становится элиминирование разнообразия образовательных траекторий, в результате чего велика вероятность снижения или даже утраты уровня профессионализма педагогов, способных работать по специальным программам.

Полученные результаты выделяют озвученные участниками интервью ожидаемые направления деятельности администрации по снижению рисков, связанных с решением очерченных проблем:

А) Осуществить подготовительную работу по информированию всех участников интегративного процесса о целях и перспективах интеграции и выработке новых принципов взаимодействия между педагогами в создающемся новом образовательном пространстве.

В) Больше внимание уделять информированию родителей о происходящих изменениях в образовательном комплексе и использованию их потенциала в осуществляемых мероприятиях. Формировать у родителей позитивные установки, направленные на принятие новых учителей в классах, где будут учиться их дети.

В) Создать условия для сохранения места учебы детей в период адаптации школы в рамках образовательного комплекса.

Г) Успешная адаптация и снижение уровня рисков девиантного поведения учащихся возможно за счёт сохранения основного состава педагогического коллектива, который их учил до интеграции школ.

В исследуемых образовательных учреждениях и комплексах мы выявили проблемные для каждой категории участников образовательных отношений ситуации, которые в процессе реорганизации дают высокую степень конфликтогенности и обостряют социальные риски. Большинство этих ситуаций являются результатом дезорганизующего воздействия слияния школ. Но в нашем случае, разные модели взаимодействия субъектов интеграции дают разную степень напряженности и конфликтогенности.

В нашем исследовательском поле мы выделили несколько моделей взаимодействия субъектов реорганизации в составе образовательного комплекса: 1) сохранение автономности каждого субъекта с созданием общего внеучебного пространства и общих служб специалистов, 2) поглощение одним субъектом, как правило, более крупным, всех остальных, 3) сохранение автономности субъектов с общим формальным администрированием. Наибольшая выраженность негативных оценок различных сторон жизни наших респондентов обнаружена во второй модели – поглощении одним субъектом остальных. Наименьшая – в первой.

Снижение риска организационных и административных конфликтов на этапе слияния достигается через создание управленческой команды с выработкой общих принципов, задач, общего для всех субъектов пространства при сохранении особенностей и достижений каждого. Такова стратегия администрации СОШ № 2077 г. Москвы, чья интегративная работа началась с двухнедельного мозгового

штурма, ставшего одновременно командообразующим и профилактическим фактором. Предварительное общее обсуждение имело результатом также проектирование процесса слияния на разных уровнях, в том числе, на уровне специалистов (объединенная психологическая служба). Важным результатом такой работы стало также создание и разработка программы действий таких новых, или по-новому осмысленных институциональных форм управления, как комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, управляющий совет, школьная служба примирения. СОШ №2077 можно отнести к первому типу моделей реорганизации, который является наиболее продуктивным в плане предупреждения организационных конфликтов. Но большое количество субъектов интеграции (всего 17, из них 10 дошкольных учреждений и две школы с особыми коррекционными программами), побудило администрацию и управляющий совет выйти на новый уровень организационного управления – разработку стратегии развития комплекса на основе эффективного контракта и модели полисистемных связей между внутренними элементами системы, а также программы повышения конфликтологической компетентности всех участников образовательных отношений.

В целом, учительское сообщество готово к конструктивным изменениям, однако необходимо осуществлять подготовительную работу по информированию всех участников интегративного процесса и выработке новых принципов взаимодействия между педагогами в создающемся новом образовательном пространстве.

Проведенное исследование ситуации в средних образовательных учреждениях Москвы, находящихся в новой ситуации реорганизации в образовательные комплексы, выявило наличие принципиально нового типа конфликтов, связанных с кризисом управления субъектами интеграции. Это неизбежный процесс реакции на резкое изменение внутренних и внешних взаимодействий системы, при котором школы оказались перед непростой задачей – выработать новые правила функционирования новой системы – образовательного комплекса. И в этом процессе роль научно-исследовательских подходов заключается в создании условий и побуждении собственной творческой инициативы и управленческой компетенции администрации школ и всех субъектов образовательных отношений к поиску новых форм преодоления конфликтов на всех уровнях и этапах интеграции. Сопровождение и методическое оснащение этого процесса – важный фактор создания вариативных моделей управления конфликтами с учетом ресурсов и специфики интегрируемых субъектов.

Одним из наиболее продуктивных подходов как к решению проблем, связанных с реорганизацией учреждений образования (конфликты и социальные риски кризисного периода), так и характерных для него имманентно (девиантного и делинкветного поведения, школьного буллинга, школьной дезадаптации, стигматизации и исключения и пр.), – является восстановительный подход. Развитие восстановительных технологий в системе образования (школьные и территориальные службы примирения, восстановительные конференции, круги поддержки сообщества, челночная медиация и пр.) стало уже неотъемлемой частью системы управления конфликтами в образовательной среде. По данным

мониторинга, проведенного НИЛ Ювенальных технологий совместно с Центром «Судебно-правовая реформа», в 2012 году число служб примирения и Москве увеличилось в три раза по сравнению с 2011 годом. В 2012 году в московских школах активно работало уже 24 службы примирения, 43 взрослых медиатора и 218 медиаторов-школьников. В течение года в программах примирения приняли участие 812 человек, из них 137 взрослых и 675 подростков [2].

Проводимый ежегодно анализ работы восстановительных программ в образовании свидетельствует не только о количественном росте, но и качественном повышении потребности в развитии конфликтологических и медиативных компетенций у всех участников образовательного процесса.

Службы примирения все чаще дополняются другими формами:

- подростковыми объединениями или волонтерскими командами, основанными на идее примирения и бесконфликтного общения,
- еженедельными занятиями со школьниками в виде Программы внеурочной деятельности по восстановительному подходу,
- родительскими клубами,
- образовательными программами для педагогов по восстановительным практикам и другими «родственными» направлениями деятельности [1].

Подобного рода работа, направленная на снижение риска конфликтов между педагогами, администрацией и специалистами в процессе реорганизации образовательных учреждений при слиянии, дает также основу для организации системы профилактики конфликтов и правонарушений несовершеннолетних, а также минимизации негативных последствий в случае их возникновения. Новые технологии, в том числе, «Семейная конференция», «Круги поддержки сообщества» и «Семейная мини-медиация» предлагаются для работы с родительской общественностью и с семьями детей, находящимися в сложной ситуации для повышения уровня доверия к образовательному комплексу и минимизации обращений в органы управления образованием.

Итак, в процессе разработки собственных моделей управления конфликтами и социальными рисками в образовательных комплексах Москвы, с которыми работает НИЛ Ювенальных технологий, одним из основных является восстановительный подход, наиболее отвечающий принципам содержательного организационного управления.

На современном этапе реформирования системы образования и реорганизации образовательных учреждений необходимо в создание и развитие системных моделей преодоления факторов десоциализации включать новые или по-новому переосмысленные институциональные формы, а именно: Управляющие советы образовательных учреждений, Комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений (КУС), территориальные и школьные службы примирения (ТСП и ШСП), комплексные психолого-медико-социальные

центры и пр. Для развития этих моделей образовательным комплексам и ПМСС-Центрам Москвы требуется организационно-методическая помощь. В построении эффективного внутрисистемного и межсистемного взаимодействия должны участвовать также органы системы профилактики (КДНиЗП, ПДН, органами опеки и соцподдержки и пр.), которые также нуждаются в ресурсном обеспечении работы современными методиками, управленческими и социальными технологиями, включая восстановительные. С этой целью необходимо организовать цикл обучающих и методических семинаров с представителями администраций ГБОУ, ПМСС-Центров, участников управляющих советов, КУС, ШСП, КДН. В работу с родителями необходимо внедрять программы «Семейные конференции» и «Примирение в семье». На базе инновационных площадок ПМСС-Центров и эффективных образовательных комплексов необходимо сформировать стажировочные площадки, организовать регулярные семинары, тренинги, обучающие программы по развитию конфликтологической компетентности специалистов, работающих с десоциализированными детьми. Основой этих процессов должна быть планомерная научно-практическая работа по анализу российских и зарубежных современных подходов и практик преодоления десоциализации несовершеннолетних и восстановительного правосудия.

Литература

1. Коновалов А.Ю. Мониторинг школьных служб примирения за 2013, проводимый в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. – №11. – С. 164-179.
2. Хананашвили Н.Л. Результаты мониторинга деятельности служб примирения в 2012 году // Вестник восстановительной юстиции. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. – №10. – С. 136-153.
3. Чернобай Е. Крупные образовательные комплексы столицы как новые возможности для достижения новых образовательных результатов // «Учительская газета-Москва». – 2013. – №07. – 12 февраля. – URL: <http://www.ug.ru/archive/49836> (дата обращения 10.10.2014).
4. Щедровицкий Г.П. Организация. Руководство. Управление. // Т.5: Методология и философия организационно-управленческой деятельности: Основные понятия и принципы: Курс лекций. – М.: Путь, 2003. – 288 с.

Analysis of the situation in conflict management and social risks in the educational complex Moscow at different stages reorganization

Karnozova L.M., Ph.D., senior researcher at the Research Laboratory of juvenile technologies (laboratory of socialization and protection of minors) Moscow State University of Psychology & Education, a leading researcher at the Institute of State and Law (karnozova@yandex.ru)

Chirkina R.V., Ph.D., Head of the Research Laboratory of juvenile technologies (laboratory of socialization and protection of minors), assistant professor of psychology and the legal rights of legal psychology faculty Moscow State University of Psychology & Education (rimmach@bk.ru)

Anikina V. G., Ph.D., senior researcher at the Research Laboratory of juvenile technologies (laboratory of socialization and protection of minors) Moscow State University of Psychology & Education (vegav577@mail.ru)

Aruin S.Y., head of the Union «Decision-Trust Perspective» (AVP), Dusseldorf, Germany, Researcher, Research Laboratory of juvenile technologies Moscow State University of Psychology & Education (vereinavp@yahoo.de)

The article analyzes the problems of management of the educational complex, including on the basis of subjective perceptions about teachers, parents, students from a variety of subjects integration. The results of a pilot study conducted in 2013 by employees of juvenile technologies NIL 6 educational institutions in Moscow, at different stages of reorganization in the educational complexes. The study answers the question: what are the risks for the educational institutions and participants of educational relations accompany the process of reorganization, how to identify and prevent conflicts, ensure the normal school students and teachers to work (this watchdog function is important in any organizational changes as they themselves are disconcerting in relation to the same organization, stressful and conflict factor). Based on the results of the study was to develop a draft model "Organization of prevention and resolution of conflicts and other social risks in educational complexes", which includes guidelines for the heads of educational facilities, teaching aids for professionals schools, PMSS centers and other institutions of prevention, as well as collections materials for implementation in educational complex models with conflicts and the formation of competencies konfliktological participants in the educational process, including on the basis of restorative mediation (on the model of the School and the Territorial service of reconciliation).

Keywords: management model, educational complexes, restorative mediation, conflict mediation, conflictological competence, maintenance of minors in conflict with the law.

References

1. *Konovalov A.Ju.* Monitoring shkol'nyh sluzhb primirenija za 2013, provodimyj v ramkah Vserossijskoj asociacii vosstanovitel'noj mediacii // Vestnik vosstanovitel'noj justicii. – M.: MOO Centr «Sudebno-pravovaja reforma», 2014. – №11. – pp. 164-179.
2. *Hananashvili N.L.* Rezul'taty monitoringa dejatel'nosti sluzhb primirenija v 2012 godu // Vestnik vosstanovitel'noj justicii. – M.: MOO Centr «Sudebno-pravovaja reforma», 2013. – №10. – pp. 136-153.
3. *Chernobaj E.* Krupnye obrazovatel'nye komplekсы stolicy kak novye vozmozhnosti dlja dostizhenija novyh obrazovatel'nyh rezul'tatov // «Uchitel'skaja gazeta-Moskva». – 2013. – №07. – 12 fevralja. – URL: <http://www.ug.ru/archive/49836> (data obrashhenija 10.10.2014).
4. *Shhedrovickij G.P.* Organizacija. Rukovodstvo. Upravlenie. // T.5: Metodologija i filosofija organizacionno-upravlencheskoj dejatel'nosti: Osnovnye ponjatija i principy: Kurs lekcij. – M.: Put', 2003. – 288 p.

Связь субъективных оценок пациентов, находящихся на принудительном лечении с выраженностью негативной симптоматики и уровнем когнитивного функционирования

Кабанова Т.Н., научный сотрудник, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации (tatianak0607@yandex.ru)

Казаковцев Б.А., доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, руководитель Отдела эпидемиологических и организационных проблем психиатрии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации (bakazakovtsev@serbsky.ru)

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи субъективных оценок психически больных со степенью выраженности негативной симптоматики и уровнем когнитивного функционирования. Выделены особенности восприятия больными различных аспектов принудительного лечения и субъективной удовлетворенности лечением. При обследовании 94 пациентов мужского пола с диагнозом органическое психическое расстройство и шизофрения использовался диагностический комплекс, состоящий из патопсихологического исследования, формализованной карты обследования, шкалы оценки негативной симптоматики SANS, опросника выраженности психопатологической симптоматики SCL-90, самоотчета имеющих проблем, а также – авторского инструмента Проверочного листа отношения к лечению и пребыванию в стационаре (Булыгина В.Г, Кабанова Т.Н., 2011). Выявлены различия в субъективных оценках аспектов принудительного лечения и социального функционирования больных с различной степенью выраженности негативной симптоматики и зависимость субъективных оценок от уровня когнитивного функционирования.

Ключевые слова: принудительное лечение (ПЛ), субъективные оценки, негативная симптоматика, когнитивное функционирование.

Введение

Стационарное принудительное лечение (ПЛ) является ведущим этапом медицинской профилактики совершения повторных правонарушений психически

больными. Вопрос прекращения или изменения вида принудительного лечения с использованием критериев клинического и социального прогноза требует всестороннего анализа и учета комплекса клинико-психопатологических, социально-демографических и психологических факторов [1; 2].

В психиатрической клинике нередко можно наблюдать, с одной стороны, несоответствие тяжести психопатологических расстройств уровню социально-трудового приспособления, а с другой стороны – синдромально-нозологический диагноз не дает в полной мере информацию о возможностях адаптации конкретного больного. Психологические механизмы адаптации в значительной степени определяют уровень социально-психологического функционирования личности и участвуют как в формировании, и особенно редукции психопатологической симптоматики, так и в становлении приспособительного поведения [4; 5].

Данное положение было подтверждено рядом выявленных закономерностей. Так нейрокогнитивный дефицит – это более валидный предиктор социального функционирования в обществе, чем позитивная и негативная симптоматика. То есть показатели когнитивного функционирования, а не собственно клинические симптомы, являются важными индикаторами имеющегося у больных потенциала социальной адаптации. А у судебно-психиатрических пациентов при менее глубоких (психопатоподобных) нарушениях ведущую роль в совершении общественно-опасных действий (ООД) играют негативные социально-личностные ориентации больных – наиболее стабильные факторы рецидива ООД.

Таким образом конкретизация целей и построение индивидуального прогноза требуют более полной информации о характере функционирования больного в среде, о факторах не только биологического, но и социально-психологического порядка, определяющих адаптацию больного [3].

Было обследовано 140 пациентов мужского пола в возрасте от 19 до 63 лет, находящихся на адаптационно-диагностическом этапе ПЛ в Московской ПБ № 5 и Орловской ПБСТИН. Далее было проведено повторное тестирование 94 из 140 больных, находящихся на этапе подготовки к выписке. В группу обследованных входили пациенты с диагнозом шизофрения и пациенты с органическими психическими расстройствами. Средний временной интервал между двумя замерами составил 2 года.

Диагностический комплекс включал следующие методики:

1. Проверочный лист отношения к лечению и пребыванию в стационаре (Булыгина В.Г., Кабанова Т.Н., 2011). Данная методика предназначена для определения субъективных оценок больных, находящихся на ПЛ и их установок в отношении лечения. В результате анализа историй болезни, протоколов экспериментальных исследований, интервьюирования больных были выделены следующие блоки: отношение к лечению, отношение к пребыванию в стационаре, отношения с врачом и персоналом, отношения доверия между врачом и пациентом, отношения с другими пациентами, атрибуция изменений клинического состояния. Было отобрано 19 утверждений с несколькими вариантами ответов. Испытуемому предлагалось на каждое утверждение выбрать один вариант ответа.

2. Опросник выраженности психопатологической симптоматики (L. Derogatis (1973), адаптирован Н.В. Тарабриной (2001)). Методика предназначена для оценки глубины психических нарушений и динамики психотерапевтического воздействия. Опросник включает 90 симптомов и ощущений, испытуемому необходимо указать из пяти предложенных вариантов тот, который наиболее точно отражает степень выраженности или отсутствия в его состоянии перечисленных симптомов. Опросник состоит из следующих шкал: соматизации (SOM), межличностной сензитивности (INT), обсессивно-компульсивных расстройств (O-C), депрессии (DEP), тревожности (ANX), враждебности (HOS), фобической тревожности (PHOB), шкалы паранойяльной симптоматики (PAR) и психотизма (PSY). Методика содержит два индекса, отражающих степень выраженности симптоматики (GSI) и наличие симптоматического дистресса (PSDI).

3. Самоотчет. Самооценка имеющихся проблем. Данная методика используется для оценки риска, который представляет правонарушитель, и идентификации факторов, которые влияют на совершение правонарушения. Методика была разработана совместно Тюремной Службой и Службой Пробации США. Самоотчет состоит из 28 утверждений. Испытуемому предлагается отметить, что является для него проблемой, и связана ли эта проблема с его противоправным поведением.

4. Формализованная карта обследования, включающая социально-демографические, криминологические, клинические, психологические переменные. Анализу подвергались оцениваемые лечащим врачом показатели: особенности фармакотерапии, удовлетворенность пациента лечением, эффективность психотерапевтических мероприятий, активность больного в отделении, и при решении своих социальных проблем.

5. Шкала выраженности негативной симптоматики (SANS). Шкала состоит из 5 блоков, таких как: уплощение и ригидность аффекта, нарушение речи, апато-абулические расстройства, ангедония-асоциальность, внимание. Вышеперечисленные блоки состоят из нескольких подпунктов (симптомов), выраженность симптома оценивается по 5-балльной системе. Шкала заполнялась лечащим врачом.

Процедура исследования

Для прояснения вопроса о влиянии выраженности негативной симптоматики на субъективные оценки, был проведен анализ показателей, верифицированных лечащим врачом (особенности фармакотерапии, удовлетворенность пациентом лечением, эффективность психотерапевтических мероприятий, активность больного в отделении и при решении своих социальных проблем), в отношении тех больных, которые находились на этапе подготовки к выписке. Также заполнялась шкала выраженности негативной симптоматики (SANS).

По степени выраженности негативной симптоматики все больные были разделены на 4 квартиля: в первом – минимальная выраженность, во втором – средняя выраженность, в третьем – умеренная выраженность, в четвертом – максимальная выраженность.

Для определения связи субъективных оценок пациентов с выраженностью негативной симптоматики был проведен анализ таблиц сопряженности.

Следующим этапом исследования был *кластерный анализ по методу K-средних* с разбиением на 2 кластера по патопсихологическим показателям, а именно: общий уровень познавательной сферы, объем сведений и знаний, способность ориентироваться в практических, житейских ситуациях, обучаемость, объем непосредственного и опосредованного запоминания, внимание, темп работоспособности, ассоциативная сфера, динамический аспект, операциональный аспект, мотивационный аспект, критичность, адекватность субъективного качества жизни. Для выявления значимых взаимосвязей между принадлежностью к выделенным кластерам и клинико-социальными показателями был использован критерий χ^2 .

Для анализа особенностей субъективных оценок имеющих симптомы, проблем социального функционирования и различных аспектов проводимого ПЛ, обусловленных спецификой когнитивного функционирования, был выбран непараметрический метод сравнения групп U Манн-Уитни.

Результаты исследования

Пациентов *первого квартиля* – минимальная выраженность негативной симптоматики – значимо отличают такие переменные, как: доверие лечащему врачу, активность в общении с родственниками и друзьями. При этом общение с другими пациентами было преимущественно избирательным. Значимо чаще пациенты конфликтовали с соседями по палате из-за беспорядка в палате. Этим больных отличает опасения по поводу проблем с трудоустройством после выписки. Также для пациентов первого квартиля характерна удовлетворенность лечением в связи отсутствием побочных эффектов.

Положительная динамика отмечается в критической оценке своего состояния. Отрицательная динамика наблюдается в заявлении у больных ранее не отмечавшихся следующих проблем: неспособности справиться со злобным аффектом, объяснении трудностей коммуникации и проявлений агрессии своими патохарактерологическими особенностями и вербальными провокациями окружающих.

Без изменений остались такие аспекты субъективных оценок, как: мотивировки нарушений режима, проблемы со сном. Неизменным также остался процент больных удовлетворенных проводимым лечением.

Однако данную группу отличает небольшой процент больных с высокой степенью осознания болезни, и больных, в отношении которых поставленные психотерапевтические задачи были не реализованы.

Пациентов *второго квартиля* – средняя степень выраженности негативной симптоматики – значимо отличают такие переменные как: доверие лечащему врачу, активность в общении с родственниками и друзьями, избирательное общение с другими пациентами, удовлетворенность лечением в связи с отсутствием побочных эффектов, наличие опасений, что от них отвернется семья и возникнут

проблемы с трудоустройством после выписки. Обращает внимание, что в данной группе значимо больше больных, осознающих наличие у себя психического расстройства, а также пациентов, в отношении которых были полностью реализованы психотерапевтические задачи.

Пациентов *третьего квартиля* – умеренная выраженность негативной симптоматики – значимо отличают такие переменные как: конфликтность с другими пациентами из-за беспорядка в палате, преимущественно письменное общение с родственниками, а также отсутствие беспокойства по поводу разрыва семейных связей. Однако для таких пациентов характерны опасения о возможных трудностях в трудоустройстве после выписки.

Положительная динамика отмечается в способности совладать со злобным аффектом, в удовлетворенности проводимым лечением. Отмечается увеличение количества больных, отрицающих наличие конфликтов с соседями по палате, объясняющих трудности коммуникации с окружающими и проявление агрессии своими патохарактерологическими особенностями и вербальной провокацией. Отрицательная динамика отмечается в появлении проблем с засыпанием и недостаточной критической оценке своего состояния.

Пациентов *четвертого квартиля* значимо отличают такие переменные как: недоверие лечащему врачу и некритичность, при отсутствии конфликтов с другими пациентами. Таких пациентов характеризует озабоченность проблемой трудоустройства после выписки. Согласно мнению больных, отмечается положительная динамика в способности совладать со злобным аффектом. Кроме того отмечается уменьшение проблем в соблюдении режимных требований, неудовлетворенности проводимым лечением, редуцировании конфликтов с соседями по палате. Пациенты этой группы объясняют трудности коммуникации и проявление агрессии своими патохарактерологическими особенностями и вербальной провокацией со стороны окружающих.

Далее были проанализированы взаимосвязи уровней развития когнитивных функций и субъективных оценок имеющихся проблем в социальном функционировании. Испытуемые в группе со средним уровнем развития когнитивных функций, в отличие от группы испытуемых с низким уровнем, не склонны воспринимать как проблему непонимание чувств других людей, азартные игры, связь с дурной компанией.

Проведенный анализ показал, что группа со *средним уровнем когнитивного функционирования* по сравнению со второй значимо отличается лучшей учебной в школе, более высоким образовательным уровнем, чаще гармоничными условиями воспитания. Те, кто совершал преступления ранее, в группе со средним уровнем когнитивного функционирования, чаще ожидаемого совершали убийства и преступления с применением насилия, а во второй группе – с низким уровнем когнитивного функционирования – корыстные преступления без насилия. В группе со средним уровнем когнитивного функционирования преступления чаще совершаются в состоянии алкогольного опьянения, чаще отмечаются нарушения режима и большая индифферентность к мерам взыскания.

Лица с низким уровнем когнитивного функционирования значимо чаще заявляют в качестве проблем трудности понимания чувств других людей и трудности с получением работы.

Лиц со средним уровнем когнитивного функционирования значимо отличает снижение критики к собственной личности, болезни и ситуации ООД, установочное поведение в виде отказа от лечения, недоверия врачу и персоналу, а также в виде демонстрации конвенциональности установок. Они значимо чаще заявляют о наличии у них симптомов межличностной тревожности, депрессии, фобии и психотицизма.

Таким образом, среди клинико-социальных переменных, с лучшим уровнем когнитивного функционирования ассоциируются более тяжкие ООД, совершение их в состоянии алкогольного опьянения, снижение уровня критичности, во время осуществления ПЛ – установочное поведение, частые нарушения режима и большая индифферентность к мерам взыскания.

У пациентов с *минимальной выраженностью негативной симптоматики* была выявлена положительная динамика в критической оценке своего состояния и одновременном появлении не заявленных ранее проблем: неспособности справиться со злобным аффектом, объяснении трудностей коммуникации и проявлений агрессии своими патохарактерологическими особенностями и вербальными провокациями окружающих. Без динамики остались мотивировки нарушений режима и проблем с засыпанием, также остался неизменным процент больных, удовлетворенных проводимым лечением.

Пациентов со средней степенью *выраженности негативной симптоматики* значимо отличает наличие доверия к лечащему врачу, активность в общении с родственниками и друзьями, избирательное общение с другими пациентами. У пациентов вызывает опасение, что от них отвернется семья и возникнут сложности с трудоустройством после выписки. Именно в этой группе отмечается осознание у себя психического расстройства и оценка врачами полноты реализации психотерапевтических задач.

Пациентов с умеренной *выраженностью негативной симптоматики* отличает положительная динамика в увеличении способности совладания со злобным аффектом, в удовлетворенности проводимым лечением, отмечается увеличение количества пациентов, отрицающих наличие конфликтов с соседями по палате. Пациентов этой группы отличают трудности коммуникации с окружающими и объяснение проявления агрессии своими патохарактерологическими особенностями и вербальной провокацией.

У пациентов с *максимально выраженной негативной симптоматикой* также отмечено процентное снижение лиц, заявляющих о проблемах совладания со злобным аффектом, удовлетворенных проводимым лечением, уменьшение проблем в соблюдении режимных требований, редукция конфликтов с соседями по палате. Пациенты этой группы объясняют трудности коммуникации и проявлений агрессии своими патохарактерологическими особенностями и вербальным провокативным поведением со стороны окружающих.

Литература

1. *Абдраязкова А.М., Булыгина В.Г.* Критерии оценки эффективности психосоциальной реабилитации // Российский психиатрический журнал. – 2006.– № 3.– С. 54-58.
2. *Булыгина В.Г.* Цели психосоциальной реабилитации во время принудительного лечения в психиатрическом стационаре // Российский психиатрический журнал. – 2006. – № 2. – С. 23-27.
3. *Казаковцев Б.А., Булыгина В.Г., Макурина А.П., Кабанова Т.Н., Макурин А.А.* Методика оценки протективных факторов при лечении и реабилитации психически больных// Методические рекомендации. – М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П.Сербского» Минздравсоцразвития РФ, 2013. – 28 с.
4. *Кабанова Т.Н., Булыгина В.Г.* Роль субъективных оценок психически больных в формировании приверженности лечению и профилактике повторных ООД// Психология и право. 2012. – № 1. – С. 99-109.
5. *Котов В.П., Мальцева М.М.* Первичная профилактика общественно опасных действий психически больных // Современные тенденции организации психиатрической помощи: клинические и социальные аспекты: Материалы Российской конференции. М., 2004. – С. 15-24.

Communication subjective assessments of patients undergoing compulsory treatment with the severity of negative symptoms and cognitive functioning level

Kabanov T.N., Researcher, FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" of the Ministry of Health of the Russian Federation (tatianak0607@yandex.ru)

Kazakovtsev B.A., Head of epidemiological and organizational problems of psychiatry FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" MoH, MD, Professor, Honored Doctor of the Russian Federation (bakazakovtsev@serbsky.ru).

The article presents the results of studies on the relationship of subjective assessments of the mentally ill with the severity of negative symptoms and cognitive functioning level. The features of patients perception of various aspects of compulsory treatment and subjective satisfaction with treatment. In a study of 94 male patients with a diagnosis of organic mental disorder and schizophrenia was used diagnostic system, consisting of patopsihological study, formal survey map, the scale of assessment of negative symptoms SANS, questionnaire symptom levels SCL-90, self-existing problems, as well as - in Test authoring tool sheet to treatment and hospital stay (V.G. Bulygina, T.N. Kabanova, 2011).

The differences in subjective assessments of aspects of compulsory treatment and social functioning of patients with varying degrees of severity of negative symptoms and dependence of subjective assessments of the level of cognitive functioning.

Keywords: compulsory treatment (PL), subjective evaluation, negative symptoms, cognitive functioning.

References

1. *Abdrazyakova A.M., Bulygina V.G.* Kriterii otsenki effektivnosti psikhosotsial'noi reabilitatsii [Criteria for evaluating the effectiveness of psychosocial rehabilitation]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. – 2006. – № 3. – pp. 54-58.
2. *Bulygina V.G.* Tseli psikhosotsial'noi reabilitatsii vo vremya prinuditel'nogo lecheniya v psikhiatricheskom statsionare [Goal of psychosocial rehabilitation during compulsory treatment in a psychiatric hospital]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. – 2006. – № 2. – pp. 23-27.
3. *Kazakovtsev B.A., Bulygina V.G., Makurina A.P., Kabanova T.N., Makurin A.A.* Metodika otsenki protektivnykh faktorov pri lechenii i reabilitatsii psikhicheskibol'nykh. Metodicheskie rekomendatsii [Methodology to evaluate the protective factors in the treatment and rehabilitation of the mentally ill]. – Moscow.: FGBU «GNTs SSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrav sots razvitiya RF. 2013. – 28 p.
4. *Kabanova T.N., Bulygina V.G.* Rol' sub"ektivnykh otsenok psikhicheskibol'nykh v formirovanii priverzhennosti lecheniyu i profilaktike povtornykh OOD [The role of subjective evaluations of the mentally ill in the formation of adherence to treatment and prevention of recurrent Ltd]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]. 2012. – № 1. – pp. 99-109.
5. *Kotov V.P., Mal'tseva M.M.* Pervichnaya profilaktika obshchestvenno opasnykh deistvii psikhicheskibol'nykh. Sovremennyye tendentsii organizatsii psikhiatricheskoi pomoshchi: klinicheskie i sotsial'nye aspekty [Primary prevention of socially dangerous actions of the mentally ill. Modern tendencies of the organization of mental health care: clinical and social aspects]: Materialy Rossiiskoi konferentsii [Proceedings of the Russian Conference]. Moscow., 2004. – pp. 15-24.

Социально-психологические факторы формирования некоторых элементов правосознания у студенческой молодежи

Калягин Ю.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (uskalyagin@mail.ru)

Авдеев Е.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (a74a2192@mail.ru)

Шестакова Д.И., студент 4 курса кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (de-ambrosio@yandex.ru)

В статье представлены результаты исследования, проведенного с целью выявления взаимосвязи личностных качеств студентов московских вузов с некоторыми элементами их правосознания. Проведенное исследование позволяет предположить существование взаимосвязи между личностными качествами студентов и их перцептивными установками по отношению к образу террориста. В частности, высокий интеллектуальный уровень ассоциируется с меньшей склонностью приписывать преступнику такие черты как радикализм, чувствительность, тревожность. Показано, что уровень правосознания студентов в большей степени зависит от социальных факторов, доминирующая роль которых представлена в виде обучения в учебных заведениях различной направленности. Результаты проведенного исследования показывают, что программы подготовки студентов в вузах различной направленности по-разному формируют правосознание в контексте рассматриваемой нормы закона. Результаты исследования позволяют утверждать, что студенты юристы обладают более активной гражданской позицией и выраженным уровнем правосознания. В статье продемонстрирована перспективность дальнейших исследований в этом направлении, намечены пути коррекции апробированной в исследовании анкеты.

Ключевые слова: правосознание, правовые аттитюды, личностные качества, содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, диагностика уровня правосознания.

В России одним из основных нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность государства по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, является Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В статье 17 указанного нормативного акта законодателем предусмотрена возможность реализации гражданами своего права на оказание помощи органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Наиболее эффективным и распространенным видом содействия является негласное содействие граждан [9].

Наступивший XXI век ознаменовался новыми цивилизационными вызовами в добавление к ранее существовавшим угрозам и опасностям. Среди них возрастающая опасность терроризма, который как социально-политическое и криминальное явление стал представлять угрозу национальной безопасности России [10].

Проблема терроризма не менее актуальна и для США, Великобритании, Канады, ФРГ, где основой борьбы этих государств с преступлениями террористической и экстремистской направленности является привлечение к негласному сотрудничеству лиц, способных предоставлять необходимую информацию [10].

Российский законодатель также предусматривает участие граждан в борьбе с одним из наиболее опасных социальных явлений XXI века – терроризмом. В статье 20 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» к лицам, участвующим в борьбе с терроризмом относят лиц, содействующих на постоянной или временной основе федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим борьбу с терроризмом, в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористических актов и минимизации их последствий.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо отметить утвержденную 28 апреля 2011 года Президентом Российской Федерации государственную политику РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Кроме того, в апреле 2014 года вступил в силу Федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», идея которого заключается в расширении практики вовлечения граждан в содействие органам правопорядка.

Участие граждан в борьбе с преступными проявлениями представляется маловероятным без соответствующего уровня индивидуального правосознания, которое, по мнению авторов, играет детерминирующую роль в этом процессе. Следует сказать, что реализация указанной нормы закона имеет ряд трудностей, которые в том числе заключаются в неоднозначном отношении граждан к данному правовому институту [5; 6].

В настоящее время исследованием вопросов правосознания занимаются юристы, психологи, социологи, философы, политологи и др. [6]. При этом следует отметить нарастающую исследовательскую активность в данной области юридических психологов [2; 4].

При рассмотрении содействия граждан правоохранительным органам во взаимосвязи с правосознанием предлагается опереться на исследование Гулевич О.А. [3]. Основываясь на теории социальной установки, в правосознании выделено четыре основные тематические области: аттитюды по отношению к закону; аттитюды по отношению к преступлениям и преступникам; аттитюды по отношению к наказанию; аттитюды по отношению к работникам правовых институтов. В каждую тематическую область включены три компонента: когнитивный; аффективный; поведенческий.

Следует отметить, что аттитюды по отношению к работникам правовых институтов играют существенную роль в привлечении граждан к содействию. Это и когнитивный компонент в виде представлений гражданина о мотивационной составляющей оперативных работников правоохранительных органов, представления о характере их деятельности (имеется в виду сложность и рискованность профессии и т.п.). В установлении отношений сотрудничества важную роль играет аффективный компонент правосознания, иными словами – это эмоциональное отношение гражданина к оперативному работнику. И безусловно важен компонент, который О.А. Гулевич определила как поведенческий – это желание гражданина взаимодействовать с правоохранительными органами.

В данной работе предлагается исследовать взаимосвязь личностных качеств студентов и их перцептивных установок по отношению к образу террориста. Также планируется выявить разницу в структуре некоторых элементов правосознания у студентов-юристов и студентов-психологов.

В исследовательских целях разработана анкета, имеющая своей целью выяснить отношение студентов к существующим правовым нормам (регулирующим взаимодействие граждан и правоохранительных органов) и представления о личности террориста (с учетом отсутствия у студентов опыта непосредственного взаимодействия с подобными лицами).

При определении терроризма взята за основу диспозиция статьи 205 УК РФ. Объектом нашего исследования выступила выборка, состоящая из студентов 2 и 3 курсов от 18 до 21 года, 10 студентов МГППУ (психологи) и 10 студентов МГЮА (юристы). Все студенты мужского пола. Предъявление стимульного материала осуществлялось в групповой форме и анонимной форме.

Отношение гражданина к норме закона, закрепленной в ст. 17 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которой правоохранительные органы могут привлекать отдельных лиц к конфиденциальному содействию в целях решения задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, определялось путем выбора респондентом одного из трех вариантов ответа: «Это полезная норма, позволяющая гражданскому обществу эффективно противодействовать противоправным проявлениям»; «Эта норма позволяет противодействовать противоправным явлениям, но имеет сомнительную морально-этическую основу»; «Нельзя бороться со злом сомнительными способами».

Данные об отношении к преступлению и преступникам получались посредством предъявления респонденту криминального события представленного

следующим образом: «В городе Н-ске группа лиц по предварительному сговору в целях оказания воздействия на принятие решения органами власти, в одном из людных мест, совершила подрыв самодельного взрывного устройства, повлекший за собой жертвы среди населения города».

В анкете испытуемым предлагается выбрать один из вариантов ответов (отрицательно, нейтрально, положительно), фиксирующих их отношение к сформулированному криминальному событию. Дополнительно в данном блоке анкеты предусмотрена возможность объяснения своей точки зрения.

Далее в анкете выясняются аттитюды испытуемых касательно вариантов реализации своего права на содействие (либо отсутствия такого желания). Выбор вариантов ответов осуществляется в контексте приведенной в анкете криминальной ситуации.

Респонденту предлагается выбрать один из четырех вариантов: «предоставить правоохранным органам самостоятельно решать эту проблему без вашего участия»; «открыто участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления (например, в форме официального заявителя или свидетеля)»; «анонимно участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления (анонимные сообщения)»; «участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления на продолжительной и конфиденциальной основе (оказание помощи на доверительной основе с сохранением этого в тайне)». Варианты ответов отобраны и сформулированы на основе анализа литературы по оперативно-розыскной деятельности и интервьюирования практиков.

Для выявления перцептивного аттитюда по отношению к лицам, причастным к терроризму, в анкету включен блок шкал, в основе которых лежит методика 16-ФЛО Р. Кеттелла [1]. В результате мы получили перцептивный образ респондента, который он приписывает лицу, причастному к терроризму. В исследовании выясняется опыт непосредственного восприятия реального лица, причастного к терроризму, и продолжительность этого опыта. В нашем случае участники выборки такого опыта не имели.

Полученные результаты представлены на рис. 1.

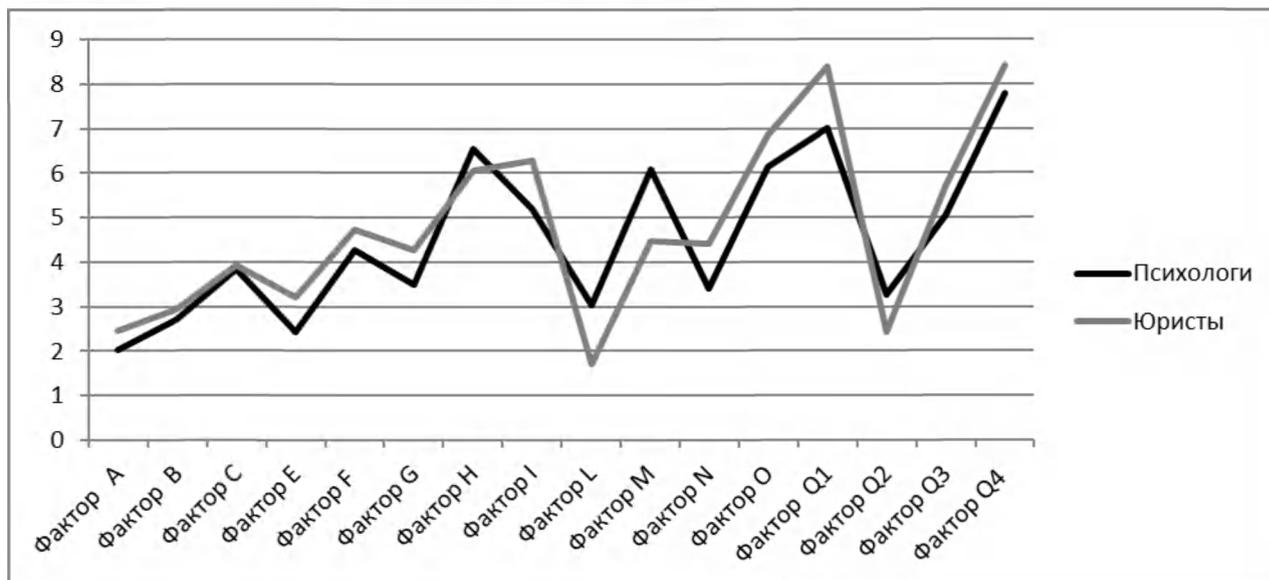

Рис. 1. Сравнение средних показателей по перцептивным установкам респондентов (образ террориста)

Анализ собранных данных проводился с помощью статистического пакета SAS, использовались процедуры описательной статистики, частотного, корреляционного и дисперсионного анализа. Уровень значимости выбран: 0,05 – для единичных сравнений, 0,01 – для множественных.

На рис. 1 представлены усредненные по группе испытуемых психологические профили представляемого преступника по тесту Р. Кеттелла, т.е. средние значения шкал теста.

Из диаграммы видно, что профили перцептивных установок у юристов и психологов практически не отличаются. По факторам А, С, L, Q2, Q4 можно наблюдать наиболее близкие оценки восприятия террориста в группах юристов и психологов. Независимо от принадлежности к выборкам, студенты воспринимают террориста как скрытного, обособленного человека, испытывающего трудности в установлении межличностных контактов. Лицо, причастное к террористической деятельности, воспринимается студентами как раздражительный, эмоционально неустойчивый, склонный к проявлению агрессии человек. Это неудовлетворенный своей жизненной ситуацией человек, зависящий от окружения [8].

Для получения более дифференцированной оценки образа лица, причастного к террористической деятельности, в анкете студентам предлагалось по 10 балльной шкале определить выраженность отнесения ими преступника к следующим категориям: «жертва», «преступник», «больной». То есть, испытуемому предлагалось оценить, в какой степени это лицо принадлежит перечисленным категориям. В таблице 1 представлены средние значения выраженности такого отнесения в группах.

Таблица 1

Дифференцированное отношение к преступнику (террористу)

	Преступник	Жертва	Больной
Студенты-психологи	8	4,2	6,8
Студенты-юристы	7,7	3,4	5,7

Анализ оценок показал, что наряду со схожими тенденциями, студенты-психологи более выражено демонстрируют свое отношение к лицу, причастному к терроризму. Мы также видим, что студенты имеют склонность к выбору между альтернативными категориями «преступник» и «больной», в качестве «жертвы» студенты воспринимают террориста менее всего.

Полученные данные об отношении студентов к ст. 17 закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» показали, что среди студентов-психологов мнения разделились поровну, 50% считают эту норму полезной, позволяющей гражданскому обществу эффективно противодействовать противоправным явлениям. Другие 50% респондентов видят в этой норме инструмент противодействия противоправным явлениям, но отмечают при этом сомнительную морально-этическую основу.

Мнения студентов-юристов распределились следующим образом: 40% респондентов считают эту норму полезной, позволяющей эффективно противодействовать противоправным явлениям. Сомнительную морально-этическую основу в указанной норме закона отметили 50%, и 10 % отметили отрицательное отношение к норме.

В целом, результаты показывают положительное отношение к данной норме Федерального закона. Вместе с этим, значительная часть опрошенных студентов видят в этой норме сомнительную морально-этическую основу. Представляется, что причина такого отношения к норме закона кроется в историческом развитии нашего государства [5; 6].

Исследование отношения к криминальной ситуации показало, что 100% опрошенных продемонстрировали отрицательное отношение к террористическому акту. Однако результаты, полученные при исследовании поведенческого компонента в юридически значимой ситуации, не так однозначны.

Таблица 2

Отношение респондентов к проявлению активной гражданской позиции

Варианты ответов	Студенты-психологи	Студенты-юристы
Предоставить правоохранительным органам самим решать эту проблему	50%	10%
Открыто участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления	0%	30%
Анонимно участвовать в раскрытии или предотвращении противоправного явления	40%	30%
Участвовать в раскрытии противоправного явления на продолжительной и конфиденциальной основе	10%	30%

В таблице 2 мы видим, что студенты-психологи отдают предпочтение первому варианту, который характеризует пассивную гражданскую позицию. Можно сказать, что студенты-психологи демонстрируют созерцательную поведенческую установку, к терроризму отношение негативное, а стремления участвовать в борьбе с терроризмом в активной форме отсутствует. В то же время студенты-юристы предпочитают различные формы активной гражданской позиции, пассивная позиция у них выражена менее всего.

Представляется, что полученный результат обусловлен спецификой подготовки будущих специалистов, студенты-юристы в процессе обучения получают более глубокие знания о правоохранительной системе. Однако это не является объяснением пассивной гражданской позиции студентов-психологов, половина из которых выбрала фактически самоустранение от проблем государства. Следует отметить, что студенты-психологи к самому криминальному событию показали отрицательное отношение, а отношение к самой норме закона, которая предусматривает содействие граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности, положительное. Причины выявленной особенности могут быть в следующем: во-первых, студенты-психологи не обладают достаточной информацией по этому вопросу; во-вторых, среди психологов доминирует позиция, что вопросами противодействия терроризма должны заниматься профессионалы из соответствующих структур; в-третьих, у студентов-юристов в процессе обучения в ВУЗе целенаправленно формируется правосознание [2; 4; 7].

Для выявления возможной взаимосвязи личностных свойств с элементами правосознания выборка испытуемых была протестирована с использованием методики 16-ФЛО Р. Кеттелла, на основе усредненных данных подготовлен график с результатами тестирования студентов психологического и юридического университетов (рис. 2).

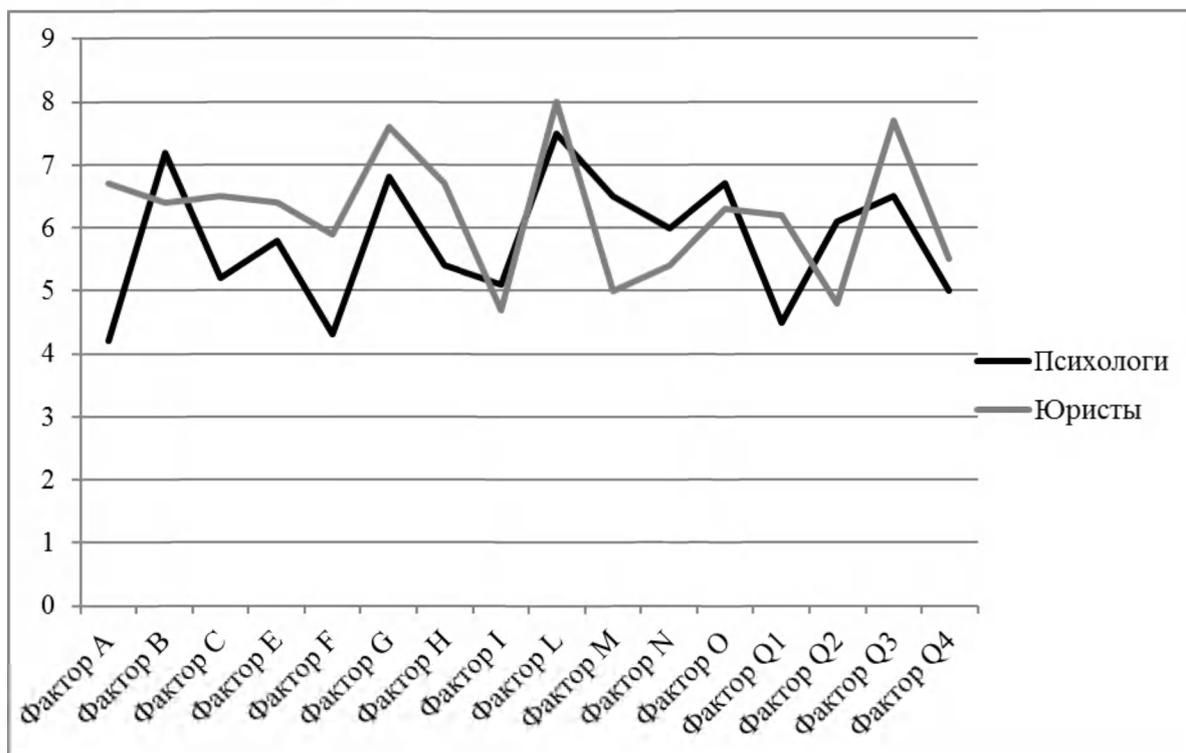

Рис. 2. Сравнение в группах средних показателей личностных характеристик студентов по методике 16-ФЛО Р. Кеттелла

Полученные результаты имеют достоверные различия по факторам Q1 и M, по фактору Q1 выборка психологов ($4,5; \sigma = 2,8$) показала себя менее радикальной, чем выборка юристов ($7,2; \sigma = 1,2$). Согласно результатам по фактору M, тенденция обратная, психологи более мечтательны ($6,5; \sigma = 2,1$), тогда как юристы ориентированы на практичность ($5,0; \sigma = 1,0$).

Одной из задач исследования являлось определение влияния личностных качеств на формирование перцептивных установок по отношению к лицу, причастному к терроризму.

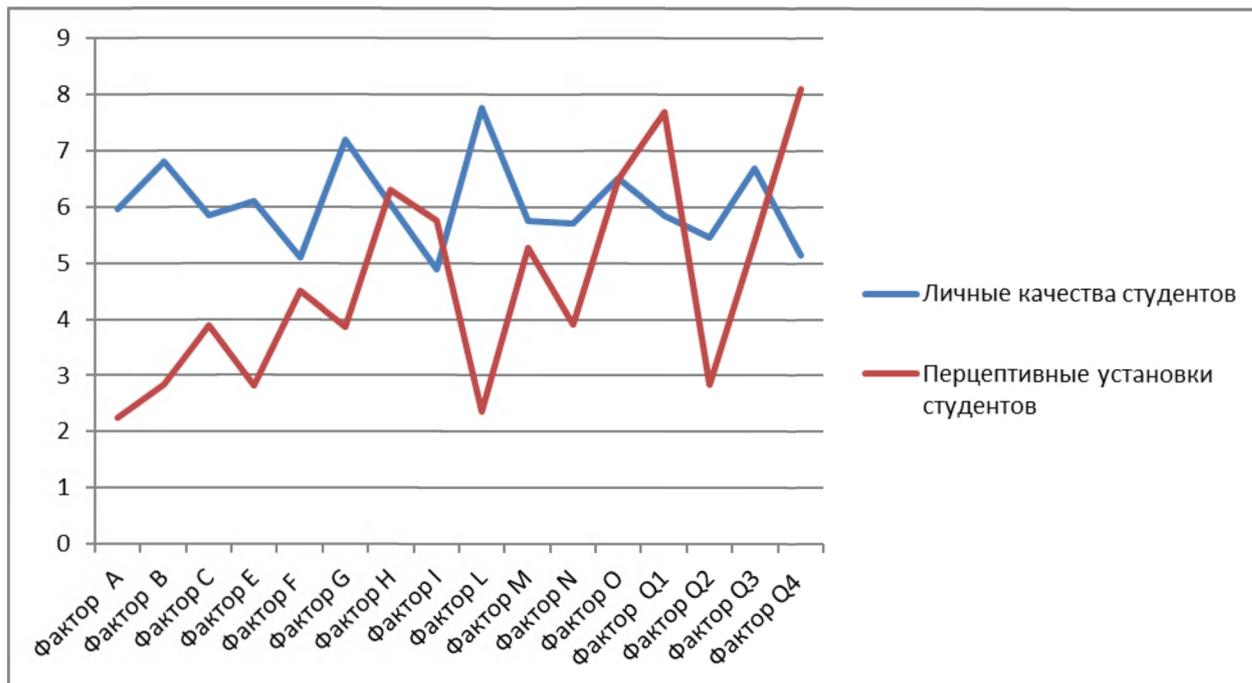

Рис. 3. Соотношение личных качеств студентов и их перцептивных установок

Для этого был проведен корреляционный анализ возможной связи личностных факторов и факторов перцептивных установок по отношению к преступнику, измеренных в шкалах Кеттелла. В результате анализа выявлена существенная корреляция фактора В личностных характеристик и перцептивных установок студентов по отношению к собирательному образу террориста по следующим факторам: Q1 ($r = -0,61$, $p = 0,0026$); I ($r = -0,54$, $p = 0,012$); O ($r = -0,53$, $p = 0,016$).

На рисунке 3 в графике для сравнения приведены усредненные личностные профили студентов и профили «воображаемого преступника».

Иными словами, высокий интеллект у студентов имеет тенденцию изменять перцептивную установку по показателям радикализма, жесткости, а также тревожности. Если по первым двум показателям тенденция к уменьшению их уровня, то по тревожности происходит увеличение выраженности в перцептивном образе террориста.

При этом следует отметить, что по фактору Q1 студенты юристы приписывают образу террориста более выраженную оценку – 8,3 ($\sigma = 1,45$), тогда как студенты психологи – 6,99 ($\sigma = 1,8$).

Другая значимая зависимость выявлена по личностному фактору М. Значения личностного фактора М студентов имеют связь со значениями фактора L при оценке перцептивного образа террориста ($r = 0,63$, при $p = 0,0026$). Результаты личностного фактора М коррелируют также с фактором Q2 образа преступника ($r = 0,52$, при $p = 0,017$). Иными словами, при выраженности у студентов богатого воображения, они склонны приписывать образу террориста высокое эмоциональное напряжение и нонконформное поведение.

На основании проведенного исследования можно предположить, что существует взаимосвязь между личностными качествами студента и их перцептивными установками. В частности, высокий интеллектуальный уровень студентов ассоциируется с меньшей склонностью приписывать преступнику такие черты как: радикализм, чувствительность, тревожность. Кроме того, богатое воображение студента связано с приписыванием образу террориста таких черт как подозрительность и нонконформизм.

Профессиональная подготовка в системе высшего образования, с одной стороны, приводит к формированию соответствующих аттитюдов к различным сторонам правовой действительности, с другой стороны, юридическая подготовка, по-видимому, способствует «правильной» реакции на тесты, когда студенты демонстрируют формирующиеся профессиональные установки. Результаты исследования позволяют утверждать, что студенты-юристы отличаются от студентов-психологов более высоким уровнем некоторых элементов правосознания. Это касается поведенческих установок по отношению к активной позиции в борьбе с терроризмом, студенты-юристы демонстрируют более активную гражданскую позицию в этом плане.

Стоит отметить, что проведенное исследование следует воспринимать как предварительное, позволившее скорректировать направление научного поиска и конкретизировать задачи. По мнению авторов, данное исследование актуализирует вопрос селективности правосознания. Проведенное исследование показало, что общий уровень правосознания и тех и других студентов высок, все они продемонстрировали негативное отношение к терроризму как криминальному явлению. Вместе с этим, при введении в поле зрения студентов конкретной ситуации, связанной с необходимостью оказать активную помощь правоохранительным органам в борьбе с терроризмом, установки становятся избирательными.

Таким образом, описанные выше результаты позволяют предположить, что уровень некоторых элементов правосознания студентов в контексте оказания содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, зависит от социальных факторов. В указанном исследовании в качестве социальных факторов выступает обучение в учебных заведениях различной направленности и, как следствие, различная направленность социального окружения. Близость респондентов к области права показала их более лояльное отношение к институту содействия граждан органам правопорядка.

Наиболее вероятной причиной этого может быть большая информированность будущих юристов. Вследствие этого, в дальнейших исследованиях представляется оправданным включить в анкету пункт, выясняющий наличие исходной информации о рассматриваемой норме закона у респондента до исследования.

Полученные результаты акцентируют наше внимание на том, что программы подготовки студентов в вузах различной направленности по-разному формируют правосознание в контексте рассматриваемой нормы закона. Отдельного внимания

заслуживает эмпирическая проверка вопроса, связанного с селективностью правосознания.

Литература

1. *Барабанщиков В.А.* Восприятие выражений лица. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009. – 448 с.
2. *Будькин С.В., Жигачев А.С.* Взаимосвязь изучения правовых дисциплин с уровнем правосознания (на примере студентов, изучающих правовые дисциплины) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Т. 4. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68299.shtml> (дата обращения: 28.10.2014)
3. *Гулевич О.А.* Структура правосознания и поведение в правовой сфере [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.11.2013).
4. *Егоров И.А., Сафуанов Ф.С.* Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru 2014. Т. 6. № 3. С.61–69. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n3/71349.shtml (дата обращения: 28.10.2014)
5. *Калягин Ю.С.* Вопросы правосознания в психологии содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68337.shtml> (дата обращения: 10.05.2014).
6. *Калягин Ю.С., Тверитинова Е.Н., Есинов А.Г.* Правосознание в контексте психологии содействия граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности // Юридическая психология. № 1, 2014. С. 36-40.
7. *Калягин Ю.С., Коноплева И.Н.* Личностные проявления профессиональной деформации субъектов оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2058.phtml> (дата обращения: 29.10.2014)
8. *Капустина А.Н.* Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. – СПб.: Речь, 2007. – 104 с.
9. Оперативно-розыскная деятельность / Под ред. И.А. Климова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 383 с.
10. Противодействие преступлениям террористической и экстремисткой направленности // Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности / Под ред. В.В. Волченкова, Б.П. Михайлова. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2013. – 432 с.

11. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».
12. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
13. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3 ФЗ «О полиции».
14. Федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

Socio-psychological factors of formation of some elements of justice in students

***Kalyagin YS**, Ph.D., assistant professor of clinical and forensic psychology faculty of legal psychology Moscow State University of Psychology & Education (uskalyagin@mail.ru)*

***Avdeev E.S.**, Ph.D., assistant professor of clinical and forensic psychology faculty of legal psychology Moscow State University of Psychology & Education (a74a2192@mail.ru)*

***Shestakova D.I.**, 4th year student of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Law Psychology Moscow State University of Psychology & Education (de-ambrosio@yandex.ru)*

This paper presents the results of a study conducted to identify the relationship of personal qualities of students of Moscow universities, with some elements of justice.

The study suggests the existence of the relationship between personal qualities of students and their perceptual attitudes toward the image of a terrorist. In particular, the high intellectual level is associated with a lower propensity to attribute criminal traits such as radicalism, sensitivity, anxiety. It is shown that the level of legal awareness of students is more dependent on social factors, the dominant role of which is presented in the form of training in educational institutions of various kinds.

Results of the study show that the training of students in higher education institutions of various kinds of different forms of justice in the context of this rule of law. Results of the study suggest that students lawyers have more active citizenship and severe levels of justice.

The article demonstrated the prospects for further research in this direction, the ways of correction proven in the study questionnaire.

Keywords: justice, legal attitudes, personality traits, promoting citizens' bodies exercising operative investigation, diagnosis level of justice.

References

1. *Barabanshnikov V.A.* Vosprijatie vyrazhenij lica. – M.: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2009. – 448 p.
2. *Budykin S.V., Zhigachev A.S.* Vzaimosvjaz' izuchenija pravovyh disciplin s urovnem pravosoznanija (na primere studentov, izuchajushhih pravovye discipliny) [Elektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2014. T. 4. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68299.shtml> (data obrashhenija: 28.10.2014)
3. *Gulevich O.A.* Struktura pravosoznanija i povedenie v pravovoj sfere [Elektronnyj resurs] // Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 17.11.2013).
4. *Egorov I.A., Safuanov F.S.* Obrazovatel'nyj process kak faktor formirovanija pravosoznanija [Elektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru 2014. T. 6. № 3. pp.61–69. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n3/71349.shtml (data obrashhenija: 28.10.2014)
5. *Kaljagin Ju.S.* Voprosy pravosoznanija v psihologii sodejstvija grazhdan organam, osushhestvljajushhim operativno-rozysknuju dejatel'nost' [Elektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68337.shtml> (data obrashhenija: 10.05.2014).
6. *Kaljagin Ju.S., Tveritinova E.N., Esipov A.G.* Pravosoznanie v kontekste psihologii sodejstvija grazhdan sub#ektam operativno-rozysknoj dejatel'nosti // Juridicheskaja psihologija. № 1, 2014. pp. 36-40.
7. *Kaljagin Ju.S., Konopleva I.N.* Lichnostnye projavlenija professional'noj deformacii sub#ektov operativno-rozysknoj dejatel'nosti [Elektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2058.phtml> (data obrashhenija: 29.10.2014)
8. *Kapustina A.N.* Mnogofaktornaja lichnostnaja metodika R. Kettella. – SPb.: Rech', 2007. – 104 p.
9. Operativno-rozysknaja dejatel'nost' / Pod red. I.A. Klimova. – M.: JuNITI-DANA, 2014. – 383 p.
10. Protivodejstvie prestuplenijam terroristicheskoj i jekstremistkoj napravlenosti // Voprosy teorii i praktiki operativno-rozysknoj dejatel'nosti / Pod red. V.V. Volchenkova, B.P. Mihajlova. – M.: Juniti-Dana: Zakon i pravo, 2013. – 432 p.
11. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti».

12. Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu».
13. Federal'nyj zakon ot 7 fevralja 2011 goda № 3 FZ «O policii».
14. Federal'nyj zakon ot 2 aprelja 2014 goda № 44-FZ «Ob uchastii grazhdan v ohrane obshhestvennogo porjadka».

Самопринятие и осознание социального аспекта Я – образа у подростков

Кирякова К.А., психолог Центра психолого-медико-социального сопровождения «Доверие», выпускница кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (karina628@mail.ru)

Богданович Н.В., кандидат психологических наук доцент кафедры Юридической психологии и права Московского городского психолого-педагогического университет (bogdanovichnv@mgppu.ru)

В статье рассматривается тема самосознания и самопринятия в контексте соотнесения морально-нравственного поведения индивида с его представлениями о собственных свойствах и возможностях, особенностей компонентов и процессов «Я», влияющих на реализацию организационно-регулятивной и защитной функций, необходимых для обеспечения социально-нормативного поведения. Поскольку с помощью «Я - образа» индивид рефлексивует и структурирует свою личность, а с помощью функций «Я», организует свою деятельность тем или иным способом, проблемное поле для психологического изучения распространяется не только в пределах так называемой «нормы», но и клинической патологии. Ракурс исследования расширяет границы понимания особенностей самопринятия и осознания презентуемого «Я – образа» (социального аспекта «Я») у подростков со склонностью к девиантному поведению. Выявлены и описаны наиболее значимые теоретические и практические аспекты изучения самосознания и самопринятия в рамках психологии развития личности и социального поведения подростков. Полученные данные позволяют наметить опорные точки, необходимые при работе с личностно-смысловой сферой подростков, имеющих склонность к отклоняющемуся поведению.

Ключевые слова: самосознание, самопринятие, Я – образ, социальный аспект Я-образа, отклоняющееся поведение в подростковом возрасте.

Конструкты, относящиеся к человеческой самости, самосознанию, являются потенциально очень важными для теории и практики психологии. Поскольку морально - нравственное поведение и мотивация индивида соотносятся с его представлениями о собственных свойствах и возможностях, а особенности компонентов и процессов его «Я» влияют на реализацию им своих главных функций (организационно – регулятивной и защитной), необходимых для обеспечения социально – нормативного поведения, а, кроме того, особенности рефлексивного отношения к собственному «Я» влияют на вероятность антинормативного поведения, нами было предпринято следующее исследование, целью которого

является выявление особенностей самопринятия и осознания презентуемого «Я – образа» у подростков со склонностью к девиантному поведению. Мы выдвинули предположение, что склонные к отклонениям в поведении молодые люди обладают либо низким самопринятием, либо полным отвержением своего «Я» (отдалением собственной «Я-концепции» от себя). Поскольку низкое самопринятие или полное непринятие сопутствуют слабой осознанности социально презентуемого аспекта «Я-образа», то выявляя принятие или отвержение собственных самопрезентаций, мы можем говорить о степени их осознанности и самопринятия у испытуемых в целом. Нами была сформулирована следующая гипотеза: у подростков с принятием инверсного презентуемого «Я» и полным непринятием презентуемого «Я» склонность к девиантному поведению выше, чем у их сверстников с высокой и достаточной степенью самопринятия. Мы предполагаем, что низкий уровень самопринятия сообразен отдалению испытуемым от себя презентуемого «Я» (как испытуемый себя предъясняет другим) с одновременным приближением к себе инверсного презентуемого «Я» (как испытуемый предъясняет, то, каким не должен быть образ его «Я» в собственных представлениях и представлениях о нем у предполагаемых других). Полное отвержение презентуемого «Я», соответственно, подразумевает одновременное отдаление от себя как презентуемого «Я», так и «не-Я».

В своем исследовании мы опираемся на теоретические разработки А.Н. Леонтьева, И.С. Кона, В.В. Столина, Д.А. Леонтьева и др. Уравновешивание интересубъективных и интрасубъективных факторов при концептуализации феноменального «Я» имеется в определении, данном Н.В. Дворянчиковым, согласно которому «Я-концепция» - это «динамическая объяснительная категория, которая опосредует важнейшие внутриличностные процессы (включая процесс переработки информации, мотивацию и эмоции) и большинство межличностных процессов (включая социальную перцепцию, ситуации выбора партнера и стратегии взаимодействия, а также реакцию обратной связи)» [4, с. 31]. Феноменальное «Я» может влиять на эффективность функционирования активного (субъектного) «Я», т.е. облегчать или затруднять регуляторные процессы.

В.В. Столин выделяет два аспекта «Я-образа»: знания о самом себе и самоотношение, поскольку знания о себе являются объектом эмоций и оценок. Знания составляют содержательную часть «Я – образа», а самоотношение является структурно сложным образованием, состоящим из глобального самоотношения (чувства за или против себя) и более специфических уровней. Самопринятие можно проинтерпретировать как самый конкретный уровень самоотношения, иначе - как уровень внутренних действий в адрес самого себя или готовности к таким действиям.

Н.А. Гульянова отмечает, что самопринятие является базовым глобальным чувством расположенности, симпатии к себе, которое может возрасти или снижаться, и выделяет в структуре «Я-образа» социально презентуемый аспект, который называет Я-имиджем, и который «не включает в себя представлений об умственных, физических или каких-либо других качествах человека вне его межличностного взаимодействия» [3, с. 69]. Исследование Н.А. Гульяновой выявило

.....

прямую зависимость между осознанностью социально презентуемого аспекта «Я-образа» и самопринятием индивида.

Подростковая психология характеризуется амбивалентностью и противоречивостью. В этот период «Я-образ» оформляется все более четко, приобретает определенную устойчивость, однако происходящие бурные психофизиологические изменения активно модифицируют как когнитивную, так и аффективную составляющие конструкта «Я» молодого человека. Как известно, одной из характерных черт подростничества является расширение сферы социального взаимодействия и спектра реализуемых форм деятельности. И как пишет А.Н. Леонтьев, «чем более расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой» [7, с. 161], действия, реализующие одну деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и какие-то другие, вместе с этим происходит расширение мотивационной сферы субъекта и возникает множественность смыслов его «Я». Именно в подростковом возрасте, как никогда раньше субъект сталкивается с постоянной необходимостью совершать выбор в пользу той или иной деятельности, с утратой непротирочивости собственных личностных свойств, а самосознание наполняется конфликтными смыслами все в большей и большей степени. Акцент, тем не менее, следует делать не на том, в пользу чего подросток каждый раз делает выбор, а на том, в чем состоит смысл этого выбора для него. Таким образом, множественность форм деятельности подростка приводит к множественности смыслов его «Я», столкновение видов деятельности выявляет конфликтный смысл этого «Я». Нарастающее противоборство внутренних преград становится основой саморефлексии, главной составляющей личностного смысла. Именно саморефлексия наполняет содержанием, делает более устойчивым и сформированным «Я – образ» подростка. В том случае, когда внутренние преграды «становятся препятствием на пути к достижению каких-либо важных целей (т.е. противодействующим мотивом), то и себя самого человек может воспринимать в качестве препятствия на пути к самоутверждению – в таком случае образ Я наполняется негативным личностным смыслом. И, наоборот, когда внутренние преграды способствуют достижению целей, Я приобретает позитивный личностный смысл» [8, с. 236].

Такие особенности подросткового периода, сопровождающиеся известной степенью незрелости психики в целом и интеллектуальной сферы в частности, как стремление к противостоянию, сопротивлению, к задействию при этом всего имеющегося волевого потенциала, что может выливаться в упрямство, отрицание и отпор разумным доводам и мерам, протест, а также влечение к неизведанному, необычному, авантюрному и субъективное чувство взрослости, могут стимулировать намеренное или неосознанное преодоление норм и правил со стороны юного индивида, недостаточно адекватное понимание и оценку их характера и значения того или иного предприятия.

Реакция эмансипации, для которой присуща оппозиция, резкая критика существующих в обществе мнений, традиций, сама по себе может стать базой для формирования особого мировоззрения, нетипичных норм и поведения.

Группирование со сверстниками - естественный процесс, который является основой для любого объединения подростков. За ним стоят процессы создания межличностных и специфических эмоциональных отношений, а также особенного информационного пространства [6, с. 46-61]. Кроме того, эта реакция, через которую проявляется собственно девиантное поведение, ведь группа, совершающая противоправные деяния, поддерживает свою целостность благодаря отрицанию каждым из членов группировки личной ответственности за совершаемое, разделяемым антиобщественным ценностям и групповому одобрению.

Стоит также отметить, что подростки, у которых ярко выражена реакция группирования со сверстниками и преобладают неустойчивые черты характера, находятся в зоне риска развития зависимостей.

Р. Бернс считает, что негативный «Я-образ» у молодых людей есть причина нарушений в их поведении, особый акцент ученый делает на дефекте аффективного компонента «Я-образа» таких подростков [1, с. 171]. Неустойчивость конструкта «Я» в сочетании с лишенным стабильной поддержки позитивным эмоционально – ценностным отношением к себе приводит к глубокому состоянию эмоционального дискомфорта, которое в свою очередь и выражается в девиациях поведения. Самоотношение такого подростка будет строиться на ощущениях отверженности, отчужденности, собственной ненужности и малоценности. В этих условиях происходит редукция позитивных, насыщенных морально-нравственным содержанием социальных связей.

Девиантное поведение подростка, имеющее своим источником особенности развития конструкта его «Я», в результате действия социальных механизмов закрепляется, что в свою очередь влечет «переструктурирование представления подростка о себе в соответствии с внешними ожиданиями» [5, с. 33]. Принимая отрицательное отношение к себе как к асоциальному элементу, подросток принимает в свою концепцию и отвержение этого окружением, самопринятие таким образом снижается, как и осознание черт и поведенческих реакций, отторгаемых обществом, присущих его «Я». В целом, в научной литературе имеются данные о меньшей осознанности и дифференцированности представлений о себе у подростков с девиантным поведением по сравнению с их нормативными сверстниками [9, с. 12].

Структура внутренних преград как смысловых детерминант самосознания у подростков с девиантными формами поведения значительно отличается от таковой у подростков с нормативным поведением. Как пишет Е.Г. Дозорцева, «установлено, что смысловая регуляция деятельности у делинквентных личностей по различным параметрам (уровню мотивации, рефлексии, временной перспективе и др.) неблагоприятно отличается от статистической нормы» [5, с. 68]. Девиантные и делинквентные подростки, в случае, когда их «Я-образ» наполняется негативным личностным смыслом, склонны воспринимать сами себя в качестве препятствия на пути к самоосуществлению.

Для эмпирической проверки выдвинутой гипотезы мы использовали Методику многофакторного исследования личности Р. Кэттелла (для подростков от 12 лет) (ММИЛ), Методику «Склонность к отклоняющемуся поведению» (СОП)
© 2014 Московский городской психолого-педагогический университет
© 2014 Портал психологических изданий PsyJournals.ru

(А.Н. Орел), Методику личностного дифференциала (ЛД) и Методику управляемой проекции (МУП) (В.В. Столин). Для решения собственных исследовательских задач в ЛД мы ввели два объекта оценивания для респондентов: «Я» и «Другие считают, что я...», что позволяет изучить субъективное балльное расстояние между тем, как подростки оценивают сами себя и тем, как они представляют, каким является образ их Я в представлениях у окружающих их обобщенных других. Инструкция и конструкторы для оценки введенных нами объектов не модифицировались.

МУП В.В. Столина относится к разряду рефрактивных техник [2, с. 385]. По значимым факторам методики Р. Кэттелла составляется краткий словесный портрет респондента, подписывается вымышленными инициалами с указанием возраста, близкого возрасту испытуемого, тот же пол, что и у него, и сходный социальный статус, и преподносится ему как портрет реального человека, ранее проходившего тестирование (персонаж А). По противоположным значениям тех же значимых факторов опросника Р. Кэттелла составляется портрет противоположного лица (персонаж Б; антипортрет). Методика состоит в том, что испытуемому предъявляют его собственный словесный портрет под именем портрета другого лица и, таким же образом, портрет его вымышленной противоположности. Инструкция респондентам дается стандартная, требуется ответить на ряд вопросов, относящихся к изображенным в словесных портретах людям. Вопросы разбиты на два блока, которые различаются по адресности (вопросы об особенностях персонажа и вопросы о личном мнении о персонаже), по развернутости ответа. В первый блок вошли, например, следующие вопросы: 1) К чему стремится в жизни этот человек? 5) Его достоинства? Его недостатки? И др. Второй блок составили вопросы смешанного типа: 1) Какие чувства вызвал у тебя портрет этого человека? 10) Есть ли у тебя с ним что-нибудь общее? Если да, то что? и др.

Выделены следующие критерии анализа результатов. 1) развернутость ответов, объем текста, эмоциональная насыщенность, свидетельствуют об общем отношении к каждому из персонажей, глобальном самоотношении и его модальности. 2) симпатия или антипатия к персонажу. 3) выражение уважения или неуважения. 4) степень отдаления или приближения персонажа к себе респондентом. Пятый критерий анализа - степень узнавания себя.

Каждый протокол изучался с точки зрения оценки встречаемости тех или иных категорий в ответах на группу близких по смыслу вопросов.

В исследовании приняли участие 58 подростков в возрасте от 14 до 18 лет, учащиеся ГБОУ школы – интерната г. Москвы. В общей выборке из 58 человек 31 (53,4%) мальчик в возрасте от 14 до 17 лет и 27 (46,6%) девочек в возрасте от 14 до 18 лет. Средний возраст в выборке составляет 15 лет.

По результатам МУП все подростки были распределены в 4 группы в зависимости от характеристик их самоотношения. Далее мы укрупнили группы для проверки нашей гипотезы и статистического анализа и таким образом сформировали контрольную и экспериментальную.

В составе контрольной группы оказался 31 подросток в возрасте от 14 до 18 лет, из них 15 (48,4%) девочек в возрасте от 14 до 18 лет и 16 (51,6%) мальчиков в

возрасте от 14 до 17 лет. Средний возраст в контрольной группе составляет 15,2 лет. В состав экспериментальной группы вошли 27 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, из них 12 (44,4%) девочек в возрасте от 14 до 17 лет и 15 (55,6%) мальчиков в возрасте от 14 до 17 лет. Средний возраст в экспериментальной группе составляет 14,9 лет.

Исследование проводилось в групповой форме в два этапа. На первом этапе респондентам предлагалось придумать и запомнить уникальный псевдоним, которым они будут подписывать свои бланки, необходимо было указать только реальный возраст и пол. В первую встречу для заполнения предоставлялся опросник Р. Кэттелла и методика ЛД. На втором этапе (во вторую встречу) подростков просили вспомнить свои псевдонимы для подписи следующих бланков и в соответствии с их кодировкой выдавался соответствующий респонденту портрет и антипортрет, к каждому из которых прилагался опросный лист. Также предоставлялся для заполнения опросник СОП.

Статистическая обработка эмпирического материала проводилась с применением метода оценки различий между двумя выборками по уровню количественно измеренного признака (непараметрический критерий Манна – Уитни) и корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена). Применялись компьютерные программы Excel и SPSS 19.

По результатам МУП первая группа включает в себя подростков с высокой степенью самопринятия и четким осознанием презентуемого «Я». Их «Я» воспринимается ими однозначно, они конгруэнтны в своих представлениях о себе и чувствах испытываемых к себе, идентифицируются со своим портретом. В большинстве случаев ответы к обоим описаниям достаточно развернутые, по содержанию эмоционально насыщенные. Отмечаются привнесения деталей, отсутствующих первоначально, например, описание внешности и т.п. При этом к персонажу А (собственному портрету) респондентами выражается симпатия, уважение, в целом он оценивается положительно. Этот персонаж близок респондентам, они желают познакомиться с ним, завязать отношения, основанные на взаимовыгодном сотрудничестве и/или дружбе. К персонажу Б (антипортрету) респонденты этой группы относятся с крайней антипатией и неуважением, отдаляют его от себя, в большинстве случаев отрицают наличие общих черт. Респонденты этой группы не отказываются от знакомства с персонажем Б, но возможность каких-либо отношений с ним ставят под сомнение.

Во второй группе оказались подростки с достаточной степенью самопринятия и осознания презентуемого «Я». Они относятся к персонажу А с симпатией, уважением, находят общее с ним у себя, идентифицируются со своим портретом. Чаще всего персонаж приближается респондентом к себе, выражаются желания познакомиться с ним, установить дружбу. К персонажу Б респонденты этой группы также выражают симпатию и уважение, но менее приближают его к себе. Этот персонаж оценивается позитивно. В протоколах по персонажу Б реже попадает желание респондентов обратиться к нему за советом, но не отрицается вероятность установления благожелательных отношений. Респонденты при этом отмечают наличие отдельных черт у персонажа, которые имеют сами.

Третья группа включила в себя подростков с низким самопринятием (принятием инверсного презентруемого «Я») и конфликтностью при осознании аспектов «Я». Респонденты этой группы проявили симпатию, уважение и приблизили к себе персонажа Б. Ответы на вопросы к антипортрету более развернуты и позитивно эмоционально окрашены. Наличие отдельных отрицательных черт объединяет персонажа и респондента, вызывает симпатию и понимание к нему у последнего. Респондентами отмечаются также внутренние метания и переживания персонажа Б. С таким человеком подростки высказывают желание познакомиться и, возможно, наладить благожелательные отношения. К персонажу А, напротив, выражается меньше симпатии и уважения, он отдалается респондентами от себя, отрицается наличие с ним общих черт. С ним не желают устанавливать контакт вовсе и предпочитают вообще не обращаться за какими-либо советами.

Четвертая группа включила в себя подростков с полным неприятием презентруемого «Я», слабой осознанностью аспектов «Я». Это абсолютное отвержение отражается в проявлении антипатии, неуважения и отдаления респондентами от себя обоих персонажей. Ответы в их адрес краткие, но резко негативные. Желание познакомиться, как – то сблизиться с персонажем отвергается, чаще всего отрицается наличие общих черт. Примерно такое же негативное отношение выражается и к персонажу Б. Но если персонаж А более детально и конкретно осуждался в чем-то, то персонаж Б не нравился недифференцировано. Общего с персонажем Б у респондентов не находится ничего, знакомство и сближение также отвергается.

Далее мы укрупнили группы в зависимости от самоотношения и самопринятия до двух. Контрольная группа включает в себя подростков с высоким и достаточным самопринятием, а экспериментальная – с низким самопринятием и полным отвержением собственных самопрезентаций.

Согласно приведенным статистическим данным (см. табл. 1), склонности к преодолению норм и правил, аддиктивному, самоповреждающему и делинквентному поведению в экспериментальной (N_2) группе достоверно выше, чем в контрольной (N_1).

Таблица 1

Эмпирические значения критерия Манна – Уитни при определении различий между двумя группами (N1 = 31; N2 = 27) по измеренным признакам

Измеренный признак	Средний ранг N ₁	Средний ранг N ₂	Эмпирическое значение критерия	Уровень значимости
<i>Методика СОП (А.Н. Орел)</i>				
Склонность к преодолению норм и правил	19,11	41,43	96,5*	0,000
Склонность к аддиктивному поведению	24,94	34,74	277*	0,027
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	22,13	37,96	190*	0,000
Склонность к делинквентному поведению	21,48	38,70	170*	0,000

Примечание: приведены значимые критерии* на уровне значимости 0,05

Достоверных различий между контрольной и экспериментальной группами по признакам, измеренным методикой ЛД, обнаружено не было.

Примененный на общей выборке корреляционный анализ позволил установить наличие связи между выраженностью отдельных признаков (степень общительности, абстрактность мышления, степень доминантности, чувствительности, самоуверенности, расслабленности), измеренных методикой Р. Кэттелла, и склонностями к преодолению норм и правил, к аддиктивному поведению, к агрессии и насилию, к делинквентному поведению, а также степенью волевого контроля эмоциональных реакций, измеренных методикой СОП (см. табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между показателями, измеренными ММИЛ Р. Кэттелла (14F) и СОП (А.Н. Орел) (N=58)

	к	к	к		к
	Склонность к преодолению норм и правил	Склонность к аддиктивному поведению	и Склонность к агрессии и насилию	Волевой контроль эмоциональных реакций	Склонность к делинквентному поведению
Фактор А (замкнутость – общительность)		0,339** ($\alpha=0,009$)			
Фактор В (мышление)					
Фактор Е (подчиненность – доминантность)		-0,285* ($\alpha=0,030$)			-0,321* ($\alpha=0,014$)
Фактор I (жесткость – чувствительность)			-0,405** ($\alpha=0,002$)		
Фактор O (самоуверенность – склонность к чувству вины)				0,266** ($\alpha=0,044$)	
Фактор Q ₄ (напряженность – расслабленность)	0,345** ($\alpha=0,008$)				0,335* ($\alpha=0,010$)

Примечание: приведены только значимые корреляции * на уровне значимости 0,05; ** на уровне значимости 0,01

Также, корреляционный анализ позволил установить наличие связи между выраженностью признаков субъективный самоконтроль (фактор Сила), субъективная активность (фактор Активность), предполагаемой респондентами степени их привлекательности и активности для других людей, измеренных ЛД, и склонностями к самоповреждающему поведению, к агрессии и насилию, измеренных методикой СОП (см. табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между показателями, измеренными Методикой личностного дифференциала и СОП (А.Н. Орел) (N=58)

	Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	Склонность к агрессии и насилию
Сила «Я»	0,278* ($\alpha=0,034$)	
Активность «Я»	0,273* ($\alpha=0,038$)	0,288* ($\alpha=0,028$)
Оценка «Другие считают, что я...»	0,274* ($\alpha=0,038$)	
Активность «Другие считают, что я...»	0,345* ($\alpha=0,008$)	0,328* ($\alpha=0,012$)

Примечание: приведены только значимые корреляции * на уровне значимости 0,05; ** на уровне значимости 0,01

Можно говорить о том, что подростки, явно склонные к отрицанию и преодолению общепринятых норм и стандартов поведения, потенциально готовые реализовать аддиктивное поведение, имеющие аутодеструктивные тенденции в поведении, а также обладающие выраженной потенциальной способностью при определенных обстоятельствах вступать в конфликт с законом, в большинстве случаев обладают крайне негативным глобальным самоотношением и неприятием себя, чему сопутствует очень плохая осознанность ими того, каким их «Я» предстает перед другими людьми, внутренняя несогласованность «Я-образа» в целом, желание отдалить его от себя. Кроме того, часть этих подростков ощущают резкое противоречие между своим социально презентуемым и «подлинным» «Я» и в основе их низкого самопринятия лежит эта несогласованность. У подростков, склонных к девиантному поведению слабо развиты процессы рефлексии либо сознательно подавляются ими, что и ведет к невозможности осознания ими, как самой внутренней противоречивости их «Я-образа», так и особенностей собственных самопрезентаций. Следовательно, выдвинутая нами гипотеза нашла

© 2014 Московский городской психолого-педагогический университет
© 2014 Портал психологических изданий PsyJournals.ru

свое подтверждение. Однако статистически не было установлено достоверных различий между группами с разными характеристиками самопринятия по склонности к агрессии и насилию, а также по степени волевого контроля эмоциональных реакций. Мы объясняем это тем, что агрессия и насилие, гораздо более многомерные феномены, чем отдельные паттерны поведения, характеризующие последнее в целом как девиантное в том или ином своем виде, что фиксируется использованным нами психодиагностическим инструментом (СОП).

В свою очередь для экспериментальной группы, в отличие от контрольной, чуть более характерны проявления, как выраженного волевого контроля, так и сниженного волевого контроля эмоциональных реакций. Можно сделать предположение, что особенности самопринятия и осознания социального аспекта «Я-образа» у подростков этой группы, либо снижают эффективность их механизмов самоконтроля, что влечет реализацию имеющихся склонностей к девиациям в поведении, либо требуют от них приложения особых волевых усилий для того, чтобы эти склонности не были реализованы.

Не выявлено достоверных различий по признакам, измеренным методикой ЛД. Мы связываем это с тем, что репертуарная оценочная решетка отношения к себе методики ЛД включает в себя, по всей видимости, такие конструкты, которые для подростков могут быть эмоционально и когнитивно либо сложны, либо чужды, поскольку, вероятно, не соответствуют их субъективному опыту в отношении себя. Однако усредненные тенденции указывают на то, что «Я» оценивается подростками обеих групп (экспериментальной незначительно выше) скорее как принимаемое, удовлетворяющее своего обладателя, более или менее симпатичное, как носитель позитивных и социально желательных характеристик, как активное и направленное вовне. Субъективные оценки развитости собственных волевых качеств испытуемых обеих групп практически идентичны и располагается на среднем уровне. При этом все подростки нашей выборки в среднем оценивают себя как более или менее симпатичных, уверенных в себе и независимых в соответствии с предполагаемым ими мнением о них у других людей. Подростки экспериментальной группы в среднем чуть выше оценивают себя как активных и общительных в представлениях о них у других людей, чем подростки контрольной группы.

Таким образом, в целом подростками экспериментальной группы объекты по фактору Активность всегда оцениваются явно чуть выше, чем контрольной. Как мы предполагаем, у подростков с низким самопринятием и полным отвержением самопрезентаций, вероятно, имеются проблемы с организационно – регулятивной функцией «Я-образа», поэтому механизмы их самоконтроля приобретают специфику. Вероятно, механизмы сдерживания собственной активности у подростков экспериментальной группы слабее или ощущаются ими как трудно управляемые, требующие больших усилий над собой и постоянного сознательного самоконтроля. К тому же, по всей видимости, склонность преодолевать стандарты поведения может указывать, что дисциплинарные и иные нормы не служат мерой сдерживания их активности, поэтому и сами респонденты оценивают себя в большей степени как активных, чем подростки с адаптивным «Я-образом» и нормативным поведением, которые подчиняют свою активность более широкому спектру уже интериоризированных ограничивающих ее мер.

Балльные расстояния между тем как оценивают подростки экспериментальной группы сами себя по факторам Оценка и Активность и тем, как они считают, как оцениваются они другими по этому же фактору, в среднем немного больше, чем у подростков контрольной группы. Балльный разрыв по фактору Сила у подростков обеих групп в среднем не различается. Мы объясняем этот факт тем, что для подростков с низким самопринятием свойственно ощущение неадекватности того, как они представляют себя, тому, какие реакции они вызывают у окружающих, что вероятно, и объективируется увеличенным в среднем балльным разрывом. Совпадение балльных расстояний в обеих группах по фактору Сила (т.е. субъективной оценке развитости собственных волевых качеств) может быть связано со спецификой функционирования механизмов самоконтроля у подростков экспериментальной группы.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о том, что у подростков с принятием инверсного презентруемого «Я» и полным непринятием презентруемого «Я» склонность к девиантному поведению выше, чем у их сверстников с высокой и достаточной степенью самопринятия, нашла свое подтверждение.

Литература

1. Бернс Р. Я - концепция и Я - образы // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ – М», 2006. С. 133 - 231.
2. Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб.: Изд-во «Речь», 2000. 440 с.
3. Гульянова Н.А. О связи самопринятия и осознания Я-образа в ситуации неуспеха // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2001. №3. с. 68 – 75.
4. Дворянчиков Н.В. Половое самосознание и методы его диагностики: учеб. пособие / Н.В. Дворянчиков, С.С. Носов, Д.К. Саламова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 216 с.
5. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением: Монография. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2004. 325 с.
6. Егоров А.Ю., Игумнов С.А. Клиника и психология девиантного поведения. Научное издание. СПб.: Речь, 2010. 398с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
8. Михеева И.Н. Я-концепция и конфликт в сфере нравственной жизни личности // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ – М», 2006. С. 232 – 251.
9. Ясная В.А. Искажения идентичности у подростков с отклоняющимся поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66212.shtml> (дата обращения: 11.03.2014).

Self-acceptance and awareness of the social dimension of self-image in adolescents

Kiryakova K.A., Psychologist, Center for Psychological, Medical and Social support "Trust", Graduate of the Chair of Legal Psychology and Law, Department of Law Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (karina628@mail.ru)

Bogdanovich N.V., PhD (Psychology), Associate Professor Chair of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education (bogdanovichnv@mgppu.ru)

The article deals with the issues of self-awareness and self-acceptance in the context of relating moral and ethical behavior of the individual with his own ideas about his properties and capabilities, characteristics of components and processes of the Self that affect the implementation of organizational, regulatory and protective functions necessary to ensure the socio-normative behavior. As with the self-image one reflects and structures his own personality, and using the functions of the self, organizes own activities one way or another, the problem field for psychological study exists not only within the so-called "normal", but in the clinical pathology as well. The study perspective expands the understanding of self-acceptance and self-awareness of the self-image (the social dimension of the self) in adolescents with a tendency to deviant behavior. We identified and described the most important theoretical and practical aspects of the study of consciousness and self-acceptance within developmental psychology of personality and social behavior of adolescents. These data identify the reference points needed when dealing with personal-semantic sphere of teenagers who have a tendency to deviant behavior.

Keywords: : self-awareness, self-acceptance, self-image, the social aspect of self-image, deviant behavior in adolescence.

References

1. *Berns R. Ja - koncepcija i Ja - obrazy // Samosoznanie i zashhitnye mehanizmy lichnosti. Hrestomatija. Samara: Izdatel'skij Dom «BAHRAH – M», 2006. pp. 133 - 231.*
2. *Bodalev A.A., Stolin V.V. Obshhaja psihodiagnostika. SPb.: Izd-vo «Rech'», 2000. 440 p.*
3. *Gul'janova N.A. O svjazi samoprinjatija i osoznanija Ja-obraza v situacii neuspeha // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija. 2001. №3 pp. 68 – 75.*
4. *Dvorjanchikov N.V. Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki: ucheb. posobie / N.V. Dvorjanchikov, S.S. Nosov, D.K. Salamova. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 216 p.*
5. *Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem: Monografija. M.: GNC SSP im. V.P. Serbskogo, 2004. 325 p.*
6. *Egorov A.Ju., Igumnov S.A. Klinika i psihologija deviantnogo povedenija. Nauchnoe izdanie. SPb.: Rech', 2010. 398 pp.*
7. *Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Smysl; Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. 352 p.*
8. *Miheeva I.N. Ja-koncepcija i konflikt v sfere npravstvennoj zhizni lichnosti // Samosoznanie i zashhitnye mehanizmy lichnosti. Hrestomatija. Samara: Izdatel'skij Dom «BAHRAH – M», 2006. pp. 232 – 251.*
9. *Jasnaja V.A. Iskazhenija identichnosti u podrostkov s otklonjajushhimsja povedeniem [Elektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2013. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66212.shtml> (data obrashhenija: 11.03.2014).*

Исследование субъективного ощущения одиночества пожилых женщин в аспекте суицидального риска

Кудряшова Е.Л., старший преподаватель кафедры социально-психологической безопасности личности, НОУ ВПО «Институт психологии и педагогики» (nerehta17@mail.ru)

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридическая психология Московского городского психолого-педагогического университета (sverchokk@list.ru)

Представлены результаты исследования субъективного ощущения одиночества пожилых женщин и их действительного социального статуса в аспекте склонности к суицидальному поведению. Выдвинута гипотеза о том, что уровень суицидального риска у пожилых женщин обнаруживает более тесную связь с выраженностью субъективного ощущения одиночества, чем со степенью объективной социальной изолированности. В исследовании приняли участие 52 женщины в возрасте от 55 до 75 лет, не имеющие психической патологии и инвалидизирующих соматических заболеваний. Основными методами исследования стали анализ медицинской документации, беседа и формализованная психодиагностика. Для обработки данных применялись U-критерий Манна-Уитни, H-критерий Крускала-Уоллиса, критерий χ^2 Пирсона и метод ранговой корреляции Спирмена. Показано, что выраженность суицидального риска в обследованной выборке действительно взаимосвязана с уровнем субъективного ощущения одиночества ($p \leq 0,05$), в отношении же объективной социальной изолированности испытуемых такой взаимосвязи не обнаружено.

Ключевые слова: пожилой возраст, старение, социальная изолированность, суицидальный риск, субъективное ощущение одиночества.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена как неуклонным старением населения, так и тревожной динамикой показателей суицидального поведения в пожилой популяции. На долю пожилых людей приходится около четверти самоубийств, ежегодно происходящих в России, и специалисты прогнозируют дальнейший рост распространенности суицидального поведения в данной возрастной группе [14]. Особую значимость приобретает совершенствование программ комплексной поддержки пожилых людей, что невозможно без уточнения существующих сведений о психологических проблемах старения.

Изменение социальной роли и круга общения, ухудшение материального положения и состояния здоровья, а также действующие в обществе социальные стереотипы делают пожилых людей склонными к переживанию безнадежности, несостоятельности, обесцененности, и помещают их в группу повышенного суицидального риска [11; 21; 29].

К факторам суицидального риска при старении специалисты относят тяжелые соматические заболевания, возрастно-ситуационную депрессию и реактивные депрессии непсихотического уровня [3; 14; 30]. Эти проблемы меняют психосоциальный статус пожилого человека, порождая прогрессирующую утрату оптимизма и интереса к окружающему, нарушения отношений с близкими, снижение самооценки и, в конечном итоге, качества жизни в целом.

Известно, что 80% пожилых суицидентов страдали депрессией, около 65% имели хронические соматические заболевания. В случаях, когда психические и соматические проблемы сопутствовали друг другу, наблюдалось нарастание отчужденности, враждебности, негативизма, неверия в медицинскую помощь. Заслуживает отдельного упоминания страх смерти, нередко принимающий форму страха одиночества, болезни, непредсказуемых перемен, способен он и проецироваться на окружающих [3; 18; 29].

Суицидальное поведение в старости обладает рядом особенностей. Во-первых, суицидальные попытки наблюдаются редко и являются скорее неудавшимися самоубийствами, чем попыткой привлечь к себе внимание, как это свойственно молодому возрасту. Во-вторых, в анамнезе обычно отсутствуют сведения о предшествующих суицидальных тенденциях. В-третьих, пожилые люди нередко выбирают скрытые формы самоубийства, отказываясь от еды, приема лекарств, употребляя алкоголь или психотропные препараты [6].

Следует учитывать, что процесс старения весьма индивидуален и сложен, вследствие чего время наступления старости трудно определить даже с биологической точки зрения, а вопрос о периодизации геронтогенеза до сих пор остается дискуссионным. Выраженность возрастно-психологических особенностей пожилого человека обнаруживает весьма условную связь с его хронологическим возрастом [15; 29].

Кроме того, старость следует рассматривать не только в аспекте снижения качества жизни, ведь данный этап характеризуется и положительными особенностями, – аккумуляцией опыта, знаний, личностного потенциала, достижением качественно нового уровня мировосприятия и самосознания. На фоне снижения приспособительных возможностей одновременно активизируются процессы саморегуляции, стабилизирующие жизнедеятельность организма [7; 26]. Нейропсихологи указывают, что инволюционные изменения работы мозговых систем во многих случаях не исключают хорошего социального и личностного функционирования. Огромную роль в регуляции активности играет опосредствование, во многом компенсирующее дефицитарность натурального уровня организации психической деятельности [9; 10; 23].

Старость может выступать как период серьезной и насыщенной внутренней работы, обретения созерцательной, самодостаточной жизненной позиции. В таких

случаях у человека обнаруживаются ресурсные интересы и виды активности, связанные с обращением к природе, творчеству, бескорыстной помощью окружающим [27; 28; 29; 31].

Среди психологических задач, стоящих перед человеком в период старения, можно выделить следующие:

- ориентированность на настоящее и ролевая переориентация;
- преодоление негативных стереотипов относительно старости;
- признание естественности происходящих физических изменений, забота о собственном здоровье;
- сохранение эмоциональной и когнитивной гибкости, социальной активности, стремление к обогащению мира своих впечатлений;
- целенаправленное использование предстоящих лет жизни в соответствии с имеющимися возможностями;
- поддержание внутренней целостности, стремление к осмыслению прожитого и завершению того, что можно завершить [24; 26].

Принципиально значимо субъективное, личностно-окрашенное отношение к старению и сопутствующим изменениям. Ни хорошее здоровье, ни сохранение деятельного образа жизни, ни высокое общественное положение, ни наличие семьи не гарантируют восприятия старости как благоприятного периода жизни. Напротив, при плохом физическом самочувствии, скромном материальном достатке, одиночестве можно находиться в согласии со своим старением [4; 11; 27; 29].

Важным фактором, определяющим качество жизни при старении, является *одиночество* в его объективных и субъективных измерениях. Фактическое обеднение социальной активности связано с прекращением профессиональной деятельности, сокращением круга сверстников, а также с тем, что пожилой человек быстро устает от общения. В старости многие предпочитают добровольное затворничество унижению, которое они усматривают в риске стать обузой, испытать презрение молодых. Не случайно дискриминационные проявления эйджизма и даже жестокое обращение с пожилыми людьми стали в последние десятилетия предметом многочисленных исследований [5].

Вынужденный уход на пенсию сильнее влияет на психическое состояние мужчин ввиду большей значимости для них профессиональной деятельности и материальной независимости. Формируется сужение круга общения и интересов, причем у одиноких мужчин этому сопутствуют отчетливо негативное восприятие себя и прожитой жизни, тенденция к проецированию своих переживаний на других людей, к авторитаризму и эгоцентризму. Есть сведения и о более низкой удовлетворенности пожилых мужчин своей жизнью [12; 16]. Женщины, напротив, легче адаптируются к старению, сохраняют высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями, стабильный и принципиальный взгляд на жизнь, направленность на охрану собственного

пространства и заботу о близких. Тем не менее, им присуща склонность к жалобам на недостаток общения, внимания, поддержки [4; 22]. Учитывая это обстоятельство, психологические аспекты старения женщин следует рассматривать с учетом такого явления, как субъективное ощущение одиночества.

Сегодня выявлены психологические характеристики, личностные корреляты и разновидности субъективного ощущения одиночества [8; 12]. При этом возрастные закономерности преломления одиночества через призму личности изучены не вполне глубоко и равномерно, а большинство сведений по этому поводу касаются подростков и молодежи. Между тем, одиночество пожилых людей глубоко специфично и отличается ярко выраженной двойственностью. Это тягостное ощущение увеличивающегося разрыва с окружающими, но это и стремление защитить свой мир и стабильность [28; 29]. Одиночество при старении связано не только с покинутостью и исключенностью, но и с уединением, помогающим сохранить самодостаточность и автономность [13; 17]. Парадоксально, но на недостаток эмоционально теплого общения, контактов, взаимодействия чаще жалуются пожилые люди, окруженные родственниками, чем живущие отдельно. С усугублением действительной социальной изолированности формируется все более позитивное отношение к собственному одиночеству и одиночеству вообще [8; 11; 16].

Как уже было сказано, пожилые женщины воспринимают свое одиночество острее, чем мужчины, несмотря на большую адаптивность и коммуникабельность. При этом так называемое «отрицаемое одиночество» типично для женщин, «деструктивное» – для мужчин, «комфортное» же свойственно обоим полам [8]. Говоря о пожилой популяции, важно учитывать и разницу в продолжительности жизни лиц разного пола, ведь женщине чаще случается пережить своего партнера, а значит, и пройти испытание утратой.

Частота самоубийств пожилых мужчин в 6-8 раз превышает соответствующий показатель для женщин. Специалисты объясняют это большей адаптивностью женщин, их способностью сохранять прочные социальные связи, независимость в повседневной жизни, уверенность в собственной значимости для детей и внуков [14]. Между тем, лишь 20% мужских суицидов приходятся на пожилую возраст, в женской же популяции эта цифра достигает 50% [25].

Современные авторы подчеркивают многообразие суцидодогенных обстоятельств, сопутствующих старению, отводя ведущую роль объективному обеднению социального окружения. Действительный социальный контекст жизни человека всегда привлекал внимание исследователей суицидального поведения [2; 14, 25]. Однако многие данные указывают на перспективность детального изучения и такого фактора, как субъективное ощущение одиночества.

Целью нашего исследования стал сравнительный анализ уровня субъективного ощущения одиночества пожилых женщин и их действительного социального статуса в связи с показателями суицидального риска. Была выдвинута гипотеза о том, что уровень суицидального риска у пожилых женщин обнаруживает более тесную связь с выраженностью субъективного ощущения одиночества, чем со степенью объективной социальной изолированности.

Программа исследования

Исследование было проведено на базе городской поликлиники № 2 г. Сарова. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью беседы, формализованной психодиагностики и анализа медицинской документации. В выборку вошли 52 женщины 55-75 лет, не имеющие психической патологии и инвалидизирующих соматических заболеваний. Испытуемые различаются по степени объективной социальной изолированности, основными показателями которой мы считали наличие семьи и работы. 18 обследованных проживают в одиночестве, 14 – с одним родственником (чаще – с мужем) и 20 – с детьми и/или внуками; 29 работают, остальные вышли на пенсию по возрасту.

Результаты и их интерпретация

Предваряя подробное описание результатов, укажем на преобладание в выборке низкого и среднего уровня субъективного ощущения одиночества, что соответствует литературным данным [8], а также низкого уровня суицидального риска. Добавим также, что все обследованные отрицают наличие в своем анамнезе суицидальных намерений и попыток.

Результаты исследования субъективного ощущения одиночества с применением опросника Д. Рассела и М. Фергюссона [1] позволили разделить выборку на три группы. Низкий уровень субъективного ощущения одиночества имеют 24 женщины (средний возраст 67,2 года), средний – 17 женщин (средний возраст 65,3 года); высокий – 11 женщин (средний возраст 65,2 года). Далее мы будем обозначать эти группы буквами А, В и С соответственно.

Обобщим результаты беседы с испытуемыми из разных групп.

Большинство женщин из *группы А* охотно и оптимистично говорят о будущем, отмечая важность таких условий, как здоровье и благополучие близких. Жизненная перспектива воспринимается негативно лишь теми, кто испытывает страх перед одряхлением и болезнями, социальными изменениями и «плохими людьми». Все испытуемые группы А сообщают о поддерживающем, эмоционально теплом взаимодействии с друзьями и родственниками, говорят об отношении окружающих к себе как к любимому человеку, мудрому советнику.

В *группе В* позитивное отношение к будущему имеют лишь треть испытуемых, остальные видят его туманным, бесперспективным и надеются лишь на поддержку детей и «покой». Отмечается высокая субъективная значимость здоровья, сохранения физических возможностей. Представительницы группы В лучшими своими друзьями называют детей или животных, отношения же со взрослыми родственниками характеризуют в лучшем случае как «нормальные».

Женщины из *группы С* также надеются на близких и сохранение стабильности, однако воспринимают будущее в основном как мрачное или неопределенное, опасаются бедности и болезней, указывают на отсутствие друзей и невозможность их обретения, выраженные проблемы во взаимоотношениях с близкими («со мной разговаривают как с прислугой, судомойкой», «меня не понимают», «со мной почти не общаются»).

Критерий χ^2 Пирсона позволил сопоставить распределения уровня субъективного ощущения одиночества в группах испытуемых, имеющих различный социальный статус:

- одинокие / проживающие в семье ($\chi^2=1,85$);
- работающие / не работающие ($\chi^2=1,18$);
- имеющие высшее или среднее специальное / среднее техническое образование ($\chi^2=0,71$).

Значение критерия χ^2 меньше критического, следовательно, уровень субъективного ощущения одиночества не обнаруживает взаимосвязи со степенью фактической социальной изолированности обследованных женщин ($p \leq 0,05$).

Далее с помощью U-критерия Манна-Уитни были оценены различия по уровню субъективного ощущения одиночества между женщинами, различающимися по социальному статусу:

- одинокие и проживающие в семье ($U=376,5$);
- работающие и не работающие ($U=374,5$);
- одинокие не работающие и работающие испытуемые, проживающие в семье ($U=150,5$).

Особенно нас интересовали данные, касающиеся «крайних» категорий, то есть испытуемых с максимальной и минимальной социальной изолированностью. Как видим, даже при сопоставлении этих категорий значение U-критерия превысило критическое, что позволяет заключить о взаимной независимости уровня субъективного ощущения одиночества и меры действительной социальной изолированности ($p \leq 0,05$).

Существуют данные о том, что особенности восприятия пожилыми людьми своего одиночества обусловлены оценкой нынешних социальных связей в сравнении с прошлым, возможностью контроля социального аспекта своей жизни и наличием партнера [12]. Результаты беседы с нашими испытуемыми показали, что субъективное ощущение одиночества в первую очередь связано у них с тяжелыми переживаниями по поводу непонимания, неуважения, холодности близких, формальные же характеристики социального окружения не столь важны.

Обратимся к результатам диагностики суицидального риска, которая проводилась с помощью методик В. Пёлдингера [20] и В. Зунга [19]. Депрессивность традиционно считается одним из важнейших показателей суицидального риска, однако данные, полученные по названным методикам, не обнаружили достоверной взаимосвязи между собой ($U=364$ при $p \leq 0,05$). Следует учитывать однако, что шкала В. Зунга ориентирована на выявление достаточно выраженных депрессивных проявлений. Выбор более чувствительного инструмента позволил бы исследовать связь суицидального риска с мягкими депрессивными проявлениями, которые присутствуют у некоторых испытуемых. Это соображение определяет вектор

дальнейших исследований, тем более что литературные данные указывают на высокую распространенность депрессивных состояний при старении.

Уровень депрессивности не обнаружил взаимосвязи и с социальным статусом испытуемых ($p \leq 0,05$). Сопоставив уровень депрессивности женщин с различной степенью действительной социальной изолированности, мы получили следующие данные:

- одинокие и проживающие в семье ($U=336,5$);
- работающие и неработающие ($U=251$);
- одинокие неработающие и работающие испытуемые, проживающие в семье ($U=143,5$).

Далее был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s) между уровнями депрессивности и субъективного ощущения одиночества. Нас интересовало, как выглядит соответствующая взаимосвязь в группах женщин, по-разному субъективно воспринимающих выраженность своего одиночества. Полученные значения коэффициента показали, что ни в одной из групп взаимосвязи между названными показателями нет (табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценки корреляции между показателями депрессивности и субъективного ощущения одиночества

Группы испытуемых	Значение r_s	Значение $r_{s\text{кр}}$ ($p \leq 0,05$)
А (низкий уровень субъективного ощущения одиночества)	0,35	0,41
В (средний уровень субъективного ощущения одиночества)	0,27	0,48
С (высокий уровень субъективного ощущения одиночества)	0,15	0,61

Перейдем к статистическим данным, непосредственно касающимся нашей гипотезы. Проверка гипотезы предполагала оценку связи уровня суицидального риска испытуемых с их объективным и субъективным социальным статусом. Как показано в табл. 2, уровень суицидального риска возрастает с увеличением интенсивности субъективного ощущения одиночества.

Таблица 2

Результаты попарного сравнения групп А, В, С по уровню суицидального риска

Пары групп, между которыми проводилось сравнение	Значение U	Значение $U_{кр}$ ($p \leq 0,01$)
А (низкий уровень субъективного ощущения одиночества) и В (средний уровень субъективного ощущения одиночества)	56	115
В (средний уровень субъективного ощущения одиночества) и С (высокий уровень субъективного ощущения одиночества)	18	44

Наконец, с помощью этого же критерия был сопоставлен уровень суицидального риска у испытуемых с различной степенью действительной социальной изолированности ($p \leq 0,05$).

- одинокие и проживающие в семье ($U=415,5$ при $U_{кр}=219$);
- работающие и неработающие ($U=245$ при $U_{кр}=243$);
- одинокие неработающие и работающие испытуемые, проживающие в семье ($U=181,5$ при $U_{кр}=65$).

Представленные показатели свидетельствуют в пользу нашей гипотезы. Уровень суицидального риска действительно обнаружил более значимую взаимосвязь с интенсивностью субъективного ощущения одиночества испытуемых, чем с фактическим социальным контекстом их жизни. Имеющиеся данные, разумеется, не дают оснований считать эту взаимосвязь причинно-следственной и расценивать остроту субъективного ощущения одиночества как *суицидогенный фактор*. Уточнение характера выявленной взаимосвязи и возможного влияния

неучтенных переменных (в том числе эмоционально-волевых и мотивационно-личностных) определяет перспективы дальнейших исследований.

Выводы

1. В обследованной выборке пожилых женщин преобладают испытуемые с низким и средним уровнем субъективного ощущения одиночества, не имеющие выраженных признаков депрессии и обладающие низким уровнем суицидального риска.

2. Выраженность суицидального риска имеет достоверную взаимосвязь с интенсивностью субъективного ощущения одиночества, однако не обнаруживает взаимосвязи с уровнями депрессивности и объективной социальной изолированности.

3. Уровень депрессивности обследованных не имеет взаимосвязи ни с фактической, ни с субъективно воспринимаемой социальной изолированностью.

Выявленные закономерности уточняют существующие представления о специфике суицидального поведения в позднем возрасте, а также об особенностях восприятия пожилыми людьми своего взаимодействия с социальным окружением. Результаты могут найти применение в практике оценки суицидальной опасности и профилактики самоубийств среди пожилых женщин.

Литература

1. Батаршев А.В. Психодиагностика пограничных психических расстройств личности и поведения. М.: Изд-во Института психотерапии, 2004. 320 с.
2. Бовина И.Б. Проблема диагностики риска суицида и возможности теста имплицитных ассоциаций для ее разрешения // Психологическая наука и образование. 2014. №1. С. 146-154.
3. Гаврилова С.И., Калын Я.Б. Роль стрессогенных факторов в развитии психической патологии в пожилом возрасте // Психиатрия и психофармакотерапия. 2002. Т. 4. № 6. С. 212-215.
4. Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б. Поздний возраст и стратегии его освоения. М.: МПСИ, 2003. 112 с.
5. Горфан Я.Ю. Некоторые психологические аспекты виктимизации пожилых людей // Психология и право. 2011. № 4. С. 51-60.
6. Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция, поственция // Суицидология: прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / Сост. А.Н. Моховиков. М.: Когито-Центр, 2001. С. 270-352.

-
7. Достойное старение и Морита-терапия: психотерапия для пожилых / Ниимура Х. [и др.] // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24. № 1. С. 61-64.
 8. *Заворотных Е.Н.* Социально-психологические особенности одиночества как субъективного переживания: дис... канд. психол. наук. СПб.: 2009. 254 с.
 9. *Корсакова Н.К.* Нейропсихология позднего возраста: обоснование концепции и прикладные аспекты // Психология старости и старения: хрестоматия: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / Сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 149-155.
 10. *Корсакова Н.К.* Опосредование как компонент саморегуляции психической деятельности в позднем возрасте // Психология развития: хрестоматия / Под ред. А.К. Болотова, О.Н. Молчанова. М.: ЧеРо, Омега-Л, 2005. С. 463-468.
 11. *Краснова О.В., Лидерс А.Г.* Социальная психология старения. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 288 с.
 12. *Лазарянц О.В.* Социально-психологические особенности переживания одиночества в группах пожилых людей: дис... канд. психол. наук. Кострома, 2010. 201 с.
 13. *Левина О.В.* Одиночество в социально-генерационной структуре современного российского общества: геронтологический аспект: дис... канд. соц. наук. Ростов-н/Д, 2001. 141 с.
 14. *Лео Д., Менегел Г.* Самоубийство в пожилом возрасте // Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / Под ред. Д. Вассерман. М.: Смысл, 2005. С. 208-218.
 15. *Лидерс А.Г.* Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология зрелости и старения. 2000. № 2. С. 6-11.
 16. *Лунина Е.Б.* Особенности совладающего поведения у лиц в позднем возрасте: дис... канд. психол. наук. Ростов-н/Д: 2009. 184 с.
 17. *Мазуренко Е.А.* Одиночество как феномен индивидуальной и социальной жизни: дис... канд. филос. наук. Архангельск, 2006. 186 с.
 18. *Обухова Л.Ф., Обухова О.Б., Шаповаленко И.В.* Проблема старения с биологической и психологической точек зрения // Психологическая наука и образование. 2003. № 3. С. 25-33.
 19. Практикум по психологии состояний / Под ред. А.О. Прохорова. – СПб.: Речь, 2004. 480 с.

-
20. Психосоматические расстройства в общей медицинской практике // Любан-Плоцца Б. [и др.] СПб.: Научно-исследовательский Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2000. 287 с.
 21. Романова И.В. Образ жизни одиноких женщин посттрудового периода жизнедеятельности в современных условиях (на материалах Забайкальского края и Республики Бурятия): дис... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2012. 352 с.
 22. Рощак К. Психологические особенности личности в пожилом возрасте // Психология старости / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2004. С. 512-524.
 23. Рощина И.Ф., Балашова Е.Ю. Клиническая психология старения в России: истоки, проблемы и перспективы // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (к 85-летию Юрия Федоровича Полякова). М.: ГБОУ МГППУ, ФГБУ НЦПЗ РАМН, 2006. С. 142-156.
 24. Слободчиков И.М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 27-34.
 25. Смертность российских подростков от самоубийств. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2011. 131 с.
 26. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб.: Питер, 2010. 320 с.
 27. Филозон А.А. Психолого-акмеологические аспекты становления личности на поздних этапах онтогенеза // Мир психологии. 2008. № 2. С. 255-261.
 28. Холостова Е.И., Егоров В.В., Рубцов А.В. Социальная геронтология. М.: ИТК «Дашков и Ко», 2005. 295 с.
 29. Шахматов Н.Ф. Психическое старение. Психическая жизнь в старости // Психология развития: хрестоматия / Под ред. А.К. Болотова, О.Н. Молчанова. М.: ЧеРо, Омега-Л, 2005. С. 480-490.
 30. Штернберг Э.Я. Геронтологическая психиатрия. М.: Медицина, 1977. 216 с.
 31. Щанина Е.В. Социальная активность пожилых людей в современном российском обществе: региональный аспект: дис... канд. соц. наук. Пенза, 2006. 160 с.

The study of subjective feelings of loneliness older women in terms of suicide risk

Kudryashov E.L., senior lecturer in social and psychological safety of the person, LEU Institution "Institute of psychology and pedagogy" (LEU IPP) (nerehta17@mail.ru)

Lukovtseva Z.V., Ph.D., Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Medical University "Moscow City University of Psychology and Education" (Medical University Moscow State University of Psychology & Education) (sverchokk@list.ru)

The results of the study of subjective feeling lonely older women and their actual social status in terms of the propensity to suicidal behavior. Hypothesized that the level of suicide risk in older women reveals a closer connection with the severity of subjective feelings of loneliness than with the degree of objective social isolation. The study involved 52 women aged 55 to 75 years old who do not have mental disorders and debilitating physical illness. The main methods of study was the analysis of medical records, interview and psychological testing formalized. Data used for U-Mann-Whitney test, H-Kruskal-Wallis test, and Pearson criterion χ^2 Spearman rank correlation method. It is shown that the severity of suicidal risk in the studied sample is really linked to the level of subjective feelings of loneliness ($p \leq 0,05$), in respect of the same objective social isolation test found no such relationship.

Keywords: old age, aging, social isolation, suicide risk, the subjective feeling of loneliness.

References

1. *Batarshev A.V.* Psihodiagnostika pogranych psihicheskikh rasstrojstv lichnosti i povedenija. M.: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2004. 320 p.
2. *Bovina I.B.* Problema diagnostiki riska suicida i vozmozhnosti testa implicitnyh asociacij dlja ee razreshenija // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2014. №1. P. 146-154.
3. *Gavrilova S.I., Kalyn Ja.B.* Rol' stressogennyh faktorov v razvitii psihicheskoi patologii v pozhilom vozraste // Psihiatrija i psihofarmakoterapija. 2002. T. 4. № 6. P. 212-215.
4. *Gluhanjuk N.S., Gershkovich T.B.* Pozdnij vozrast i strategii ego osvoenija. M.: MPSI, 2003. 112 p.
5. *Gorfan Ja.Ju.* Nekotorye psihologicheskie aspekty viktimizacii pozhilyh ljudej // Psihologija i pravo. 2011. № 4. P. 51-60.
6. *Grollman Je.* Suicid: prevencija, intervencija, postvencija // Suicidologija: proshloe i nastojashhee: Problema samoubijstva v trudah filosofov, sociologov, psihoterapevtov i v hudozhestvennyh tekstah / Sost. A.N. Mohovikov. M.: Kogito-Centr, 2001. P. 270-352.
7. Dostojnoe starenie i Morita-terapija: psihoterapija dlja pozhilyh / Niimura H. [i dr.] // Social'naja i klinicheskaja psihiatrija. 2014. T. 24. № 1. P. 61-64.
8. *Zavorotnyh E.N.* Social'no-psihologicheskie osobennosti odinochestva kak sub#ektivnogo perezhivanija: dis... kand. psihol. nauk. SPb.: 2009. 254 p.
9. *Korsakova N.K.* Nejropsihologija pozdnego vozrasta: obosnovanie koncepcii i prikladnye aspekty // Psihologija starosti i starenija: hrestomatija: ucheb. posobie dlja stud. psihol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij / Sost. O.V. Krasnova, A.G. Liders. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. P. 149-155.
10. *Korsakova N.K.* Oposredovanie kak komponent samoreguljacii psihicheskoi dejatel'nosti v pozdnem vozraste // Psihologija razvitija: hrestomatija / Pod red. A.K. Bolotova, O.N. Molchanova. M.: CheRo, Omega-L, 2005. P. 463-468.
11. *Krasnova O.V., Liders A.G.* Social'naja psihologija starenija. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2002. 288p.
12. *Lazarjanc O.V.* Social'no-psihologicheskie osobennosti perezhivanija odinochestva v gruppah pozhilyh ljudej: dis... kand. psihol. nauk. Kostroma, 2010. 201 p.
13. *Levina O.V.* Odinochestvo v social'no-generacionnoj strukture sovremennogo rossijskogo obshhestva: gerontologicheskij aspekt: dis... kand. soc. nauk. Rostov-n/D, 2001. 141 p.

-
14. *Leo D., Menegel G.* Samoubijstvo v pozhilom vozraste // Naprasnaja smert': prichiny i profilaktika samoubijstv / Pod red. D. Vasserman. M.: Smysl, 2005. P. 208-218.
 15. *Liders A.G.* Krizis pozhilogo vozrasta: gipoteza o ego psihologicheskom sodержanii // Psihologija zrelosti i starenija. 2000. № 2. P. 6-11.
 16. *Lunina E.B.* Osobennosti sovladajushhego povedenija u lic v pozdnem vozraste: dis... kand. psihol. nauk. Rostov-n/D: 2009. 184 p.
 17. *Mazurenko E.A.* Odinochestvo kak fenomen individual'noj i social'noj zhizni: dis... kand. filos. nauk. Arhangel'sk, 2006. 186 p.
 18. *Obuhova L.F., Obuhova O.B., Shapovalenko I.V.* Problema starenija s biologicheskoj i psihologicheskoj toček zrenija // Psihologičeskaja nauka i obrazovanie. 2003. № 3. P. 25-33.
 19. Praktikum po psihologii sostojanij / Pod red. A.O. Prohorova. – SPb.: Rech', 2004. 480 p.
 20. Psihosomaticheskie rasstrojstva v obshhej medicinskoj praktike / Ljuban-Plocca B. [i dr.] SPb.: Nauchno-issledovatel'skij Psihonevrologičeskij institut im. V.M. Behtereva, 2000. 287 p.
 21. *Romanova I.V.* Obraz zhizni odinokih zhenshhin posttrudovogo perioda zhiznedejatel'nosti v sovremennyh uslovijah (na materialah Zabajkal'skogo kraja i Respubliki Burjatija): dis... kand. soc. nauk. Ulan-Udje, 2012. 352 p.
 22. *Roshhak K.* Psihologičeskie osobennosti lichnosti v pozhilom vozraste // Psihologija starosti / Pod red. D.Ja. Rajgorodskogo. Samara: Bahrah-M, 2004.P. 512-524.
 23. *Roshhina I.F., Balashova E.Ju.* Kliničeskaja psihologija starenija v Rossii: istoki, problemy i perspektivy // Medicinskaja (kliničeskaja) psihologija: tradicii i perspektivy (k 85-letiju Jurija Fedorovicha Poljakova). M.: GBOU MGPPU, FGBU NCPZ RAMN, 2006. P. 142-156.
 24. *Slobodchikov I.M.* Sovremennye issledovanija perezhivaniya odinochestva // Psihologičeskaja nauka i obrazovanie. 2007. № 3. P. 27-34.
 25. Smertnost' rossijskih podrostkov ot samoubijstv. M.: Detskij fond OON (JuNISEF), 2011. 131 p.
 26. *Stjuart-Gamil'ton Ja.* Psihologija starenija. SPb.: Piter, 2010. 320 p.
 27. *Filozop A.A.* Psihologo-akmeologičeskie aspekty stanovlenija lichnosti na pozdnh jetapah ontogeneza // Mir psihologii. 2008. № 2. P. 255-261.
 28. *Holostova E.I., Egorov V.V., Rubcov A.V.* Social'naja gerontologija. M.: ITK «Dashkov i Ko», 2005. 295 p

29. *Shahmatov N.F.* Psihicheskoe starenie. Psihicheskaja zhizn' v starosti // Psihologija razvitija: hrestomatija / Pod red. A.K. Bolotova, O.N. Molchanova. M.: CheRo, Omega-L, 2005. P. 480-490.
30. *Shternberg Je.Ja.* Gerontologicheskaja psihiatrija. M.: Medicina, 1977. 216 p.
31. *Shhanina E.V.* Social'naja aktivnost' pozhilyh ljudej v sovremennom rossijskom obshhestve: regional'nyj aspekt: dis... kand. soc. nauk. Penza, 2006. 160 p.

Психологические и криминологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел

Лютых В.А., психолог Главного управления МВД России по г. Москве (victor_l@inbox.ru)

Коноплева И.Н., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (konopleva.i.n@gmail.com)

В статье рассматриваются психологические и криминологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации. Актуальность данной темы обусловлена значительным количеством преступлений, совершаемых в настоящее время сотрудниками органов внутренних дел, а также недостаточной разработанностью непосредственно психологических аспектов данного рода преступлений. В статье подчеркивается тесная связь психологических и криминологических аспектов преступности сотрудников органов внутренних дел. Отмечается, что психологические аспекты рассматривались в основном в рамках криминологических исследований и проблем профилактики различных негативных проявлений со стороны сотрудников (девиантное поведение, профессиональная деформация). Криминологические аспекты в данной области являются наиболее разработанными (общие криминологические вопросы преступности сотрудников правоохранительных органов и их личности, отдельные виды преступлений). Приводятся результаты анализа исследований, касающихся изучения вопросов преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел.

Ключевые слова: преступления сотрудников органов внутренних дел, личность сотрудника органов внутренних дел, психологические аспекты, криминологические аспекты, профилактика, профотбор.

В настоящее время в рамках реформирования системы МВД России принимаются различные меры по улучшению состояния служебной дисциплины и законности среди сотрудников органов внутренних дел. По данным МВД России [13] создание двухуровневой системы обеспечения собственной безопасности, повышение персональной ответственности руководителей всех уровней, особый контроль за служебными проверками по фактам резонансных преступлений и

чрезвычайных происшествий с участием личного состава, привело к снижению числа сотрудников, подвергнутых уголовному преследованию.

Однако, несмотря на это, количество преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, продолжает оставаться значительным. Только в 2013 году выявлено 3,5 тысячи таких преступлений [23], в том числе 2 тысячи преступлений коррупционной направленности.

Таким образом существует задача, заключающаяся в выработке и применении эффективных мер по профилактике преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, а также раннему выявлению среди сотрудников (и кандидатов на службу в органы внутренних дел) лиц, склонных к совершению преступлений. Важная роль в решении этой задачи принадлежит системе профессионального психологического отбора, как на этапе первоначального отбора, так и при решении вопроса о назначении сотрудников на иные, в том числе руководящие должности в системе ОВД. Однако теоретические и методологические аспекты этой задачи исследованы недостаточно.

Обнаруживается теснейшая связь психологических и криминологических аспектов преступности в целом и преступности сотрудников органов внутренних дел в частности. Как отмечает В.В. Романов [22], предмет юридической психологии имеет двойственный, психолого-правовой характер. Факт зарождения юридической психологии в юридической науке и практике обусловил ее нахождение в одном ряду с правовыми науками, в частности, с криминологией.

Многие вопросы, касающиеся изучения преступности, имеют комплексный, междисциплинарный характер, и не могут быть в полном объеме охвачены только какой-либо одной наукой. Так, в числе задач юридической психологии В.В. Романов выделяет: «совместное с криминологами изучение личности тех, кто совершает преступления»; «совместная с криминологами разработка мер профилактической работы, направленных на сокращение преступности в стране» [22, с. 14].

А.Р. Ратинов [24] отмечает, что рассмотрение психологических вопросов изучения, предупреждения и расследования преступлений в курсах прикладной психологии, а вместе с тем и освещение психологических вопросов расследования и предупреждения преступлений в работах по криминалистике и криминологии, являются естественным результатом развития науки.

В данной статье наиболее подробно рассматриваются именно психологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. При этом делается акцент преимущественно на вопросах, относящихся к предмету юридической психологии, то есть на явления и закономерности психической жизни людей, связанные с применением правовых норм и участием в правовой деятельности [5].

Криминологические аспекты преступлений сотрудников органов внутренних дел рассматриваются, исходя из предмета криминологии как науки. Криминология [11, с. 5] – дословно – учение о преступлении; предмет криминологии – это закономерности: преступности во всех ее проявлениях; детерминации и

причинности преступности; подверженности преступности различным воздействиям.

Психологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел

Анализ исследований в рассматриваемой области показал, что отдельно психологические аспекты преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел всесторонне практически не изучались. Как правило, психологические аспекты затрагивались авторами в рамках криминологических исследований [1, 2, 3, 6, 10, 14, 25, 31]. Кроме того, отдельные стороны психологических аспектов изучались в рамках проблемы профилактики различных негативных проявлений со стороны сотрудников органов внутренних дел, а именно: профессионального психологического отбора на службу [15], вопросов профессиональной деформации [12, 27], девиантного поведения [8], и в частности, делинквентного поведения сотрудников [4, 14].

Рассматривая психологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов [3] разделяют их на два блока в соответствии с преобладающей мотивацией преступных действий.

В первом блоке преобладает мотивация, связанная с интересами службы. В этом блоке выделяется два подвида: 1) служебный долг, желание любыми способами раскрыть преступление; 2) желание достичь высоких статистических показателей раскрываемости в целях карьерного продвижения, получения наград. По мнению авторов, такого рода мотивация определяется нравственной позицией, которая характеризуется пренебрежением правовыми нормами, оправданием своих действий чрезмерной гуманностью законодательства, допустимостью любых средств для достижения цели.

Эта нравственная позиция обуславливает появление таких личностных черт, как правовой нигилизм, цинизм, грубость, равнодушие, самодовольство и самомнение. Значительное число сотрудников правоохранительных органов уверены в своей безнаказанности [3].

Во втором блоке преобладающим мотивом является личная выгода. По мнению авторов [3], психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления, обусловленные такого рода мотивом, не имеют существенных отличий от психологических особенностей преступников, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов.

Анализируя причины и условия совершения преступлений сотрудниками правоохранительных органов, В.А. Фесунов [31] говорит о существовании комплекса таких причин и условий, в котором, в частности, выделяются «социально-психологические». Автор, основываясь на результатах исследования, указывает [31, с. 27], что основными причинами преступлений являются «социально-бытовые» и «психологические», при этом он подчеркивает, что в итоге любые причины проявляют себя через психологию, сознание людей. Психологическим свойствам принадлежит ведущая роль в регуляции преступного поведения.

С.А. Алтухов, рассматривая криминологическую характеристику личности преступника (вообще) [2], выделяет три компонента:

1. Социально-демографические признаки.

2. Уголовно-правовые характеристики.

3. Нравственно-психологические свойства. К данным свойствам автор относит: ценностные установки и ориентации, социальные позиции и ожидания, характер и темперамент, уровень нравственного и правового сознания, потребности, интересы, взгляды, убеждения и привычки, лежащие в основе мотивов преступного поведения.

В психологическом аспекте, по мнению автора [2], главное отличие личности преступника состоит в деформации нравственно-психологических качеств.

А.Н. Варыгин [6] рассматривает причины преступности (как в целом, так и сотрудников органов внутренних дел) не как комплекс негативных социальных факторов, а как совокупность причин индивидуальных преступных действий, которые есть по своей сути стремление людей удовлетворить свои потребности путем совершения преступления. Автор предлагает следующую логическую цепочку: социальные факторы влияют на негативные нравственно-психологические свойства людей (ускоряя или замедляя их формирование); если эти негативные нравственно-психологические свойства начинают преобладать, люди предпочитают удовлетворять потребности посредством противоправного поведения.

Рассматривая отличие личности преступника от законопослушного гражданина [6], А.Н. Варыгин не видит иных объективных признаков, кроме как сам факт противоправного деяния, обуславливающий общественную опасность личности преступника.

В изучении личности преступника, по мнению автора [6], нравственно-психологические свойства и качества являются наиболее значимыми, поскольку дают возможность подойти к пониманию причин преступления. Важную роль играет установление ценностных ориентаций, жизненных целей, мотивов [6].

Профессиональный психологический отбор на службу, как составная часть системы профилактики преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел

В соответствии с пунктом 4 статьи 35 Федерального закона «О полиции» [29], граждане РФ, поступающие на службу в полицию, проходят психофизиологические исследования, тестирование на алкогольную, наркотическую или иную токсическую зависимость.

Согласно пункту 5 статьи 9 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел» [30], порядок прохождения профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел определяются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [18], профессиональный психологический отбор гражданина на службу осуществляется для определения способности указанного гражданина (кандидата) по своим личным и деловым качествам выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел, а также для выявления факторов риска девиантного поведения.

В процессе психологического отбора путем психологических и психофизиологических исследований, медицинских обследований, проводится определение категорий профессиональной психологической пригодности.

Результаты исследований [7] показывают, что в период реформирования системы МВД России (2011 – 2012 г.г.) при профессиональном психологическом отборе кандидатам на службу в органы внутренних дел предъявляются более жесткие требования, повышается качество работы по выявлению негативных личностных характеристик.

Иная психологическая работа, осуществляемая в органах внутренних дел (кроме профессионального психологического отбора)

Рассмотренный выше профессиональный психологический отбор в органах внутренних дел является составной частью психологической работы, которая определяется Приказом МВД России от 11.02.2010 г. № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», как «вид морально-психологического обеспечения, представляющий собой деятельность, направленную на формирование у сотрудников профессионально значимых психологических качеств личности, психологической устойчивости и готовности к эффективному выполнению оперативно-служебных задач» [19, с. 5]. Данный приказ определяет основные направления психологической работы, а также задачи, которые должны решаться при ее проведении.

В целях решения задач психологической работы, психологи органов внутренних дел [20]: изучают индивидуально-психологические особенности кандидатов на службу и действующих сотрудников, изучают и анализируют социально-психологический климат в коллективах, помогают новым сотрудникам адаптироваться к службе в ОВД, проводят с сотрудниками занятия по психологической тематике, оказывают психологическую помощь сотрудникам и членам их семей, находящимся в кризисном состоянии, консультируют сотрудников по психологическим аспектам правоохранительной деятельности.

Марьин М.И., Буданов А.В. и Борисова С.Е. отмечают, что специфика службы в органах внутренних дел (непредсказуемость, повышенная ответственность, необходимость общения с различными категориями граждан, психические и физические перегрузки, рискованность и др.) зачастую приводит к профессиональной деформации личности сотрудника, которая определяется как «изменение профессиональных возможностей и личности сотрудника в асоциальную сторону, возникающее в результате негативных особенностей

содержания, организации и условий служебной деятельности» [12, с. 3]. Профдеформация приводит, в том числе, и к противоправному поведению.

Вероятность возникновения профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел, исследователи [12] связывают со сроком службы. До 5 лет службы вероятность оценивается, как «незначительная», 6 – 10 лет – «средняя», 11 – 15 лет – «высокая, очень высокая», свыше 15 лет – «практически неизбежна».

Если рассматривать профессиональную деформацию сотрудников правоохранительных органов не само по себе, а в свете ее связи с противоправным поведением данных сотрудников, можно выделить работу Ю.В. Стригуненко [27], в которой автор рассматривает профессиональную деформацию личности сотрудника милиции, прежде всего, как угрозу правовому порядку.

Девиянтное (в том числе делинквентное) поведение сотрудников органов внутренних дел

Е.В. Змановская и В.Ю. Рыбников [8] говорят о существенной значимости проблемы распространения девиантного поведения среди сотрудников органов внутренних дел. Распространению таких негативных проявлений, как агрессия, алкоголизация, употребление наркотиков, игровая зависимость, самоубийства, коррупция, противоправные действия, способствуют факты приобщения сотрудников к девиантным субкультурам, высокая напряженность деятельности, низкий уровень жизни, негативное общественное мнение и другие.

Противоправные действия сотрудников органов внутренних дел, по мнению авторов [8], необходимо отнести к самой опасной и нежелательной форме из всех возможных поведенческих девиаций, поскольку деятельность правоохранительных органов направлена на обеспечение выполнения законов всеми без исключения и в любых обстоятельствах.

Авторами указывается, что контролирующая и наказывающая сущность профессиональной деятельности органов внутренних дел в сочетании с властными полномочиями создают благоприятные условия для проявления различных форм агрессии и злоупотребления властью.

Как отмечает С.Г. Беспалая [4], одним из путей предупреждения делинквентного поведения сотрудников органов внутренних дел является прогноз склонности к нарушению дисциплины и законности по психологическим показателям, в основе которого должны лежать соответствующие психологические средства.

С.Г. Беспалой разработана модель психологического прогноза предрасположенности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел. Эта модель учитывает отнесение кандидатов на службу и сотрудников органов внутренних дел к одной из групп предназначения.

В.С. Павлениным [17] проанализированы психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Агрессивность сотрудников правоохранительных

органов, как указывает автор, может быть индуцирована процессом длительного оперативно-служебного взаимодействия с представителями антисоциальных субкультур и криминальных сообществ.

В.С. Павленин, на основе полученных им экспериментальных данных отмечает, что существует статистически достоверная взаимосвязь увеличения среднегрупповых значений индекса агрессивности и роста профессионального стажа в правоохранительных органах. Профессионально обусловленная агрессивность по мере роста стажа становится скрытной, внешне менее заметной, проявляется тенденция к латентной агрессивности.

Криминологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел

Криминологические аспекты можно отнести к наиболее разработанным в данной области. Исследователями рассматривались общие криминологические вопросы преступности сотрудников правоохранительных органов и личности преступника-сотрудника правоохранительных органов [1, 2, 6, 14, 25, 31]. Изучались отдельные виды преступлений, совершаемые сотрудниками (в частности, коррупционной направленности). Внимание исследователей также обращалось на преступления, совершаемые представителями различных подразделений органов внутренних дел.

В.А. Фесунов [31] в своей работе говорит о том, что одним из направлений совершенствования работы по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, является максимальный учет особенностей личностных свойств сотрудников правоохранительных органов.

Сопоставительный анализ личностных свойств сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления, и преступников вообще, показал, что личность сотрудников несет на себе все наиболее общие признаки личности в целом, но при этом отражает ее особенности, что позволяет составить портрет сотрудника правоохранительных органов, склонного к совершению преступления.

Как отмечает автор [31], сотрудник правоохранительных органов, совершивший преступление – это мужчина в возрасте около 30 лет, имеющий среднее или среднее специальное образование; звание рядового или младшего начальствующего состава, прослужил от года до трех лет, характеризуется чаще всего положительно, но особенно не выделяется среди коллег; проходящий службу в патрульно-постовой службе или на инспекторских должностях; совершающий преступления вне службы, нередко в состоянии алкогольного опьянения; женат; чаще совершает тяжкие преступления; является исполнителем в группе лиц; основные причины совершения преступления – низкий жизненный уровень, социально-бытовая неустроенность.

Описанный выше «криминологический портрет» сотрудника органов внутренних дел, совершившего преступление, имеет схожие черты с «криминологическими портретами», составленными, в частности, А.Н. Варыгиным

[6], А.Б. Осиповым [16], Н.В. Сторчиловой [26], К.А. Прохоровым [21], А.В. Иванисовым [9] и другими.

К мерам общей профилактики В.А. Фесунов относит, в частности, кадровую политику и организацию психологической помощи сотрудникам. К мерам индивидуальной профилактики – выявление объектов индивидуальной профилактики и всестороннее изучение профилактируемых.

С.А. Алтухов [2] указывает на неблагоприятные тенденции преступности сотрудников органов внутренних дел, усугубление ее качественных характеристик, повышение степени общественной опасности совершаемых преступлений. Автор говорит о том, что предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, осложнено отсутствием достоверной информации относительно фактов противоправного поведения, что обуславливается, во-первых, очень высоким уровнем латентности такого рода преступлений, во-вторых, незаинтересованностью руководства в их выявлении и регистрации. Исследователь считает, что важнейшим направлением борьбы с преступностью сотрудников органов внутренних дел является усиление превентивной роли уголовного законодательства [2].

Следует отметить, что в ходе последней реформы МВД законодатель использовал превентивные меры подобного рода. Так в уголовный кодекс РФ в 2010 году внесены изменения в статью 63 [28]: «Обстоятельства, отягчающие наказание», а именно, отягчающие обстоятельства дополнены пунктом «О»: совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел.

По мнению А.Н. Варыгина [6], преступность сотрудников органов внутренних дел – это новый, самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику, обусловленную личностью преступника, вид преступности, представляющий собой совокупность преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в стране за определенный промежуток времени.

Ю.А. Аксенов [1], вслед за А.Н. Варыгиным [6] говорит о преступности сотрудников органов внутренних дел, как о специфическом виде преступности, выделяет такие ее особенности, как повышенная общественная опасность, высокий уровень латентности, корыстный характер большинства преступлений, специальные навыки субъекта преступления; выделяет и дает криминологическую характеристику «профессиональных» преступлений. Также автором отмечается в качестве одной из причин профессиональной преступности, недостаточно качественный отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел.

По мнению Л.И. Мирновой [14], основным звеном предупреждения проявлений делинквентного поведения сотрудников органов внутренних дел должны служить общие меры внутренней профилактики, осуществляемой внутри системы органов внутренних дел и включающие в себя, в частности, совершенствование системы профессионального отбора кандидатов на службу, осуществление психологического сопровождения оперативно-служебной деятельности.

Проведенный анализ исследований, касающихся изучения вопросов преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, показал следующее:

- данное направление исследования является актуальным и востребованным как в теоретическом, так и в практическом плане;
- отмечается тесная связь психологических и криминологических аспектов преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел;
- имеется недостаток исследований, касающихся непосредственно психологических аспектов преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, при этом косвенно подтверждается перспективность данного рода исследований в направлениях поиска путей психологической профилактики делинквентного поведения сотрудников, а также повышения эффективности раскрытия преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел;
- в криминологических исследованиях, касающихся личности преступника-сотрудника органов внутренних дел, имеются сходные описания «криминологического портрета» рассматриваемой категории преступников;
- в числе мер профилактики совершения преступлений сотрудниками органов внутренних дел исследователи-криминологи отмечают непосредственно психологические меры, касающиеся, как правило, вопросов психологического отбора на службу и последующего психологического сопровождения сотрудников;
- сопоставление результатов исследований, с одной стороны показывающих [6, 9, 21, 25, 26, 31], что большинство преступлений совершено сотрудниками с небольшим стажем работы в органах, а с другой стороны указывающих на то [12], что вероятность профдеформации сотрудников с небольшим стажем работы является незначительной, позволяет выдвинуть предположение о том, что на совершение сотрудниками преступлений с меньшей вероятностью влияет фактор профессиональной деформации и с большей вероятностью – иные факторы, которые должны быть исследованы.

Литература

1. Аксенов Ю.А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 161 с.
2. Алтухов С.А. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых сотрудниками милиции. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 223 с.
3. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 366 с.

4. *Беспалая С.Г.* Психологический прогноз склонности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 232 с.
5. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 672 с.
6. *Варыгин А.Н.* Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее. Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003. 389 с.
7. *Злоказова М.В., Ичитовкина Е.Г., Соловьев А.Г.* Совершенствование профессионально-психологического отбора в период реформирования системы МВД России // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М.: МГППУ, 2012. С. 170–171.
8. *Змановская Е.В., Рыбников В.Ю.* Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
9. *Иванисов А.В.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками Госавтоинспекции МВД России, их причины и особенности предупреждения. Автореф. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2010. 189 с.
10. *Калманов Г.Б.* Патопсихологические механизмы насильственного преступного поведения. Автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 2002. 322 с.
11. Криминология: Учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: НОРМА, 2001. 784 с.
12. *Марьин М.И., Буданов А.В., Борисова С.Е.* Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел: Методическое пособие. М.: ГУК МВД России, 2004. 104 с.
13. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2013 году [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/upload/site1/1Tekst.docx> (дата обращения: 23.11.2014 г.)
14. *Мирнова Л.И.* Превенция делинквентного поведения сотрудников органов внутренних дел: теоретико-прикладные аспекты. Автореф. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 278 с.
15. *Мяжгих Н.И., Шутко Г.В.* Основные методы профессионального психологического отбора в органах внутренних дел Российской Федерации: Методическое пособие. М., 2003. 200 с.
16. *Осинов А.Б.* Коррупционная преступность в органах внутренних дел. Автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 167 с.

-
17. *Павленин В.С.* Психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Автореф. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004. 173 с.
 18. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.12.2012 г. № 259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации».
 19. Приказ МВД России от 11.02.2010 г. № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».
 20. Приказ МВД России от 02.09.2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации».
 21. *Прохоров К.А.* Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками милиции против жизни и здоровья. Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 186 с.
 22. *Романов В.В.* Юридическая психология: Учебник. М.: Юристъ, 1998. 488 с.
 23. Российская газета. 18.12.2013 г. Стоп-кадры. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/12/18/makarov.html> (дата обращения: 23.11.2014 г.)
 24. *Рапинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М.: «Юрлитинформ», 2001. 522 с.
 25. *Рясов Д.А.* Преступность сотрудников органов внутренних дел: криминологический аспект: по материалам Ставропольского края. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 203 с.
 26. *Сторчилова Н.В.* Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение. Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 194 с.
 27. *Стригуненко Ю.В.* Профессиональная деформация личности сотрудника милиции как угроза правовому порядку в современном российском обществе. Автореф. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2010. 181 с.
 28. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.
 29. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции» (принят ГД ФС РФ 28.01.2011 г.).
 30. Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (принят ГД ФС РФ 17.11.2011 г.).

31. Фесунов В.А. Криминологическое изучение личности сотрудника правоохранительных органов, совершившего преступление: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 192 с.

Psychological and criminological aspects of the crimes committed by members of the internal affairs bodies

Lyutykh V.A., Psychologist, Head Office of the Ministry of the Internal Affairs of Russia in Moscow (victor_l@inbox.ru)

Konopleva I.N., PhD in psychology, associate professor, chair of legal psychology, department of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (konopleva.i.n@gmail.com)

The article deals with the psychological and criminological aspects of the crimes committed by members of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to a significant number of crimes committed nowadays by members of the internal affairs bodies, as well as to the insufficient investigation of the psychological aspects of this type of crime. The article highlights the close relationship of psychological and criminological aspects of crimes of the police officers. We noted that the psychological aspects have been considered mainly within criminological research and the problem of prevention of various negative manifestations in staff (deviant behavior, professional deformation). Criminological aspects in this area are the most well-investigated (general criminological issues of crime by law enforcement officers, their personality, and certain types of crimes). We provide the results of the analysis of research related to the study of crimes committed by members of the internal affairs bodies.

Keywords: crime of police officers, personality of law enforcement officers, psychological aspects, criminological aspects, prevention, professional selection.

References

1. *Aksenov Ju.A.* Kriminologicheskij analiz i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami organov vnutrennih del. Dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2004. 161 p.
2. *Altuhov S.A.* Kriminologicheskaja harakteristika i profilaktika prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami milicii. Dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2000. 223 s.
3. *Antonjan Ju.M., Kudrjavcev V.N., Jeminov V.E.* Lichnost' prestupnika. SPb.: «Juridicheskij centr Press», 2004. 366 p.
4. *Bespalaja S.G.* Psihologicheskij prognoz sklonnosti k delinkventnomu povedeniju u sotrudnikov organov vnutrennih del. Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2007. 232 p.
5. Bol'shoj psihologicheskij slovar' / sost. i obshh. red. Meshherjakov B.G., Zinchenko V.P. – SPb.: Prajm-Evroznak, 2004. 672 p.
6. *Varygin A.N.* Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennih del i problemy vozdeystvija na nee. Dis. ... dokt. jurid. nauk. Saratov, 2003. 389 p.
7. *Zlokazova M.V., Ichitovkina E.G., Solov'ev A.G.* Sovershenstvovanie professional'no-psihologicheskogo otbora v period reformirovanija sistemy MVD Rossii // Kochenovskie chtenija «Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii». M.: MGPPU, 2012. pp. 170–171.
8. *Zmanovskaja E.V., Rybnikov V.Ju.* Deviantnoe povedenie lichnosti i grupy: Uchebnoe posobie. SPb.: Piter, 2010. 352 p.
9. *Ivanisov A.V.* Kriminologicheskaja harakteristika prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami Gosavtoinspekcii MVD Rossii, ih prichiny i osobennosti preduprezhdenija. Avtoref. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2010. 189 p.
10. *Kalmanov G.B.* Patopsihologicheskie mehanizmy nasil'stvennogo prestupnogo povedenija. Avtoref. dis... dokt. jurid. nauk. M., 2002. 322 p.
11. Kriminologija: Uchebnik dlja vuzov / pod obshh. red. A.I. Dolgovej. M.: NORMA, 2001. 784 p.
12. *Mar'in M.I., Budanov A.V., Borisova S.E.* Profilaktika professional'noj deformacii lichnosti sotrudnika organov vnutrennih del: Metodicheskoe posobie. M.: GUK MVD Rossii, 2004. 104 p.
13. Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravlenijah dejatel'nosti Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii v 2013 godu [Elektronnyj resurs]. URL: <https://mvd.ru/upload/site1/1Tekst.docx> (data obrashhenija: 23.11.2014 g.)

-
14. *Mirnova L.I.* Prevencija delinkventnogo povedenija sotrudnikov organov vnutrennih del: teoretiko-prikladnye aspekty. Avtoref. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2007. 278 p.
 15. *Mjagkih N.I., Shutko G.V.* Osnovnye metody professional'nogo psihologicheskogo otbora v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: Metodicheskoe posobie. M., 2003. 200 p.
 16. *Osipov A.B.* Korrupcionnaja prestupnost' v organah vnutrennih del. Avtoref. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2005. 167 p.
 17. *Pavlenin V.S.* Psihologo-pedagogicheskie faktory projavlenija agressivnosti v professional'noj dejatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. Avtoref. ... kand. ped. nauk. Ekaterinburg, 2004. 173 p.
 18. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 06.12.2012 g. № 259 «Ob utverzhdenii Pravil professional'nogo psihologicheskogo otbora na sluzhbu v organy vnutrennih del Rossijskoj Federacii».
 19. Prikaz MVD Rossii ot 11.02.2010 g. № 80 «O moral'no-psihologicheskom obespechenii operativno-sluzhebnoj dejatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii».
 20. Prikaz MVD Rossii ot 02.09.2013 g. № 660 «Ob utverzhdenii Polozhenija ob osnovah organizacii psihologicheskoy raboty v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii».
 21. *Prohorov K.A.* Kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami milicii protiv zhizni i zdorov'ja. Avtoref. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. 186 p.
 22. *Romanov V.V.* Juridicheskaja psihologija: Uchebnik. M.: Jurist#, 1998. 488 p.
 23. Rossijskaja gazeta. 18.12.2013 g. Stop-kadry. [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.rg.ru/2013/12/18/makarov.html> (data obrashhenija: 23.11.2014 g.)
 24. *Ratinov A.R.* Sudebnaja psihologija dlja sledovatelej. M.: «Jurlitinform», 2001. 522 p.
 25. *Rjasov D.A.* Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennih del: kriminologicheskij aspekt: po materialam Stavropol'skogo kraja. Dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2008. 203 p.
 26. *Storchilova N.V.* Korrupcija v organah vnutrennih del i ee preduprezhdenie. Avtoref. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 194 p.
 27. *Strigunenko Ju.V.* Professional'naja deformacija lichnosti sotrudnika milicii kak ugroza pravovomu porjadku v sovremennom rossijskom obshhestve. Avtoref. ... kand. sociol. nauk. Krasnodar, 2010. 181 p.

28. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ.
29. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 07.02.2011 g. №3-FZ «O policii» (prinjat GD FS RF 28.01.2011 g.).
30. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 30.11.2011 g. № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii (prinjat GD FS RF 17.11.2011 g.).
31. *Fesunov V.A.* Kriminologicheskoe izuchenie lichnosti sotrudnika pravoohranitel'nyh organov, sovershivshego prestuplenie: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. 192 p.

Программы превенции жестокого обращения в интимных отношениях для подростков и юношества за рубежом

Макурина А.П., научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» МЗ РФ (makurina.anneta@ya.ru)

Белякова М.Ю., младший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» МЗ РФ (burjew@mail.ru)

Булыгина В.Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридическая психология ГБОУ МГППУ, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии» МЗ РФ (ver210@yandex.ru)

В статье дан обзор программ работы с подростками и молодыми людьми, направленных на первичную профилактику насилия в интимных отношениях. Раскрыто содержание моделей полового воспитания, как одной из самых первоочередных задач первичной профилактики. Представлена краткая характеристика методологических основ этих программ, таких, как ориентированность на изменение имеющихся норм насилия, гендерных стереотипов, патогенных навыков избегания конфликтов. Описаны процедурные особенности и содержательное наполнение указанных программ. Представлены результаты исследований эффективности ряда программ, которые продемонстрировали уменьшение уровня насилия, позитивные изменения в тех навыках, которые были наиболее дефицитными до обучения, в отношении к допустимости насилия и поведенческих намерениях. Выделены те целевые аспекты программ, которые имеют краткосрочный и пролонгированный эффекты. Так изменение взглядов на нормы поведения в интимных отношениях, на навыки по разрешению конфликтов и знания сохраняются в долгосрочной перспективе, при этом лица женского пола демонстрируют более позитивные отношения и поведенческие намерения, чем мужчины.

Ключевые слова: семейное насилие, первичная профилактика насилия в интимных отношениях, программы профилактики насилия для подростков.

Введение

Во всем мире, по крайней мере одна из трех женщин подвергалась избиению, принуждению к сексу или унижению в течение жизни. Чаще всего обидчик являлся членом ее семьи. Исследования показывают, что до 10 миллионов детей ежедневно становятся свидетелями той или иной формы домашнего насилия. Примерно 1 из 5 девочек-подростков, состоявших в романтических отношениях, подвергались угрозам насилия или членовредительства со стороны парня. В Америке более половины всех изнасилований женщин происходят в возрасте до 18, и из них 22% приходится до 12 лет [2].

Следует отметить, что первичное предупреждение насилия со стороны интимного партнера часто находится в тени по сравнению с большим числом программ, которые работают с многочисленными непосредственными последствиями насилия [14].

Предупреждение семейного насилия – система социальных и специальных мер, направленных на устранение причин и условий, содействующих совершению насилия в семье, пресечение насилия в семье, которое готовится или уже началось, привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении насилия в семье, а также медико-социальная реабилитация жертв насилия в семье [1].

Одной из самых первичных профилактик семейного насилия можно назвать половое воспитание, которое закладывается еще в детском и подростковом возрасте, и именно от правильного воспитания зависит будущее мировоззрение человека о семейной жизни, включая интимные отношения.

Современные модели полового воспитания

Половое воспитание (просвещение) – процесс, направленный на выработку качеств, черт, свойств, а также установок личности, определяющих необходимое обществу отношение человека к представителям другого пола.

В европейских странах принято различать 3 модели полового воспитания, воплощающие соответствующие типы моральных установок в отношении сексуальности. *Рестриктивное* (репрессивное) половое воспитание проводится в большинстве западных стран. Ознакомление с телесно-физиологическими аспектами пола и сексуальности подчинено принципу: лучше «слишком поздно», чем опасное «слишком рано». Прежде чем у молодых людей не сформируется глубокое понимание сущности и важности семьи и брака, обсуждение со взрослыми (даже педагогами) процесса полового созревания, его трудностей, венерических заболеваний, нетрадиционных форм сексуального поведения и т.д. не принято. *Пермиссивная* (либеральная) модель полового воспитания принята, например, в Дании. Согласно этой модели молодежь имеет право самостоятельно и независимо формировать приемлемые и желательные нравственно-сексуальные нормы, а те, кто проводит половое воспитание, не должны навязывать молодежи свою мораль. Единственная обязательная и культивируемая норма – чувство ответственности за характер и последствия разделяемых с другим человеком сексуальных отношений. Стратегия и тактика «золотой середины» определяют половое воспитание в ряде

стран Европы, в том числе в Польше. Оно призвано помочь избежать разочарований и причинения ущерба другим в сексуальных отношениях вообще и в семье в частности, облегчить личностное и психосексуальное развитие, смягчить переход ко взрослой жизни, чтобы реализация эмоциональных и сексуальных потребностей не нарушала основных социальных норм и благополучия других людей.

Программы предотвращения насилия в интимных отношениях подростков

Основная цель такого рода профилактических мероприятий – предотвратить насилие во время свиданий, прежде чем оно произойдет. В предподростковый и подростковый возраст молодые люди учатся навыкам, которые им понадобятся, чтобы сформировать положительные, здоровые отношения с другими людьми. Этот возрастной период идеален для пропаганды здоровых отношений и предупреждения различных форм насилия в партнерских отношениях [8, 18].

Большая часть зарубежных программ поддерживается центрами превенции и контроля заболеваний (**Centers for Disease Control and Prevention – CDC**), которые представляют собой национальную инициативу по оказанию помощи молодежи в формировании здоровых взаимоотношений для предотвращения насилия в интимных взаимоотношениях. Инициатива нацелена на подростков в возрасте от 11 до 14, а также на родителей, учителей, молодежных лидеров, педагогов, которые принимают участие в жизни подростков [7].

Проект **EMPOWER** стартовал в 2005 году в качестве инструмента планирования профилактики сексуального насилия и был поддержан в штатах Колорадо, Массачусетс, Северная Каролина, Северная Дакота, штат Кентукки и Нью-Джерси. Первичная программа профилактики насилия, в том числе и сексуального насилия со стороны интимного партнера, включает тренинг для мальчиков, направленный на снижение риска совершения насилия за счет привлечения лиц, которые являются положительными моделями гендерных стандартов поведения для учеников старших классов школы (в качестве тренеров были приглашены мужчины-атлеты) [17].

Программа **DELTA** по содержанию схожа с предыдущей, финансируется в штатах Аляска, Калифорния, Делавэр, Флорида, Канзас, Мичиган, Монтана, Нью-Йорк, Северная Каролина, Северная Дакота, Огайо, Род-Айленд, Вирджиния и Висконсин [3].

Проект «Безопасные Дни», был разработан Foshee с соавторами (1996, 1998) и направлен на то, чтобы обеспечить первичную и вторичную профилактику виктимизации и насилия у подростков в 8-9 классах [9]. Теоретические основы этой программы обусловили ее ориентированность на изменение имеющихся норм насилия, гендерных стереотипов, навыков избегания конфликтов. Программа реализуется в групповой форме, включает школьные мероприятия (театр), 10 сеансов учебной программы и конкурс плакатов. При исследовании эффективности данной программы анализу подвергались оценки участников их виктимизации, совершения ими психологического, несексуального и сексуального насилия, степень принятия предписанных и запрещенных норм, восприятие положительных и отрицательных последствий насилия, гендерных стереотипов, верований в

необходимость помощи и информированность о доступных ресурсах, коммуникативные навыки, респонсивность на гнев. Первый замер (спустя месяц) выявил снижение психологического насилия у подростков на 25%, на 60% – сексуального, и на 60% – физического насилия. Несмотря на то, что подростки, прошедшие программы продемонстрировали большую осведомленность о возможных услугах сообщества, доступных для помощи, не было различий в поведении с контрольной группой относительно обращаемости за помощью. Хотя количество обращений за помощью увеличилось в обеих группах по сравнению с исходными данными. Кроме того те, кто был жертвами насилия, после программы не отличались значимо от контрольной группы по показателю прекращения подобных отношений с интимными партнерами. В 2000 году Foshee представил дополнительные данные (на 85% от исходной выборки), собранные через один год после проведения программы профилактики [9]. Подростки в группе обследования в меньшей степени принимали насилие в отношениях и воспринимали более негативно последствия от применения насилия. Тем не менее, никаких существенных различий не было обнаружено в поведенческих паттернах.

Avery-Leaf, Cascardi, O'Leary с соавторами (1997) разработали профилактическую учебную программу, состоящую из 5 сеансов, предназначенную для изменения моделей поведения, связанных с насилием в отношениях [14]. В задачи программы входит: обеспечение равенства в партнерских отношениях; артикулирование вредных эффектов неравенства; деконцептуализации насилия в качестве приемлемой тактики урегулирования конфликта; поощрение конструктивного общения; предоставление информации о доступных для жертв насилия ресурсах. Для оценки эффективности данной программы было проведено ретестирование 190 студентов мужского и женского пола с коррекцией эффекта социальной желательности ответов [7]. Было выявлено, что юноши и девушки в группе обследования в значительно меньшей степени принимали агрессию в контексте отношений.

Был проведен сравнительный анализ двух вариантов программы (краткосрочный и пролонгированный) по профилактике различных аспектов насилия (сексуального, психологического, физического) в отношении интимного партнера. Краткосрочная программа состояла из двух сессий, разработанных для контроля в отношениях и формирования понимания прав и обязанностей граждан, в частности в отношении личной ответственности за участие в агрессивных актах. В долгосрочную программу были включены два дополнительных мероприятия, а именно, просмотр фильма о насилии в партнерских отношениях и написание вымышленных писем преступникам и жертвам насилия. Около 500 учащихся 10-х классов заполняли самоотчеты двух видов. Один вид самоотчета о знаниях и особенностях отношений был дан до и после вмешательства с целью оценки изменений. Сравнительный анализ обеих программ показал их эффективность и то, что обе версии первичной профилактической программы могут быть эффективными в изменении партнерских отношений, поддерживающих насилие, и в некоторой степени, в увеличении информированности о факторах, связанных с агрессивными отношениями [15].

Вулф Д. разработал программу профилактики, в которой были интегрированы современное теоретическое понимание генеза насилия и

предположение о том, что больший эффект программы будет достигнут при включении в программу участников с более раннего возраста [19]. Учебный план (18 сеансов) включал три компонента: образовательный, информационный блок о генезе и динамике насилия в близких отношениях, и тренинги по развитию навыков социального взаимодействия. Среди участников были подростки, которые имели риск вступления в подобные отношения, в связи с тем, что имели семейную историю, включающую жестокое обращение. Далее участники в течение 16 месяцев оценивались примерно 4,7 раза. В экспериментальной группе было отмечено снижение количества людей, допускающих насилие в интимных отношениях. Тем не менее участники обследования не продемонстрировали значительных успехов в сфере здоровых навыков в партнерских отношениях.

Исследователи в Онтарио также изучали эффективность первичной профилактики на изменение поведения и взглядов на насилие в партнерских отношениях [10]. Jaffe P. с соавторами использовали стратифицированную случайную выборку студентов четырех средних школ (N = 737). Основными задачами этой программы были повышение уровня знаний о насилии в отношении женщин в интимных связях, обсуждение сексистских взглядов, которые могут лежать в основе агрессивного поведения, расширение знаний о предвестниках возможных злоупотреблений, и предоставление информации об общественных ресурсах, доступных для преступников и жертв агрессивного поведения. В двух школах программа профилактики проводилась полдня и состояла из презентации и дискуссии в классе, в других двух школах этому был посвящен целый день. По завершении программы были выявлены значительные позитивные изменения в знаниях, отношении к допустимости насилия и поведенческих намерениях. Большинство изменений были сохранены в отсроченном последующем тестировании. При сравнении гендерной динамики исследователи обнаружили, что лица женского пола демонстрируют более позитивные отношения и поведенческие намерения, чем мужчины [6]. Следует обратить внимание, что в мужской выборке была зафиксирована отрицательная динамика по ряду показателей. Авторы предположили, что это можно объяснить защитной реакцией на программу, или что эти лица уже имели опыт насильственных интимных отношений и, таким образом, требуется вторичная, а не первичная профилактика [16].

В Массачусетсе государством с 1994 года финансируется программа «Профилактика насилия и вмешательство при знакомстве подростков» (**Teen Dating Violence Prevention and Intervention Program – TDVPIP**) для учащихся 6-12 классов, она была реализована в более чем 50 школьных округах. Учебная программа нацелена на обучение как школьников, так и администраторов, включала информацию о генезе и предикторах насилия, нацелена на поощрение использования услуг общественных организаций и поддержки со стороны других жертв агрессии, на создание культуры нулевой толерантности школы к проявлениям насилия. Программа включает такие мероприятия, как дискуссия о пусковых моментах насилия, театральные представления, выступления приглашенные лекторов, организацию групп поддержки для жертв и общешкольной политики борьбы с агрессивными отношениями [4, 11].

Тренинг позитивного выбора для подростков (**Positive Adolescent Choices Training – PACT**) был разработан для укрепления здоровья и снижения риска

агрессии у афроамериканских подростков. Основываясь на предположении, что агрессивное поведение возникает в результате неэффективных стратегий для решения межличностных проблем, авторы программы предложили структурированный тренинг поведенческих компонентов и социальных навыков, в том числе решения проблем и ведения переговоров. Программа была апробирована в средних школах, в которых большинство учащихся были афроамериканцами, и многих отличала социально-педагогическая запущенность. Выбор школ также был обусловлен максимальными показателями в них насилия по округу. Программа тренинга РАСТ подразумевает проведение его в малых группах (10-12 человек), направление в группу происходит в случае относительного дефицита соответствующих навыков, поведенческих проблем или виктимизации. Тренинг проводится на протяжении 37 сеансов в течение семестра. Исследование эффективности программы выявило существенные позитивные изменения в тех навыках, которые были наиболее дефицитными до обучения, что дополнительно подтверждалось школьными записями о снижении случаев агрессивного поведения и отвержением тех учеников, которые придерживались насильственных сценариев при коммуникациях [10].

Программы превенции насилия в интимных отношениях для молодежи

Подобного рода программы обычно бывают независимыми инициативами, которые финансируют организации, созданные для борьбы с насилием против женщин. Только немногие из этих программ были оценены с точки зрения эффективности, включая одну в Канаде и две в США. Эти оценки выявили положительные изменения в информированности общества и отношения к партнерскому насилию. Одна из программ в США показала уменьшение уровня насилия уже через месяц. Хотя этот эффект исчез год спустя, его влияние на нормы поведения в интимных отношениях, на навыки по разрешению конфликтов и на знания сохранилось [2].

В Калабаре (Нигерия) программа «**Girl's Power Initiative**» ориентирована на молодых девушек, включает еженедельные встречи в течение трех лет для откровенного обсуждения вопросов, связанных с сексуальностью, здоровьем и правами женщин, отношениями и домашним насилием. В программе есть специальные сегменты, направленные на формирования самоуважения и обучение навыкам самозащиты, разбираются общественные взгляды, которые подвергают женщин риску изнасилования.

Программа «**Education Wife Assault**» в Торонто (Канада) предназначена для молодых женщин, эмигранток и беженок. Она помогает им разработать меры по предупреждению насилия, которые с точки зрения культуры подходят для их общин, создавая специальные «группы навыков». Одновременно программа предлагает эмоциональную поддержку организаторам, помощь в преодолении дискриминации, часто направленной на женщин, организующих кампании против домашнего насилия, потому что их рассматривают как угрозу спаянности общин [5].

В Мексике неправительственная организация «**Investigacion de Familia y Poblacion**» создала группы для молодежи, чтобы помочь им предупредить насилие при свиданиях и в отношениях с друзьями. Этот проект, озаглавленный «**Лица и**

маски насилия», применяет отдельные методики, которые помогают молодым людям исследовать свои чувства и мысли о любви, желании и сексе и понять, как традиционные гендерные роли могут мешать нормативному поведению мужчин и женщин.

В Тринидад и Тобаго неправительственная организация **«Помощь добровольцев для всех»** (Service Volunteered for All – SERVOL) устраивает рабочие группы в течение 14 недель для подростков и юношей, чтобы помочь им создать здоровые отношения с противоположным полом и обучить родительским навыкам [2].

Помимо кампаний в средствах массовой информации во многих странах проводят и другие мероприятия. Например «Sisterhood Global Institute» в Монреале (Канада) разработал учебник для мусульманских общин, нацеленный на повышение осведомленности и активизацию обсуждения вопросов, связанных с равенством полов и насилием над женщинами и девушками. Учебник был опробован сначала в Египте, Иордании и Ливане, а затем – с адаптацией для неисламских общин использован в Зимбабве. Междисциплинарная кампания Организации Объединенных Наций по борьбе с гендерным насилием проводится в 16 странах Латинской Америки и Карибского региона.

Следует обратить внимание, что важным элементом предупреждения сексуального и физического насилия над женщинами является **коллективная инициатива мужчин**. Мужские группы, выступающие против домашнего насилия и изнасилования, созданы в Австралии, Африке, Латинской Америке и Карибском регионе, в Азии и во многих частях Северной Америки и Европы. Среди типичных действий таких групп можно перечислить обсуждения, собрания, образовательные кампании, работу с мужчинами, применяющими насилие, семинары в школах, тюрьмах и на рабочих местах. Только в США существует свыше 100 таких мужских групп, многие из которых фокусируются именно на борьбе с сексуальным насилием. Например, группа «Мужчины могут остановить насилие» (**Men Can Stop Rape**) в Вашингтоне пытается создать альтернативный образ мужественности, предполагающий отсутствие насилия и гендерное равенство [12, 13].

С целью предотвращения сексуального насилия со стороны интимного партнера в расовых этнических меньшинствах CDC работает с контингентом мигрантов. Целью этой инициативы является содействие изменениям в знаниях мужчин об отношениях, убеждениях и стратегиях поведения, которые поддерживают или разрешают себе насилие в отношении женщин [5].

Таким образом обзор используемых за рубежом программ предотвращения насилия в интимных отношениях и исследований по изучению их эффективности показывает адекватность их концепции и результативность как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. Большинство программ направлены на изменение знаний, отношения и поведения, связанных с насилием в партнерских отношениях. Они сосредоточены на формировании навыков, необходимых для того, чтобы строить здоровые взаимоотношения.

Активисты в этой области профилактики признают первоочередность задачи создания социальной среды, которая обеспечивает ненасильственные отношения.

Основой для такой среды должно стать новое поколение детей, которое будет лучше, чем их родители, управлять своими отношениями и успешнее решать конфликты, с большими возможностями для счастливого будущего и с более адекватными представлениями о том, как мужчины и женщины должны относиться друг к другу и делить власть [1].

Литература

1. *Ключников С.Ю.* Семейные конфликты: практика решения. – СПб.: Питер, 2002. – 155 с.
2. *Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга и др./ Пер. с англ. – М: Издательство «Весь Мир», 2003. – 376 с.*
3. *Anderson L., Whiston S. C.* Sexual assault education programs: A meta-analytic examination of their effectiveness// *Psychology of Women Quarterly*. – 2005. – V. 29(4). – P. 374-388.
4. *Carroll J.S., Doherty W.J.* Evaluating the effectiveness of premarital prevention programs: A meta-analytic review of outcome research // *Family Relations*. – 2003. – V. 52. – P. 105-118.
5. *Cascardi M., Avery-Leaf S.* Violence against women: Synthesis of research for secondary school officials // *National Institute of Justice. Centers for Disease Control*. – 2005. – P. 1-25.
6. *Chiodo D., Crooks C.V., Wolfe D.A., Mclsaac C., Hughes R., Jaffe P.G.* Longitudinal prediction and concurrent functioning of adolescent girls demonstrating various profiles of dating violence and victimization// *Prevention Science. Advance online publication*. – 2011. – 39 p.
7. *Cornelius T.L., Sullivan K.T., Wyngarden N., Milliken J.C.* Participation in prevention programs for dating violence: Beliefs about relationship violence and intention to participate// *Journal of Interpersonal Violence*. – 2009. – V. 24. – P. 1057-1078.
8. *De Grace* Promising Practices in the Prevention of Intimate Partner Violence Among Adolescents// *Violence and Victims*. – 2012. – V.27. – P. 849-859.
9. *Foshee V.A., Bauman K.E., Ennett S.T., Suchindran C., Benefield T., Linder G.F.* Assessing the effects of the dating violence prevention program «Safe Dates» using random coefficient regression modeling// *Prevention Science*. – 2005. – V.6 (3). – P. 245-258.
10. *Jaffe P., Sudermann M., Reitzel D., Killip S.M.* An evaluation of a secondary school primary prevention program n violence in relationships // *Violence and Victims*. – 1992. – V. 7. – P. 129-46.

-
11. *Lavoie F., Robitaille L., Hebert M.* Teen dating relationships and aggression: An exploratory study // *Violence Against Women*. – 2000. – V. 6 (1). – P. 6–36.
 12. *Martinez C.R., Eddy J.M.* Effects of culturally adapted parent management training on Latino youth behavioral health outcomes // *J Consult Clin Psychol*. – 2005. – V. 73 (5). – P. 841-851.
 13. *McDonell J., Ott J., Mitchell M.* Predicting dating violence victimization and perpetration among middle and high school students in a rural southern community // *Child Youth Services Review*. – 2010. – V. 32 (10). – P. 1458-1463.
 14. *O'Leary K.D., Slep A.M.S.* Prevention of partner violence by focusing on behaviors of both young males and females // *Prevention Science*. Advance online publication. – 2011. – V.16. – P. 329-339.
 15. *Suchindran C.* Assessing the long-term effects of the Safe Dates program and a booster in preventing and reducing adolescent dating violence victimization and perpetration // *American Journal of Public Health*. – 2004. – V. 94. – P. 619-624.
 16. *Taylor B.G, Stein N., Burden F.F.* Exploring gender differences in dating violence/harassment prevention programming in middle schools: results from a randomized experiment // *Journal of Experimental Criminology*. – 2010. – V. 6. – P. 419-445.
 17. *Vreeman R.C., Carroll A.E.* A systematic review of school-based interventions to prevent bullying // *Arch Pediatr Adolesc Med*. – 2007. – V. 161 (1). – P. 78-88.
 18. *Weisz A.N., Black B.M.* Help-seeking and help-giving for teen dating violence // *The Prevention Researcher*. – 2009. – V.16 (1). – P.12-16.
 19. *Wolfe D.A., Crooks C., Jaffee P., Chiodo D., Hughes R, Ellis W.* A school based program to prevent adolescent dating violence: A cluster randomized trial // *Archives of Pediatric and Adolescent Medicine*. – 2009. – V. 163 (8). – P. 692-699.

Programs of prevention of abuse in intimate relationships for adolescents and young adults abroad

Makurina A.P., Researcher FGBU "Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction" Health Ministry (makurina.anneta@ya.ru)

Belyakova M.Y., Junior Researcher FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry (burjew@mail.ru)

Bulygina V.G., Head of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention FGBU "Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Addiction" Health Ministry, Ph.D., Associate Professor (ver210@yandex.ru)

The article gives an overview of the programs of work with teenagers and young people, aimed at primary prevention of violence in intimate relationships. The content models of sex education as one of the highest priorities for primary prevention. A brief description of the methodological foundations of these programs, such as the focus on changing the existing norms of violence, gender stereotypes, pathogenic skills avoiding conflicts. Describes the procedural and substantive content features of these programs. The results of studies on the effectiveness of a number of programs that have demonstrated a decrease in the level of violence, positive changes in the skills that are most scarce to training with regard to the acceptability of violence and behavioral intentions. Highlights those aspects of targeted programs that are short-term and prolonged effects. So changing views on the norms of behavior in intimate relationships, conflict resolution skills and knowledge are stored in the long term, while females exhibit more positive attitudes and behavioral intentions than men.

Keywords: domestic violence, primary prevention of violence in intimate relationships, violence prevention programs for adolescents.

References

1. *Klyuchnikov S.Yu.* Semeinye konflikty: praktika resheniya. – SPb.: Piter, 2002. – 155 p.
2. Nasilie i ego vliyanie na zdorov'e. Doklad o situacii v mire /Pod red. Jet'enna G. Kruga i dr./ Per. s angl. — M: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2003. — 376 p.
3. *Anderson L., Whiston S. C.* Sexual assault education programs: A meta-analytic examination of their effectiveness// *Psychology of Women Quarterl.* – 2005. – V. 29(4). – P. 374-388.
4. *Carroll J.S., Doherty W.J.* Evaluating the effectiveness of premarital prevention programs: A meta-analytic review of outcome research// *Family Relations.* – 2003. – V. 52. – P. 105-118.
5. *Cascardi M., Avery-Leaf S.* Violence against women: Synthesis of research for secondary school officials // National Institute of Justice. Centers for Disease Control. – 2005. – P. 1-25.
6. *Chiodo D., Crooks C.V., Wolfe D.A., Mclsaac C., Hughes R., Jaffe P.G.* Longitudinal prediction and concurrent functioning of adolescent girls demonstrating various profiles of dating violence and victimization// *Prevention Science. Advance online publication.* – 2011. – 39 p.
7. *Cornelius T.L., Sullivan K.T., Wyngarden N., Milliken J.C.* Participation in prevention programs for dating violence: Beliefs about relationship violence and intention to participate// *Journal of Interpersonal Violence.* – 2009. – V. 24. – P. 1057-1078.
8. *De Grace* Promising Practices in the Prevention of Intimate Partner Violence Among Adolescents// *Violence and Victims.* – 2012. – V.27. – P. 849-859.
9. *Foshee V.A., Bauman K.E., Ennett S.T., Suchindran C., Benefield T., Linder G.F.* Assessing the effects of the dating violence prevention program «Safe Dates» using random coefficient regression modeling// *Prevention Science.* –2005. –V.6 (3). – P. 245-258.
10. *Jaffe P., Sudermann M., Reitzel D., Killip S.M.* An evaluation of a secondary school primary prevention program n violence in relationships// *Violence and Victims.* – 1992. – V. 7. – P. 129-46.
11. *Lavoie F., Robitaille L., Hebert M.* Teen dating relationships and aggression: An exploratory study// *Violence Against Women.* – 2000. – V. 6 (1). – P. 6–36.
12. *Martinez C.R., Eddy J.M.* Effects of culturally adapted parent management training on Latino youth behavioral health outcomes// *J Consult Clin Psychol.* – 2005.– V. 73(5). – P.841-851.

-
13. *McDonell J., Ott J., Mitchell M.* Predicting dating violence victimization and perpetration among middle and high school students in a rural southern community// *Child Youth Services Review*. – 2010. – V. 32(10). – P.1458-1463.
 14. *O'Leary K.D., Slep A.M.S.* Prevention of partner violence by focusing on behaviors of both young males and females // *Prevention Science*. Advance online publication. – 2011. – V.16. – P. 329-339.
 15. *Suchindran C.* Assessing the long-term effects of the Safe Dates program and a booster in preventing and reducing adolescent dating violence victimization and perpetration// *American Journal of Public Health*. – 2004. – V.94. – P. 619-624.
 16. *Taylor B.G., Stein N., Burden F.F.* Exploring gender differences in dating violence/harassment prevention programming in middle schools: results from a random-ized experiment// *Journal of Experimental Criminology*. – 2010. – V. 6. – P.419-445.
 17. *Vreeman R.C., Carroll A.E.* A systematic review of school-based interventions to prevent bullying// *Arch Pediatr Adolesc Med*. – 2007. – V. 161(1). – P. 78-88.
 18. *Weisz A.N., Black B.M.* Help-seeking and help-giving for teen dating violence// *The Prevention Researcher*. – 2009. – V.16 (1). – P.12-16.
 19. *Wolfe D.A., Crooks C., Jaffee P., Chiodo D., Hughes R., Ellis W.* A school based program to prevent adolescent dating violence: A cluster randomized trial// *Archives of Pediatric and Adolescent Medicine*. – 2009. – V.163(8). – P.692-699.

Научный взгляд на проблему ранних воспоминаний и самооценки преступников

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права Факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (mdebolsky@mail.ru)

Огор А.Ю., бакалавр психологии, студент 2 курса магистратуры «Юридическая психология: судебно-экспертная практика» Московского городского психолого-педагогического университета (a.ogor@kellyservices.ru)

В статье представлен теоретический анализ работ по проблеме ранних воспоминаний и самооценки преступников. Обсуждаемые вопросы рассматриваются в русле концепции Альфреда Адлера. Показано, что ранние воспоминания являются отправной точкой автобиографии человека, в них прослеживается первая оценка себя, которая лежит в основе самооценки личности и формирует жизненный стиль. Выдвинута гипотеза о существовании взаимосвязи между содержанием ранних воспоминаний и самооценкой, что является предпосылкой формирования преступного стиля жизни значительной части правонарушителей. Данную гипотезу авторы пытаются теоретически обосновать на основе анализа значительного количества зарубежных теоретических работ (Дж. Брунера, С. Шахтера, Г. Мюррея, Дж. Крамера, С. Томкинса, Л. Росс и Ньюби-Кларк, М. Сингер и П. Саловой, Л. Полкингтон и Д. МакАдамса) и некоторых эмпирических исследований (А. Молоствова). В статье рассмотрены основные точки зрения на вопрос о правильности воспроизводимых человеком воспоминаний. Авторы разделяют позицию Адлера, что именно те или иные события детства формируют самооценку человека. И если в детстве сформировалась неполноценность в определенной области, то человек всю жизнь стремится ее преодолеть и именно на ценностях в этой области будет основываться его самооценка. Показано, что важно найти фундаментальные ошибки, сделанные в раннем периоде развития личности индивида, тогда при помощи определенной терапии можно их исправить и в зрелом возрасте. Таким образом, статья ориентирует читателя на возможность совершенствования психотерапевтической работы с ранними воспоминаниями осужденных для снижения риска повторных преступлений.

Ключевые слова: ранние воспоминания, стиль жизни, самооценка, стремление к превосходству, автобиографическая память, нарратив.

По данным МВД РФ за январь-август 2014 года 52,2% преступлений совершено лицами, ранее уже отбывавшими наказание [12]. Причины столь высокого уровня рецидивной преступности связаны с трудностями социальной адаптации бывших осужденных к жизни на свободе и недостаточной

эффективностью применяемых мер исправительного воздействия на осужденных. Открытым остается вопрос и об основных детерминантах преступного образа жизни лиц, неоднократно совершающих правонарушения. Вслед за представителями глубинных (психоаналитических) концепций мы полагаем, что весомые причины преступного поведения лежат в глубоком детстве, когда формируется прототип будущей личности, будущего стиля поведения. Тогда же формируется и самооценка человека, которая по своей сути является основным компонентом стиля жизни.

В своей работе мы будем придерживаться концепции Альфреда Адлера. Одно из ее положений можно сформулировать следующим образом: конечная цель человеческой жизни – это достижение совершенства, которое можно увидеть в его самых ранних воспоминаниях. Адлер говорил, что самые ранние воспоминания – это отправная точка автобиографии, в которой прослеживается первая оценка себя, которая лежит в основе самооценки [1]. Основываясь на адлеровской концепции мы предположили, что существует взаимосвязь между содержанием ранних воспоминаний и самооценкой, что является предпосылкой формирования преступного стиля жизни. Таким образом мы полагаем, что в ранних воспоминаниях могут отражаться истоки противоправных побуждений (стремление компенсировать возникшее чувство несовершенства, неполноценности).

Наряду с концепцией Адлера в психологии существует немало теорий, так или иначе касающихся проблемы взаимосвязи ранних воспоминаний и самооценки. В первую очередь это концепции и исследования автобиографической памяти, жизненных историй и нарративные подходы к человеческому поведению и опыту. Среди таких подходов концепции Дж. Брунера, С. Шахтера, Г. Мюррея, Дж. Крамера, С. Томкинса, Л. Росс и Ньюби-Кларк, М. Сингер и П. Саловей, Л. Полкингтон и Д. МакАдамса. Все эти ученые изучали автобиографическую память, имели свои версии того, как воспоминания о личном опыте формируются в памяти, как они воспроизводятся, какую структуру имеют. Человеком, привнесшим наибольший вклад в объяснение автобиографической памяти, стал современный американский психолог Дэн МакАдамс. Он ввел понятие жизненной истории как социокультурно-обусловленного нарратива, являющегося частью Я-концепции [6].

Термин «жизненная история» схож с понятием «жизненный стиль», введенным Альфредом Адлером. Жизненный стиль – это значение, которое человек придает миру и самому себе, его цели, направленность его устремлений и те подходы, которые он использует при решении жизненных проблем [11]. Жизненная история формируется за счет личных воспоминаний человека и является частью Я-концепции (то есть частью самооценки), а жизненный стиль закладывается в детстве и является способом разрешения жизненных ситуаций, он прослеживается в ранних воспоминаниях и дает нам знание о самооценке личности. Можно сказать, что эти понятия весьма связаны: ранние воспоминания являются частью жизненной истории, давая нам представления о жизненном стиле и самооценке личности. Дэн МакАдамс утверждает, что жизненная история – это психосоциальные конструкции, соавтором которых является сам человек, и тот культурный контекст, в который жизнь человека встроена, и который придает жизни смысл [7]. Таким образом, истории жизни отражают культурные ценности, нормы и убеждения человека относительно различных вопросов. Жизненная история – это ключевой момент, составляющий индивидуальность данного конкретного человека, помещенного в

определенную семью, окруженного друзьями и знакомыми, живущего в конкретном обществе в конкретный период [18].

Существование автобиографической памяти очень важно, поскольку она помогает различить и определить Я в разворачивающейся жизненной истории, которая при этом ориентирована на будущее. Жизненная история развивается по мере продвижения по жизненному пути, отражая различные своевременные и несвоевременные события и переходы [17]. Ранние воспоминания как часть жизненной истории тоже могут меняться со временем, это связано с некоторыми изменениями в жизненном стиле человека. По большей части, он не меняется, изменяемы лишь детали, отношения к каким-либо вещам. Во всех ситуациях мы обнаруживаем того же человека, ту же личность, то же психическое единство, но в одной ситуации самым ранним воспоминаниям человек может приписывать одни события, а спустя какой-либо период времени в абсолютно других жизненных обстоятельствах он будет приписывать этим воспоминаниям совершенно иные детали. Как отмечал в своих работах А. Адлер, воспоминания не бывают случайными – в каждый период жизни человека из множества воспоминаний детства актуализируются именно те, которые так или иначе связаны с его нынешней жизненной ситуацией. Воспоминания никогда не могут вступать в противоречие со стилем жизни. Если стиль жизни меняется, то воспоминания тоже изменяются: человек будет иначе интерпретировать события, зафиксированные в памяти, или вспоминать другие случаи, идентифицируя их как наиболее ранние детские воспоминания [1].

По вопросу правильности воспроизводимых человеком воспоминаний существует несколько точек зрения. Р. Браун и Дж. Кулик полагали, что воспоминания фиксируются в памяти ярко, в подробностях и воспроизводятся без ошибок, если это воспоминания о жизненных событиях определенного рода, особенно неожиданные или очень важные.

В свою очередь приверженцы теории реконструкции полагают, что во многих случаях воспоминания людей содержат ошибки. Так Дж. Беркли писал, что автобиографическая память – это форма импровизации, при помощи которой человек создает подходящее описание прошлого, которое поддерживало бы личную согласованность человека.

Еще один взгляд на эту проблему принадлежит У. Брюеру. Он говорил, что по ряду определенных причин наши воспоминания искажаются. Он считал, что некоторые люди помнят прошлое вплоть до первого года жизни, но такое вряд ли возможно [12]. Истина в том, что они рассказывают воображаемые истории, а не память о реальных событиях. Однако для нас не столь важна правдивость и точность этих воспоминаний, поскольку в любом случае они представляют собой части личности. Некоторые люди признаются в том, что не помнят точно каких-либо событий прошлого. Возможно это действительно их воспоминания, а возможно – рассказы родителей. Но в нашем случае это также не имеет значения, ведь даже если то, что рассказывает нам человек, выдавая это за свои воспоминания, лишь рассказы, то они все равно уже запечатлены в его сознании и могут помочь ему раскрыть сферу своих интересов. Стоит отметить, что анализ детских воспоминаний А. Адлер считал лучшим способом, раскрывающим ядро стиля жизни индивида [2].

Стиль жизни формируется в стремлении к частичной цели превосходства. Основы этих целей закладываются еще в раннем детстве, так же как и чувство неполноценности, и, как следствие, стремление к превосходству. Таким образом мы видим, что самооценка влияет на нашу жизнь, и то, на чем она основывается, те ключевые аспекты в построении самооценки, мы можем проследить в ранних воспоминаниях человека. Например мы можем предположить, что если человек в своих воспоминаниях касается темы семейных отношений, и мы видим, что эти отношения были весьма сложными и тяжелыми для этого человека, то скорее всего его самооценка будет базироваться на семейных ценностях. К такому выводу мы приходим в результате следующих умозаключений: если в сфере семейных отношений ощущается неполноценность, то как следствие, появляется стремление ее компенсировать, которое становится ключевым в построении стиля жизни и является основой самооценки. Однако мы не можем точно утверждать, что именно те или иные события детства формируют самооценку человека в данный период, они закладывают основу. То есть если в детстве сформировалась неполноценность в определенной области, то человек всю жизнь стремится ее преодолеть, и именно на ценностях в этой области будет основываться его самооценка. Однако в момент, когда мы диагностируем человека, его самооценка может быть как высокой, так и низкой. Уровень самооценки будет корректироваться событиями, которые происходили на протяжении всей его жизни. Мы не можем точно утверждать, какое именно событие повлияло на «Я» этого индивида, одно воздействие может привести к нескольким исходам, поскольку стоит учитывать сопутствующие стимулы. И так же можно проследить обратную зависимость: разные уровни самооценки у разных людей могли сформироваться в результате одного и того же события, поскольку были сопутствующие переменные. В рамках обследования, диагностики и консультирования, метод ранних воспоминаний применяется совместно с другими методами исследования. Например в Адлеровской терапии для обследования детей применяют специальные опросники изучения личностного стиля ребенка, рисуночные и игровые методы, метод метафорического рассказа, для обследования взрослых применяется метод анализа речевых метафор, визуализации и многие другие. Однако самым главным методом исследования личности А. Адлер считал анализ ранних воспоминаний [11].

Личность человека формируется с самого рождения, таким образом, в воспоминаниях мы видим, как формировался прототип, ранний вариант взрослой личности. Этот прототип устанавливает цель, то направление, в котором будет развиваться жизнь индивида, давая нам возможность в некоторой мере предсказывать жизненный путь. Исправить ошибки прототипа мы можем не только во время его формирования, но и уже во взрослом возрасте, пересматривая всю ситуацию его детства. Важно найти именно фундаментальные ошибки, сделанные в раннем периоде развития личности индивида, тогда при помощи определенной терапии можно их исправить [2].

Из всего вышесказанного, мы можем заключить, что разгадка преступного стиля жизни сокрыта в ошибке прототипа, которую мы можем обнаружить, через анализ ранних воспоминаний преступников.

У преступников недостаточно развито чувство общности. Об этом говорит и А. Адлер в своей книге «Наука жить», и в тоже время это подтверждается некоторыми

современными исследованиями. Так например А. Молоствов показывает в своих исследованиях самоотношения преступников, что в детском возрасте они испытывали сложности в общении с близкими людьми, а во взрослом возрасте совершали преступления [9]. При этом он отмечает, что дефицит доверительного общения с близкими, и наличие в родительских семьях ярко выраженных проблем взаимоотношений характерно для преступников, совершивших насилие над близкими родственниками. Очень серьезной проблемой является родительская ложь (например, когда мать скрывает постоянные измены отца, смерть кого-то из близких и т.п.), это влечет за собой нарушение коммуникации между ребенком и взрослым. В силу неподтвержденности своих опасений, догадок, мыслей и чувств относительно реальности, у ребенка возникает чувство вины. Он не понимает, почему от него что-то скрывают, чувствует, что он сделал что-то не так, чувствует, как родители от него отдаляются. В результате этого формируется хроническое недоверие к другим людям и собственным чувствам, сопровождаясь тенденцией считать все вокруг нереальным [13]. В таких семьях матери обычно занимают доминирующее положение. Они распределяют семейный бюджет, решают внутрисемейные разногласия. Матери отвечают за воспитание детей, значительно чаще отцов кормят, заботятся о дочерях (в данном исследовании речь идет именно о женщинах, совершавших насилие). Однако функция наказания детей тоже лежит на матерях. В основном конфликты решаются криком, проявлением вербальной агрессии со стороны матери, в то время как отцы могут применять физическое наказание. Можно сказать что дети, воспитывавшиеся в таких семьях, повторяют семейный сценарий. Наблюдая насилие в детстве, они начинают совершать его во взрослом возрасте, фактически это можно расценить как месть за насилие, которое над ними совершали родители [14; 15; 16]. Возвращаясь к вопросу недостатка в общении с близкими, стоит сказать, что одной из движущих основ для таких индивидов является потребность в общении, желание быть принятыми другими людьми, устанавливать близкие эмоциональные контакты [8]. Однако это не очень эффективно выходит в силу низкого уровня адаптации и умения общаться, поэтому довольно часто мы можем наблюдать с их стороны попытку контроля окружающих людей. У преступников, совершивших тяжкие насильственные преступления (насилие, убийство), проявляется тенденция к восприятию окружающего мира как враждебного, несмотря на стремление быть частью его. Их не волнует мнение окружающих, они сосредоточены на собственных чувствах и переживаниях, они часто проявляют импульсивность и агрессивность при социальных контактах, опасаясь за личную безопасность [3]. Как мы видим, ощущение недостаточности, приобретенное в детстве в результате дефицита общения с близкими, ведет к стремлению к ее компенсации, порождая важность общения во взрослом возрасте. Таким образом мы предполагаем, что преступники, осужденные за тяжкие насильственные преступления, базируют свою самооценку на таких основаниях как семья, игнорируя одобрение других, а в воспоминаниях будут фигурировать образы родителей, в частности матери, однако описания будут проходить в плоскости «Я – Они», а «Мы – ситуацию» нам увидеть не удастся. Часто будут всплывать ситуации одиночества, отвергнутости, проблемы взаимоотношений с окружающими людьми. А. Молоствов вслед за А. Адлером утверждает, что в вопросах диагностики личностных качеств преступников, анализ дефицитов (неполноценностей по А. Адлеру) занимает особое место, так как при их помощи возможно составить более глубокое и точное представление о ценностях и мотивах поведения индивидов, в том числе и при совершении преступлений. В своем исследовании он показывает,

что для преступников, совершавших кражи, наиболее значимым дефицитом является материальный. Таких испытуемых в детстве часто наказывали, ограничивая сладким, блокируя доступ к каким-то материальным благам, их не баловали подарками [8]. В этом случае мы смеем предположить, что преступники, осужденные за кражи, основывают свою самооценку на престиже, как обладании материальными ценностями, а в их ранних воспоминаниях часто фигурируют ситуации ущемления желаний, часто связанных с праздниками и получением подарков.

Теперь обратимся к рассмотрению логики совершения преступления. Многие психологи полагают, что преступники, совершая противозаконные действия, считают их не только оправданными, но и героическими. Почему? Дело в том, что преступник считает что достиг превосходства, ведь он сумел обойти закон, остаться не пойманным, но даже если он уже оказался за решеткой, это чувство не проходит, ведь правоохранительным органам пришлось приложить усилия, чтоб его вычислить, задержать, он их превзошел, оказался умнее. Преступник считает себя героем. Этим объясняется его завышенная самооценка. Он относится к себе менее критично, чем законопослушные граждане, при этом характеризуя себя более положительными качествами, но в тоже время самооценка преступника может быть как чрезмерно завышенной, так и излишне заниженной, наблюдается высокий уровень, так называемого, деструктивного нарциссизма – неспособности критически воспринимать и оценивать себя (от фантазий величия до идеи собственной ничтожности) [4]. Делая акцент на положительных качествах, преступник отвергает свою преступную роль, не желая с ней идентифицироваться. Правонарушители часто не раскаиваются в своих преступлениях, предпочитая обвинять других в содеянном, перекладывать вину за свои действия на других, представлять себя в роли борцов за справедливость [4]. Самооценка преступников, осужденных за преступления различного характера, специфична и коррелирует с характером совершенных деяний. Так преступники, осужденные за насильственные преступления, акцентируют внимание на качествах, отражающих взаимоотношения с другими людьми. Осужденные за корыстные преступления подчеркивают альтруистические черты [10]. Самооценка отражает ценностные ориентации индивида, в случае с преступниками она обнажает дефекты их ценностной сферы.

Подводя итог вышесказанному стоит отметить, что анализ воспоминаний показывает нам очень многие стороны личности. В своих воспоминаниях человек отражает не просто сюжет событий, происходивших с ним, но и то, какой отпечаток на его личности они оставили. Таким образом в ранних воспоминаниях мы можем проследить не только то, из чего сформировалась и выросла личность, но и то, что является ключевым аспектом для построения жизни, деятельности этого человека. Из них мы узнаем главную цель человека, узнаем его стремления, особенности. Но самое главное, что нас интересует, это то, как в содержании ранних воспоминаний красной линией проходит тема становления самооценки. Из воспоминаний детства мы получаем информацию о том, на чем человек основывает свою самооценку, недостаточности в каких сферах жизни ему необходимо компенсировать, чтоб принимать себя, ценить и комфортно существовать.

В данной работе мы попытались объяснить психологические механизмы преступного поведения через понятия адлеррианской психологии. На наш взгляд в

основе преступного стиля жизни многих осужденных лежат травмирующие детские воспоминания, которые закладывают нездоровую основу для формирования ценностей и самооценки, которая на них базируется. Представляется что типология правонарушителей, основанная на особенностях ранних воспоминаний, позволит разработать соответствующие типовые программы психологической коррекции осужденных [5].

Выдвинутая нами гипотеза будет проверена в рамках эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей самооценки и содержания ранних воспоминаний преступников, отбывающих наказание за тяжкие насильственные преступления (убийство, изнасилование) и кражи. Результаты исследования заключенных будут сопоставлены с результатами людей, не привлекавшихся к административной и уголовной ответственности, что позволит нам выявить отличительные детали в содержании ранних воспоминаний преступников. Таким образом мы сможем найти ошибки прототипа, сформированного в детстве и отраженного в ранних воспоминаниях респондентов. В дальнейшем результаты данного исследования послужат основой для создания нового психотерапевтического подхода.

Литература

1. Адлер А. Индивидуальная психология: теория и практика. – СПб: Ленинградский Государственный университет, 1993. – 107 с.
2. Адлер А. Наука жить. – Киев: Port-Royal, 1997. – 286 с.
3. Бовин Б.Г., Кокурин А.В., Мокрецов А.И. Психологические аспекты изучения личности осужденного // Преступление и наказание, 2004, № 9. – С. 18–20.
4. Бовин Б.Г. Эго-психология осужденных с рецидивной преступностью // Человек: преступление и наказание, 2010, № 1. – С. 1–17.
5. Дебольский М.Г. Возможности психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания // Развитие личности. 2012, № 3. – С. 230–241.
6. Капрара Дж. Психология личности / Дж. Капрара, Д. Сервон. – СПб: Питер, 2003. – 640 с.
7. МакАдамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 3. – С.135–166.
8. Молоствов А.В. Особенности самоотношения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2010, № 4. – С.73–78.
9. Молоствов А.В. Особенности семейного воспитания и межличностного общения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении

- близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2010, № 3. – С. 91–100.
10. *Рапинов А.Р., Константинова Н.Я., Собчик Е.М.* Самооценка преступников // Личность преступника как объект психологического исследования: Сборник научных трудов. М., 1979. – С. 63–78.
 11. *Сидоренко Е.В.* Экспериментальная групповая психология. Комплекс «неполноценности» и анализ ранних воспоминаний в концепции Альфреда Адлера / Е.В. Сидоренко. – СПб, 1993. – 152 с.
 12. Состояние преступности – январь-август 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2013. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2534121> (дата обращения: 25.09.2014).
 13. *Brewer W.F.* What is autobiographical memory? // *Autobiographical memory.* – New York, 1986. P. 25–49.
 14. *Cain A.C.* Children's disturbed reactions to parent suicide. In *Survivors of suicide.* – Springfield, Illinois: C.C. Thomas, 1972. P. 93–111.
 15. *Downey G.* Early interpersonal trauma and later adjustment: The mediational role of rejection sensitivity. In *Development perspectives on trauma: Theory, research and intervention* // Rochester, New York: University of Rochester Press, 1997. P. 85–114.
 16. *Herman J.L.* Traumatic antecedents of borderline personality disorder. In *Psychological trauma* // Washington, DC: American Psychiatric Press, 1987. – P. 111–126.
 17. *Kalmuss D.* The intergenerational transmission of marital aggression. // *Journal of Marriage and the Family*, 1984. № 46. – P. 11–19.
 18. *McAdams D.P.* Personal narratives and the life story // *Handbook of personality: Theory and research.* – 2 nd ed. – New York, 1999. – P. 478–500.
 19. *McAdams D.P.* Personality, modernity and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychol. Ing.*, 1996. № 7. – P. 295–321.

Scientific approach to the problem of early memories and self-criminals

Debolsky M.G., Ph.D., associate professor, professor of psychology and the legal rights of the Faculty of Legal Psychology Medical University Moscow State University of Psychology & Education (mdebolsky@mail.ru)

Ogor A.Y., Bachelor of Science in Psychology, MA Student of 2nd course of "Forensic Psychology: Forensic Expert Practice", Moscow State University of Psychology & Education (a.ogor@kellyservices.ru)

This article deal with a theoretical overview of the problem of early recollections and self-esteem criminals. Discussed issues are considered within the concept of Alfred Adler.

A. Adler said that the earliest memories - is the starting point of an autobiography, which traced the first assessment itself, which is the basis of self-esteem and life style. Has been hypothesized about the existence correlation between the content of early recollections and self-esteem, which is a precondition for the formation of a criminal lifestyle. This hypothesis is based on the analysis of large number of theoretical studies foreign scientists (J. Bruner, C. Miner, G. Murray, J. Kramer, S. Tomkins, L. Ross and Newby-Clark, M. Singer and P. Salovey, LA Polkington and D. McAdams) and some empirical studies (A. Molostvov).

The article describes the main points of view on the question of the correctness of reproducible human memories. The authors share the position of A. Adler that certain childhood experiences form the self-esteem of man. If in childhood has been formed inferiority in a certain area, the man all his life to strive for superiority, and it was on the values in this field will be based his self-esteem. Important to find the fundamental mistakes made in the early period of personality development, then using particular therapy can to correct them into adulthood. Thus, the article focuses on the reader an opportunity to improve the psychotherapeutic work with early recollections of convicts to reduce the risk of re-offending.

Keywords: early recollections, lifestyle, self-esteem, strive for superiority, autobiographical memory, narrative.

References

1. *Adler A.* Individual'naja psihologija: teorija i praktika. – SPb: Leningradskij Gosudarstvennyj universitet, 1993. – 107 p.
2. *Adler A.* Nauka zhit'. – Kiev: Port-Royal, 1997. – 286 p.
3. *Bovin B.G., Kokurin A.V., Mokrecov A.I.* Psihologicheskie aspekty izuchenija lichnosti osuzhdennogo // Prestuplenie i nakazanie, 2004, № 9. – pp. 18–20.
4. *Bovin B.G.* Jego-psihologija osuzhdennyh s recidivnoj prestupnost'ju // Chelovek: prestuplenie i nakazanie, 2010, № 1. – pp. 1–17.
5. *Debol'skij M.G.* Vozmozhnosti psihologicheskoj sluzhby ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v realizacii celej nakazaniya // Razvitie lichnosti. 2012, № 3. – pp. 230–241.
6. *Kaprara Dzh.* Psihologija lichnosti / Dzh. Kaprara, D. Servon. – SPb: Piter, 2003. – 640 p.
7. *MakAdams D.P.* Psihologija zhiznennyh istorij // Metodologija i istorija psihologii. 2008. Tom 3. Vypusk 3. – pp. 135–166.
8. *Molostvov A.V.* Osobennosti samootnoshenija osuzhdennyh zhenshin, otbyvajushhih nakazanie v vide lishenija svobody za nasil'stvennye prestuplenija, sovershennye v otnoshenii blizkih rodstvennikov // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2010, № 4. – pp. 73–78.
9. *Molostvov A.V.* Osobennosti semejnogo vospitanija i mezhlichnostnogo obshhenija osuzhdennyh zhenshin, otbyvajushhih nakazanie v vide lishenija svobody za nasil'stvennye prestuplenija, sovershennye v otnoshenii blizkih rodstvennikov // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2010, № 3. – pp. 91–100.
10. *Ratinov A.R., Konstantinova N.Ja., Sobchik E.M.* Samoocenka prestupnikov // Lichnost' prestupnika kak ob#ekt psihologicheskogo issledovanija: Sbornik nauchnyh trudov. M., 1979. – pp. 63–78.
11. *Sidorenko E.V.* Jeksperimental'naja gruppovaja psihologija. Kompleks «nepolnocennosti» i analiz rannih vospominanij v koncepcii Al'freda Adlera / E.V. Sidorenko. – SPb, 1993. – 152 p.
12. Sostojanie prestupnosti – janvar'-avgust 2014 goda [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. 2013. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2534121> (data obrashhenija: 25.09.2014).
13. *Brewer W.F.* What is autobiographical memory? // *Autobiographical memory.* – New York, 1986. P. 25–49.

14. *Cain A.C.* Children's disturbed reactions to parent suicide. In *Survivors of suicide*. – Springfield, Illinois: C.C. Thomas, 1972. P. 93–111.
15. *Downey G.* Early interpersonal trauma and later adjustment: The mediational role of rejection sensitivity. In *Development perspectives on trauma: Theory, research and intervention* // Rochester, New York: University of Rochester Press, 1997. P. 85–114.
16. *Herman J.L.* Traumatic antecedents of borderline personality disorder. In *Psychological trauma* // Washington, DC: American Psychiatric Press, 1987. – P.111–126.
17. *Kalmuss D.* The intergenerational transmission of marital aggression. // *Journal of Marriage and the Family*, 1984. № 46. – P.11–19.
18. *McAdams D.P.* Personal narratives and the life story // *Handbook of personality: Theory and research*. – 2 nd ed. – New York, 1999. – P. 478–500.
19. *McAdams D.P.* Personality, modernity and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychol. Ing.*, 1996. № 7. – P. 295–321.

История развития судебно-психологической экспертизы

Сафуанов Ф.С., заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, руководитель лаборатории психологии Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии Минздрава России(safuanovf@mail.ru)

В статье рассматривается история развития судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз, выделяются и анализируются три этапа. Первый этап – возникновение судебно-психологической экспертизы как самостоятельной ветви судебных экспертиз, определение основных предметных видов, внедрение в судопроизводство (конец 70-х XX века – начало 80-х). Второй этап – становление судебно-психологической экспертизы и разработка теоретических, методологических, организационно-правовых проблем, в том числе – критериев судебно-психологической экспертной оценки юридически значимых способностей обвиняемых, потерпевших и свидетелей в рамках уголовного процесса (начало 80-х – 1997 г.). Третий этап – развитие судебно-психологической экспертизы в условиях нового законодательства Российской Федерации, возникновение судебно-психологической экспертологии, выделение новых видов судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе, внедрение данного вида экспертиз в гражданское судопроизводство (с 1997 г. по настоящее время). Обозначаются актуальные проблемы, требующие своего решения для совершенствования теории и практики судебно-психологической экспертизы.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, история судебной психологии.

Судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) является частью судебной психологии — одного из важнейших разделов юридической психологии. При этом психолог может изучать психологические аспекты психической деятельности не только разнообразных участников правовых отношений, но и самого психолога, выступающего в роли эксперта. Роль психолога в области СПЭ (в отличие от других сфер деятельности юридического психолога) как бы «раздваивается»: он может выступать и как исследователь проблем, связанных с проведением судебной экспертизы с участием психолога, и как собственно практик, осуществляющий само производство экспертизы.

Психолог как исследователь занимается судебно-психологической экспертологией — теоретической областью, изучающей закономерности, методологию и процесс формирования и развития научных основ СПЭ. Психолог как практик непосредственно осуществляет производство судебных экспертиз [39].

В настоящее время существуют две основные формы использования психологических знаний в форме судебной экспертизы – судебно-психологическая и

комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертизы (КСППЭ). Комплексование может быть и более широким, к примеру, достаточно распространена комплексная судебная психолого-сексолого-психиатрическая экспертиза [49]. Большинство СПЭ проводится в государственных судебно-экспертных учреждениях (СЭУ) Минюста России. Психологи СЭУ занимают должности экспертов, старших экспертов, ведущих экспертов, главных экспертов в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России и в региональных СЭУ. Производство КСППЭ практически всегда осуществляется в государственных судебно-психиатрических экспертных учреждениях (СПЭУ) Минздрава России. В СПЭУ предусмотрены ставки медицинских психологов. Согласно приказу Минздрава России от 19.05.2000 № 165 «О медицинском психологе в судебно-психиатрической экспертизе» предусмотрена одна должность медицинского психолога на 250 судебных психиатрических и комплексных с нею экспертиз, проводимых в амбулаторном отделении за один год (для экспертиз несовершеннолетних — на 200 проводимых комиссией экспертиз в год), а в стационаре — одна должность медицинского психолога предусмотрена на 15 коек [41].

Анализ истории развития СПЭ и КСППЭ позволяет выделить три основных этапа формирования данных видов экспертизы как особой формы применения специальных психологических знаний в уголовном и гражданском процессах.

Первый этап. Возникновение СПЭ и КСППЭ. Этот период связан с постановкой проблемы возможности производства судебной экспертизы с применением знаний в психологии. Эта проблема возникла под влиянием запросов прежде всего судебной практики. Характерно, что первоначально проблема необходимости использования психологических знаний в уголовном процессе была сформулирована не самими психологами, а юристами в конце 50-х и в 60-х гг. XX в. [20, 27, 28, 55].

Создание СПЭ как теоретического и практического раздела юридической психологии в России связано в первую очередь с трудами М.М. Коченова и его учеников [11], работавших в Отделе правовой психологии Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре СССР (ныне — Академия Генеральной прокуратуры РФ). Деятельность М.М. Коченова со своими сотрудниками по разработке СПЭ, начатая в 1968 г., была впервые обобщена в монографии «Судебно-психологическая экспертиза», изданной в 1977 г. под грифом «Для служебного пользования». В сокращенном варианте данная монография под тем же названием была опубликована в издательстве Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1980 г. и стала доступна специалистам в области психологии. В 1991 г. М.М. Коченовым была защищена докторская диссертация «Теоретические основы судебно-психологической экспертизы».

Постановка вопроса о комплексовании психологических знаний с психиатрическими при производстве судебной экспертизы — это, в первую очередь, заслуга судебных психиатров. С начала 70-х гг. прошлого века Н.И. Фелинской, Н.Н. Станишевской, Т.П. Печерниковой и другими начата разработка вопросов КСППЭ [23, 47, 51, 52].

Именно на этот период приходится четкое осознание недостаточности узко психиатрических исследований для полных, глубоких и всесторонних судебно-экспертных оценок психической деятельности подэкспертных лиц и необходимости применения психологических познаний при экспертной оценке широкого круга явлений: непатологических эмоциональных реакций («физиологического аффекта») при экспертизе обвиняемых с пограничными формами психической патологии; ограничения способности в полной мере понимать значение своих действий и руководить ими, обусловленного умственной отсталостью, не связанной с психическим заболеванием, при экспертизе несовершеннолетних обвиняемых; способности осознавать характер и значение насильственных сексуальных действий обвиняемого или оказывать ему сопротивление при экспертизе малолетних и несовершеннолетних потерпевших, не обнаруживающих выраженной психической патологии; способности малолетних и несовершеннолетних свидетелей правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания. Нарушения указанных юридически значимых способностей подэкспертных лиц, как показали и практика судебно-психиатрической экспертизы, и исследования, проводимые в рамках изучения компетенции СПЭ, могут быть обусловлены не только психопатологическими факторами («медицинским критерием» судебно-психиатрической экспертной оценки), но и чисто психологическими (личностными, эмоциональными, возрастными) причинами [38].

Основным итогом первого этапа, наряду с признанием (в первую очередь, со стороны практики) возможности применения психологических знаний в экспертизе, стало выделение предметных видов СПЭ.

В то же время научные разработки в области исследования возможности использования специальных знаний в психологии поставили перед теорией СПЭ множество новых проблем, требующих своего решения для более эффективного применения психологических исследований в судебной практике. Актуализация этих проблем определялась не только логикой научных исследований, но и теми реальными затруднениями, которые возникали при производстве СПЭ и КСПЭ в каждодневной практике.

Эти проблемы касались широкого круга теоретических, методологических, организационно-правовых вопросов комплексных экспертиз, связанных с взаимодействием экспертов разных специальностей (психологов и психиатров); взаимодействием экспертов с органом, назначившим экспертизу; разработкой и уточнением экспертных критериев судебно-психологической, судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической оценок.

Таким образом, на первом этапе СПЭ выделилась как самостоятельная форма применения специальных познаний в уголовном процессе, были определены основные предметные виды СПЭ и одновременно с этим обозначились прикладные и фундаментальные проблемы, требующие своего дальнейшего решения.

Второй этап. Становление СПЭ и КСПЭ. Этот этап охватывает исследования от начала 80-х гг. до 1997 г. — времени введения в действие УК РФ. Именно с этим периодом можно связать бурное развитие разнообразных проблем СПЭ и КСПЭ. Он характеризуется активизацией исследований различных аспектов теории судебных психологических и психолого-психиатрических исследований, методологии

психодиагностической судебно-экспертной деятельности, организационных и правовых проблем производства экспертизы, а также проведением фундаментальных психологических исследований, актуальных для разработки судебно-психологических экспертных критериев оценки психической деятельности подэкспертных лиц.

В рамках развития теории СПЭ М.М. Коченов выделил общий и частные предметы [11]. Общий предмет он определил как компоненты психической деятельности (психики) в ее целостности и единстве, устанавливаемые на основе исследования психической деятельности человека и имеющие значение для органов правосудия. Частные предметы он соотносил с юридическими критериями в предметных видах экспертизы. В широком смысле, по его мнению, предмет СПЭ можно обозначить как индивидуально-своеобразные черты психического отражения действительности субъектом. И.А. Кудрявцев, автор первой отечественной монографии, посвященной КСПЭ [12], уточнил это определение, включив в предмет, наряду с отражением, «рефлексию и регуляцию поведения», и указав факторы, влияющие на эти психические процессы: взаимодействие болезненных (психопатологических) и неболезненных (возрастного, ситуационного, эмоционального, личностного) психических факторов.

Тесно связанной с определением объекта и предмета исследования судебного психолога эксперта является проблема его специальных знаний [30]. В принципе, она — одна из основополагающих в контексте понимания того, чем деятельность психолога как судебного эксперта отличается от любой другой психодиагностической работы психолога. Разработка проблемы специальных познаний судебного эксперта-психолога велась в основном косвенно, в несколько преобразованном виде — через определение пределов его компетенции в противопоставлении компетенции судебно-следственных органов, с одной стороны, и компетенции судебных психиатров, с другой. Границы компетенции психолога в разных предметных видах СПЭ и КСПЭ (до введения УК РФ в 1997 г.) практически всеми авторами (М.М. Коченов, И.А. Кудрявцев, В.В. Гульдман и др.) рассматривалась одинаково.

При разработке вопросов *методологии СПЭ* традиционным для работ этого периода является перечисление конкретных психодиагностических методов, используемых при судебно-экспертном исследовании, а также указание на то, что экспериментальные методы исследования должны сочетаться с психологическим анализом материалов уголовного дела и других имеющих значение для дела документов для ретроспективной оценки предмета экспертизы. Осмыслению более общих методологических проблем, связанных с судебно-экспертной деятельностью, посвящены работы М.М. Коченова и И.А. Кудрявцева [11, 12]. В них обосновывалась необходимость применения в судебной экспертизе системного подхода к психическим явлениям с анализом их уровневого строения, динамики, внутренних и внешних детерминант, соотношения биологического и социального. Указывалось, что развитие судебных экспертиз с участием психолога требует разработки особых специальных психодиагностических приемов и методов — к таким относятся, к примеру, «ретроспективный анализ психических состояний» [11, 35, 45], выделение «патопсихологических симптомокомплексов» [15, 16, 47], сопоставление в экспериментальном психодиагностическом исследовании феноменологии патопсихологических нарушений со стимульным материалом тестов [19].

В целом, данный этап развития ознаменовался тем, что СПЭ и КСППЭ были успешно ассимилированы общенаучные методологические принципы, принятые в отечественной психологии, очерчен основной круг наиболее валидных и надежных экспериментальных методов, используемых в экспертной практике, и разработаны специальные методические приемы изучения объекта судебно-экспертного исследования.

При анализе основных организационно-правовых проблем СПЭ и КСППЭ велись дискуссии и разработки вопросов, связанных как с взаимодействием экспертов с судебно-следственными органами, назначающими экспертизу и оценивающими ее заключение, так и с взаимодействием экспертов-психологов и экспертов-психиатров при непосредственном проведении комплексной экспертизы.

Для рассматриваемого периода развития СПЭ и КСППЭ характерно полное отсутствие работ, посвященных *этическим принципам* проведения судебно-экспертного психологического исследования. Пробел в этой области был тем более очевиден на фоне ряда работ, посвященных этическим и деонтологическим принципам деятельности судебного эксперта-психиатра, и принятого 19 апреля 1994 г. Кодекса профессиональной этики психиатра.

На данном этапе развития велись активные *разработки в различных предметных областях СПЭ*. В рамках судебной экспертизы обвиняемых работы этого периода касаются в основном анализа двух понятий, являющихся предметом исследования психолога: аффекта и ИПО [1, 3, 4, 12, 29, 31, 34, 53]. Вопросы судебных и следственных органов о наличии состояния аффекта в момент совершения инкриминируемого обвиняемому деяния, а также об его ИПО и меры их влияния на криминальное поведение являются преобладающими при назначении экспертизы. И, несмотря на то, что данные вопросы относятся к разным предметным видам СПЭ, нередко они задаются одновременно. Во многих работах [12, 24, 38] анализировалась содержательная проблема роли психических расстройств в генезе возникновения и развития эмоциональных реакций и состояний, имеющих юридическое значение. О.Д. Ситковской была сформулирована и проверена на практике возможность экспертной диагностики аффекта у лиц, находящихся в легкой степени простого алкогольного опьянения в момент совершения преступления. Был сделан вывод, что при наличии основных экспертно-диагностических признаков возможна квалификация их эмоционального состояния как физиологического аффекта [45].

Судебно-психологическая экспертная оценка ИПО обвиняемых не имеет, в отличие от других традиционных предметных видов СПЭ и КСППЭ, прямого соотнесения с «юридическими критериями» в тексте уголовного законодательства. Однако, как указывалось в юридической литературе [5, 17, 22], понятие «личность преступника (обвиняемого)» необходимо для: а) решения вопросов, касающихся определения оснований уголовной ответственности и юридических мотивов отдельных видов преступлений; б) индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Поэтому в судебной психологии личность обвиняемого была выделена М. М. Коченовым как самостоятельный предмет исследования [11].

При исследовании личностного опосредования криминальной агрессии в этот период велись также работы по изучению роли отдельных черт личности [2, 11, 12],

групповых влияний [40], этно-культуральных факторов [32], мотивации [4, 10] возрастных факторов [13, 25], а также психических расстройств в формировании и реализации общественно опасных действий.

В работах М.М. Коченова, Л.П. Конышевой, Ю.Л. Метелицы, И.А. Кудрявцева, Н.Б. Морозовой, М.В. Морозовой [21] и др. были разработаны судебно-экспертные критерии оценки способности потерпевших и свидетелей (в основном малолетних и несовершеннолетних) правильно воспринимать имеющие значения для дела обстоятельства и давать о них показания, а также их способности понимать характер и значение действий виновного в половом преступлении или оказывать ему сопротивление.

Именно в этот период были разработаны проблемы комплексной психолого-сексолого-психиатрической экспертизы обвиняемых, выделены предметные виды таких экспертиза, обоснованы методические подходы к экспериментально-психологическому обследованию подэкспертных [49].

Третий этап. Развитие СПЭ и КСПЭ в условиях нового законодательства.

Введение в действие с 1 января 1997 г. УК РФ явилось новым и важным этапом в развитии отечественного уголовного законодательства. Одним из достоинств нового уголовного закона является, по выражению О.Д. Ситковской, значительная его «психологизация» [46]. Она же отмечала, что в первоначальный период в судебно-психологических работах, появившихся после принятия УК РФ, в подавляющем большинстве случаев авторы (обычно, профессиональные психологи) не оценили в должной мере важных изменений, внесенных УК РФ.

Наиболее дискуссионные проблемы возникли при обсуждении экспертизы аффекта и юридически значимых экспертных категорий, возникающих при необходимости судебной квалификации деяния по ст. 22 УК РФ.

Долгое время велась дискуссия об объеме экспертного понятия аффекта, о возможности одновременной судебно-экспертной квалификации аффекта и так называемой ограниченной вменяемости, о возможности установления аффекта на фоне алкогольного опьянения и т.п. Результатом этих творческих споров явилось издание в 2004 г. Методических рекомендаций «Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого» [3]. Они составлены сотрудниками Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, утверждены Минздравом России и Минюстом России как унифицированные и единообразные критерии, рекомендованные для государственных судебно-экспертных учреждений. В них рассмотрен алгоритм проведения судебной экспертизы аффекта, показаны особенности диагностики аффекта на патологической почве, на фоне алкогольного опьянения, у несовершеннолетних обвиняемых, приведены критерии дифференциальной диагностики «нормального» и «патологического» аффектов, разграничения аффекта и эмоциональных реакции (состояний) в рамках «вменяемости» и «ограниченной вменяемости».

Проблема «ограниченной вменяемости» разрабатывалась в основном в рамках судебно-психиатрической экспертизы, в то же время в работах Ф.С. Сафуанова, Е.Н. Лапшиной, И.А. Кудрявцева и др. авторов [7, 14, 37] были

показаны возможности комплексной психолого-психиатрической оценки способности обвиняемых с психическими расстройствами осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими не в полной мере.

Активно разрабатывались также проблемы СПЭ и КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых. В работах Е.Г. Дозорцевой, В.А. Гурьевой, И.А. Кудрявцева, О.Д. Ситковской, Г.М. Миньковского, С.С. Шипшина, Ф.С. Сафуанова и др. обсуждалось содержательное психологическое наполнение критериев определения отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, обуславливающего ограничение возможности обвиняемого осознанно и произвольно регулировать свои криминальные деяния [13, 21].

В это период был выделен новый предметный вид СПЭ и КСППЭ в уголовном процессе — экспертиза психического состояния матери, совершившей убийство новорожденного ребенка, имеющий значение для квалификации ст. 106 УК РФ [6, 8, 36].

Новые подходы были сформулированы и в отношении экспертизы лиц, окончивших жизнь самоубийством [26, 33].

Значимым признаком данного этапа развития СПЭ и КСППЭ явилось распространение судебных экспертиз с участием психолога на гражданское судопроизводство. После принятия новых ГК РФ СК РФ исследователи выделили целый ряд предметных видов экспертизы, в которых необходимо использование знаний в области психологии. Впервые такая попытка была предпринята юристом Т. В. Сахновой, которая еще в 1990 г. издала книгу с характерным названием «Зачем суду психолог? О психологической экспертизе в гражданском процессе». С начала нового столетия вопросы психологических исследований в гражданском процессе стали активно разрабатываться в судебно-экспертном контексте.

В соответствии с необходимостью определения «порока воли» при совершении сделки вследствие неспособности гражданина, хотя и дееспособного, но находившегося в таком состоянии, которое лишало его способности понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), или в состоянии заблуждения (ст. 178 ГК РФ), был выделен новый вид СПЭ и КСППЭ — экспертиза «сделкоспособности» [21, 44].

Бурное развитие получила экспертиза по гражданским делам, связанным с защитой интересов ребенка. Свообразным итогом разработок в этой области стала монография Ф.С. Сафуанова, Н.К. Харитоновой и О. \А. Русаковской «Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка» [43].

Новой предметной областью СПЭ и КСППЭ в гражданском процессе стала экспертиза по делам, связанным с компенсацией морального вреда (ст. 151 ГК РФ). Были выделены факторы, имеющие юридическое значение для установления степени выраженности «нравственных страданий» истца и их причинно-следственной связи с причинением вреда [9, 42, 50].

Развивается такой вид комплексных исследований как психолого-лингвистическая экспертиза [18].

На сегодняшний день продолжают оставаться актуальными вопросы теории СПЭ, непосредственно вытекающие из оценки законодательных нововведений. Центральной проблемой СПЭ является разработка экспертных критериев судебно-психологической оценки юридически значимых способностей подэкспертных лиц. Она зависит от решения основополагающих теоретических вопросов (определения объекта, общего и частных предметов исследований судебного эксперта-психолога, его специальных знаний и границ компетенции), разработки методологических принципов (учитывающих своеобразие судебно-экспертного подхода к психодиагностике и правовые аспекты ее применения), поиска оптимальных организационно-правовых форм взаимодействия экспертов с правоохранительными органами и взаимодействия (в рамках КСПЭ) экспертов-психологов с экспертами-психиатрами.

Литература

1. *Алексеева Л.В.* Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. Тюмень, 1997. 315 с.
2. *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 248 с.
3. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы / Авторы-составители Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. М.: Генезис, 2013. 312 с.
4. *Гульдан В.В.* Мотивация преступного поведения психопатических личностей // Криминальная мотивация. М., 1986. С. 189-250.
5. *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. 132 с.
6. *Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка: Руководство для врачей и психологов. М., 2001. 32 с.
7. *Дмитриева Т.Б., Сафуанов Ф.С.* Критерии ограниченной способности к осознанию и регуляции криминально-агрессивных действий обвиняемых (по материалам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы // Российский психиатрический журнал. 2001. № 3. С. 48-57.
8. *Дмитриева Т.Б., Щукина Е.Я., Качаева М.А.* Применение новой 106 статьи УК РФ в отношении матерей, совершивших убийства новорожденных // Российский психиатрический журнал. 1998. № 2. С. 65-68.

-
9. *Калинина А.Н., Шипшин С.С.* Основы технологии экспертной психологической диагностики морального вреда // Судебная психиатрия. Вып. № 4. М., 2001. С. 19-32.
 10. *Коньшева Л.П.* Психологическое изучение мотивации при расследовании насильственных преступлений // Юридическая психология. М., 1998. С. 74-95.
 11. *Коченов М.М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. 352 с.
 12. *Кудрявцев И. А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М. : Юридическая литература, 1988. 224 с.
 13. *Кудрявцев И.А., Дозорцева Е.Г.* Психологический возраст: методологические проблемы и судебная экспертная практика // Психологический журнал. 1988. № 6. С. 103-115.
 14. *Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н.* Психологические подходы к проблеме саморегуляции и их прикладное значение для решения вопросов судебно-экспертной практики (ст. 22 УК РФ): Аналитический обзор. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010. 38 с.
 15. *Кудрявцев И.А., Печерникова Т.П., Азбукина В.Д., Владимирская М.Т., Цапенко И.В.* О диагностической информативности некоторых патопсихологических симптомокомплексов // Судебно-психиатрическая экспертиза лиц пожилого и старческого возраста: Сборник научных трудов № 37. М., 1981. С. 85-91.
 16. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С.* Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 1989. Вып. 6. С. 86-92.
 17. *Кузнецов А.В.* Уголовное право и личность. М.: Юридическая литература, 1977. 168 с.
 18. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ЭКОМ-Паблицер, 2011. 326 с.
 19. *Лавринович А.Н., Москаленко Е.П.* К проблеме квалификации результатов патопсихологического исследования // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 1984. Вып. 12. С. 1832-1838.

-
20. *Миньковский Г.М.* Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М., 1959. 208 с.
 21. Медицинская и судебная психология. Курс лекций : учебное пособие /Под ред. Дмитриевой Т.Б., Сафуанова Ф.С. М.: Генезис, 2009. 606 с.
 22. *Озрих М.Ф.* Личность и право. М., 1975, 217 с.
 23. *Печерникова Т.П., Станишевская Н.Н.* Вопросы организации судебной комплексной психиатрической экспертизы // Вопросы организации судебно-психиатрической экспертизы. М., 1975. С. 94-105.
 24. *Печерникова Т.П., Гульдан В.В., Остришко В.В.* Особенности экспертной оценки аффективных реакций у психически здоровых и психопатических личностей: Методические рекомендации. М., 1983. 30 с.
 25. *Печерникова Т.П., Гульдан В.В.* Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Психологический журнал. 1985. № 1. С. 96-105.
 26. *Печерникова Т. П., Туденева Т. Н.* Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «по факту смерти» //Российский психиатрический журнал,2004, № 2, с. 15-20.
 27. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.
 28. *Рогачевский Л.И.* О судебно-психологической экспертизе // Вопросы криминалистики. М., 1964. С. 36-43.
 29. *Сафуанов Ф.С.* О проблеме аффективных состояний // Советская юстиция. 1991. № 21-22. С.4-5.
 30. *Сафуанов Ф.С.* .Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психологический журнал. 1994. № 3. С. 51.
 31. *Сафуанов Ф.С.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза личности обвиняемого // Современные проблемы психиатрии. Казань, 1994. С. 48-50.
 32. *Сафуанов Ф.С.* Влияние этнических и культуральных факторов на регуляцию поведения в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы // Культуральные и этнические проблемы психического здоровья. М., 1995. С. 160-164.
 33. *Сафуанов Ф.С.* Психолого-психиатрическая экспертиза по факту самоубийства // Российская юстиция, 1995, № 12. С. 28-31.

-
34. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы // Психологический журнал. 1997. № 2. С. 50-57.
35. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. 192 с.
36. Сафуанов Ф.С. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 29-30.
37. Сафуанов Ф.С. Психологическая типология криминальной агрессии // Психологический журнал. 1999. № 6. С. 24-35.
38. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300с.
39. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2014. 421 с.
40. Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. Социально-психологический анализ индуцированных психических расстройств в судебно-психиатрической практике // Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1995. № 4. С. 192-202.
41. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Судебные экспертизы с участием психолога в Российской Федерации: формы, виды, перспективы межведомственного взаимодействия // Юридическая психология, № 1, 2006, с. 30-37.
42. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Дозорцева Е.Г. Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник № 43. М., 2005. С. 228-230.
43. Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К., Русаковская О. А Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.. Генезис, 2012, 192 с.
44. Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 200 с.
45. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта: Методическое пособие. М., 1983. 71 с.
46. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. 96 с.

-
47. Станишевская Н.Н., Азбукина В.Д., Бурштын И.Б., Владимирская М.Т., Гульдман В.В. Практика проведения стационарных комплексных психолого-психиатрических экспертиз // Вопросы судебно-психологической экспертизы. М., 1974. С. 41-45.
48. Станишевская Н.Н., Гульдман В.В. Значение психологических исследований в судебно-психиатрической экспертизе // Теоретические и организационные вопросы судебной психиатрии. М., 1977. С. 96-104.
49. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М., БИНОМ, 2015. 648 с.
50. Холопова Е.Н. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального вреда в уголовном судопроизводстве. Калининград, 2003. 112 с.
51. Фелинская Н.И., Печерникова Т.П. Компетенция комплексных судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз // Социалистическая законность. 1973. № 12. С. 44.
52. Фелинская Н.И., Станишевская Н.Н. Использование психологических знаний в уголовном процессе // Советская юстиция. 1971. № 7. С. 5-7.
53. Шипшин С.С. К вопросу о понятии «аффект» в уголовном процессе и судебно-психологической экспертизе // Психология созидания. Казань, 2000. Т.7. Вып.2. С. 119-120.
54. Экмекчи А.С. О судебно-психологической экспертизе // Советская юстиция. 1968. № 6, с. 11.

History of the development of forensic psychological examination

Safuanov F.S., Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of legal psychology of the Moscow City Psychological and Pedagogical University (safuanovf@mail.ru)

The article discusses the history of forensic psychological and comprehensive examinations with her, isolated and analyzed three stages. The first stage - the emergence of forensic psychological examination as an independent branch of the forensic identification of the main subject of species introduction into the proceedings (the end of the 70s of the twentieth century - early 80s). The second stage - the emergence of forensic psychological examination and development of theoretical, methodological, organizational and legal problems, including - the criteria of forensic psychological expert assessment of legally significant abilities of the accused, victims and witnesses in criminal proceedings (the beginning of the 80s - 1997). The third phase - the development of forensic psychological examination in the new legislation of the Russian Federation, the emergence of forensic psychological expertology, the allocation of new types of forensic psychological examination in criminal proceedings, the introduction of this type of expertise in civil proceedings (from 1997 to the present). Designated urgent problems to be solved to improve the theory and practice of forensic psychological examination.

Keywords: forensic psychiatric examination, a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, the history of forensic psychology.

References

1. *Alekseeva L.V.* Problema juridicheski znachimyh jemocional'nyh sostojanij. Tjumen', 1997, 315 p.
2. *Antonjan Ju.M., Gul'dan V.V.* Kriminal'naja patopsihologija. M.: Nauka, 1991, 248 p.
3. *Affekt: praktika sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj jekspertizy /Avtory-sostaviteli Safuanov F.S., Makushkin E.V.* M.: Genезis, 2013, 312 p.
4. *Gul'dan V.V.* Motivacija prestupnogo povedenija psihopaticeskikh lichnostej // Kriminal'naja motivacija. M., 1986. pp.189-250.
5. *Dagel' P.S.* Uchenie o lichnosti prestupnika v sovetskom ugovnom prave. Vladivostok, 1970, 132 p.
6. *Dmitrieva T.B., Kachaeva M.A., Safuanov F.S.* Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza psihicheskogo sostojanija materi, obvinjaemoj v

- убийстве новорожденного ребенка: Руководство для врачей и психологов. М., 2001, 32 п.
7. *Dmitrieva T.B., Safuanov F.S.* Критерии ограниченной способности к осознанию и регуляции криминально-агрессивных действий обвиняемых (по материалам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы // Российский психиатрический журнал. 2001. № 3. pp. 48-57.
 8. *Dmitrieva T.B., Shhukina E.Ja., Kachaeva M.A.* Применение новой 106 ст'и УК РФ в отношении матерей, совершивших убийства новорожденных // Российский психиатрический журнал. 1998. № 2. pp.65-68.
 9. *Kalinina A.N., Shipshin S.S.* Основы технологии экспертной психологической диагностики морального вреда // Судебная психиатрия. Вып. № 4. М., 2001, pp.19-32.
 10. *Konyshева L.P.* Психологическое изучение мотивации при расследовании насильственных преступлений // Юридическая психология. М., 1998. pp.74-95.
 11. *Kochenov M.M.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010, 352 п.
 12. *Kudrjavcev I. A.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М. : Юридическая литература, 1988, 224 п.
 13. *Kudrjavcev I.A., Dozorcheva E.G.* Психологический возраст: методологические проблемы и судебная экспертная практика // Психологический журнал. 1988. № 6. pp.103-115.
 14. *Kudrjavcev I.A., Lapshina E.N.* Психологические подходы к проблеме саморегуляции и их прикладное значение для решения вопросов судебно-экспертной практики (ст. 22 УК РФ): Аналитический обзор. М.: FGU «GNC SSP Roszdrava», 2010. 38 п.
 15. *Kudrjavcev I.A., Pechernikova T.P., Azbukina V.D., Vladimirsкая M.T., Capenko I.V.* О диагностической информативности некоторых патopsихологических симптомкомплексов // Судебно-психиатрическая экспертиза лиц позднего и старческого возраста: Сборник научных трудов № 37. М., 1981. pp.85-91.
 16. *Kudrjavcev I.A., Safuanov F.S.* Патopsихологические симптомкомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 1989. Вып. 6. pp.86-92.
 17. *Kuznecov A.V.* Уголовное право и личность. М.: Юридическая литература, 1977, 168 п.

-
18. *Kukushkina O. V., Safonova Ju. A., Sekerazh T. N.* Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoj psihologo-lingvisticheskoj jekspertizy tekstov po delam, svjazannym s protivodejstviem jekstremizmu. M.: JeKOM-Publisher, 2011. 326 p.
 19. *Lavrinovich A.N., Moskalenko E.P.* K probleme kvalifikacii rezul'tatov patopsihologicheskogo issledovanija // Zhurnal nevropatologii i psihatrii im. S.S.Korsakova. 1984. Vyp. 12. pp.1832-1838.
 20. *Min'kovskij G.M.* Osobennosti rassledovanija i sudebnogo razbiratel'stva del o nesovershennoletnih. M., 1959, 208 p.
 21. *Medicinskaja i sudebnaja psihologija. Kurs lekcij : uchebnoe posobie /Pod red. Dmitrievoj T.B., Safuanova F.S.* M.: Genezis, 2009, 606 p.
 22. *Ozrih M.F.* Lichnost' i pravo. M., 1975, 217 p.
 23. *Pechernikova T.P., Stanishevskaja N.N.* Voprosy organizacii sudebnoj kompleksnoj psihiatricheskoj jekspertizy // Voprosy organizacii sudebno-psihiatricheskoj jekspertizy. M., 1975. pp.94-105.
 24. *Pechernikova T.P., Gul'dan V.V., Ostrishko V.V.* Osobennosti jekspertnoj ocenki affektivnyh reakcij u psihicheski zdorovyh i psihopaticeskikh lichnostej: Metodicheskie rekomendacii. M., 1983, 30 p.
 25. *Pechernikova T.P., Gul'dan V.V.* Aktual'nye voprosy kompleksnoj psihologo-psihiatricheskoj jekspertizy // Psihologicheskij zhurnal. 1985. № 1. pp.96-105.
 26. *Pechernikova T. P., Tudeneva T. N.* Posmertnaja sudebno-psihiatricheskaja jekspertiza «po faktu smerti» //Rossijskij psihiatricheskij zhurnal,2004, № 2, pp.15-20.
 27. *Ratinov A.R.* Sudebnaja psihologija dlja sledovatelej. M., 1967, 290 p.
 28. *Rogachevskij L.I.* O sudebno-psihologicheskoj jekspertize // Voprosy kriminalistiki. M., 1964, pp.36-43.
 29. *Safuanov F.S.* O probleme affektivnyh sostojanij // Sovetskaja justicija. 1991. № 21-22. pp.4-5.
 30. *Safuanov F.S.* Ob osnovnyh kategorijah sudebno-psihologicheskoj jekspertizy v ugolovnom processe // Psihologicheskij zhurnal. 1994. № 3. pp. 51.
 31. *Safuanov F.S.* Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza lichnosti obvinjaemogo // Sovremennye problemy psihatrii. Kazan', 1994. pp.48-50.

-
32. *Safuanov F.S.* Vlijanie jetnicheskikh i kul'tural'nyh faktorov na reguljaciju povedenija v praktike sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj jekspertizy // Kul'tural'nye i jetnicheskie problemy psihicheskogo zdorov'ja. M., 1995, pp.160-164.
 33. *Safuanov F.* Psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza po faktu samoubijstva // Rossijskaja justicija. , 1995, № 12. - pp. 28-31.
 34. *Safuanov F.S.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza affekta v svete novogo Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy // Psihologicheskij zhurnal. 1997. № 2. pp.50-57.
 35. *Safuanov F.S.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugolovnom processe. M., 1998, 192 p.
 36. *Safuanov F.S.* Jekspertiza psihicheskogo sostojanija materi, obvinjaemoj v ubijstve novorozhdennogo rebenka // Rossijskaja justicija. 1998. № 3. pp.29-30.
 37. *Safuanov F.S.* Psihologicheskaja tipologija kriminal'noj agressii // Psihologicheskij zhurnal. 1999. № 6. pp.24-35.
 38. *Safuanov F.S.* Psihologija kriminal'noj agressii. M.: Smysl, 2003, 300 p.
 39. *Safuanov F.S.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2014, 421 p.
 40. *Safuanov F.S., Makushkin E.V.* Social'no-psihologicheskij analiz inducirovannyh psihicheskikh rasstrojstv v sudebno-psihiatricheskoj praktike // Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii im.V.M.Behtereva. 1995. № 4. pp.192-202.
 41. *Safuanov F.S., Sekerazh T.N.* Sudebnye jekspertizy s uchastiem psihologa v Rossijskoj Federacii: formy, vidy, perspektivy mezhvedomstvennogo vzaimodejstvija // Juridicheskaja psihologija, № 1, 2006, pp. 30-37
 42. *Safuanov F.S., Haritonova N.K., Dozorceva E.G.* Kompetencija kompleksnoj sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj jekspertizy po delam o kompensacii moral'nogo vreda // Praktika sudebno-psihiatricheskoj jekspertizy. Sbornik № 43. M., 2005. pp.228-230.
 43. *Safuanov F. S., Haritonova N. K., Rusakovskaja O. A* Psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza po sudebnym sporam mezhdu roditeljami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. M.. Genезis, 2012, 192 p.
 44. *Sekerazh T.N.* Teoreticheskie i metodicheskie osnovy diagnostiki «poroka voli» v sudebnoj psihologicheskoj jekspertize: diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2004

-
45. *Sitkovskaja O.D.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza affekta: Metodicheskoe posobie. M., 1983, 71 p.
46. *Sitkovskaja O.D.* Psihologicheskij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. M., 1999, 96 p.
47. *Stanishevskaja N.N., Azbukina V.D., Burshtyn I.B., Vladimirskaia M.T., Gul'dan V.V.* Praktika provedenija stacionarnyh kompleksnyh psihologo-psihiatricheskikh jekspertiz // *Voprosy sudebno-psihologicheskoi jekspertizy.* M., 1974. pp.41-45.
48. *Stanishevskaja N.N., Gul'dan V.V.* Znachenie psihologicheskikh issledovanij v sudebno-psihiatricheskoi jekspertize // *Teoreticheskie i organizacionnye voprosy sudebnoj psichiatrii.* M., 1977. pp.96-104.
49. *Tkachenko A.A., Vvedenskij G.E., Dvorjanchikov N.V.* Sudebnaja seksologija. M., BINOM, 2015, p.648.
50. *Holopova E.N.* Pravovye osnovy sudebno-psihologicheskoi jekspertizy po faktu moral'nogo vreda v ugolovnom sudoproizvodstve. Kaliningrad, 2003. 112 p.
51. *Felinskaja N.I., Pechernikova T.P.* Kompetencija kompleksnyh sudebno-psihiatricheskikh i sudebno-psihologicheskikh jekspertiz // *Socialisticheskaja zakonnost'.* 1973. № 12. p.44.
52. *Felinskaja N.I., Stanishevskaja N.N.* Ispol'zovanie psihologicheskikh znanij v ugolovnom processe // *Sovetskaja justicija.* 1971. № 7. pp.5-7.
53. *Shipshin S.S.* K voprosu o ponjatii «affekt» v ugolovnom processe i sudebno-psihologicheskoi jekspertize // *Psihologija sozidaniia.* Kazan', 2000. T.7. Vyp.2. pp.119-120.
54. *Jekmekchi A.S.* O sudebno-psihologicheskoi jekspertize // *Sovetskaja justicija.* 1968. № 6, p.11.